

Институт славяноведения РАН

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

EAST SLAVIC STUDIES

EAST SLAVIC STUDIES

Issue 3
2024

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 3
2024

УДК 94
ББК 63.3
В78

Издание основано в 2020 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

В78 Восточнославянские исследования. Вып. 3 / гл. ред. Б.Н. Флорья. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2024. — 224 с.

ISSN 2782-473X
DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3

«Восточнославянские исследования» — серийное издание, посвященное истории, языку и культуре зарубежных восточнославянских народов. Для специалистов в области гуманитарных наук и широкого круга читателей.

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

Founded in 2020

Founder and publisher: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

East Slavic Studies. Issue 3 / Editor-in-Chief Boris N. Florya. Moscow : Institute of Slavic Studies, RAS ; St. Petersburg : Nestor-Historia, 2024. — 224 p.

“East Slavic Studies” is a new serial edition dedicated to history, languages and culture of East Slavic nations and states. This issue will interest both researchers in Humanities and a wide range of readers.

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
E-mail: studvostslav@yandex.ru

© Институт славяноведения РАН,
2024
© Коллектив авторов, 2024
© П. К. Донской, оформление, 2024
© Издательство «Нестор-История»,
2024

© Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences, 2024
© Authors, 2024
© P. K. Donskoy, Design, 2024
© Publishing House “Nestor-
Historia”, 2024

Главный редактор

Борис Николаевич Флоря,
чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Заместитель главного редактора

Елена Юрьевна Борисёнок, д. и. н., Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь

Дарья Александровна Короткова, к. и. н., Институт славяноведения РАН

Редколлегия

Игорь Игоревич Баринов, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Михаил Юрьевич Дронов, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Мария Эдуардовна Клопова, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., Институт славяноведения РАН
Юрий Андреевич Лабынцев, д. филол. н., Институт славяноведения РАН
Геннадий Филиппович Матвеев, д. и. н., профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Михаил Андреевич Робинсон, д. и. н., Институт славяноведения РАН
Лариса Леонидовна Щавинская, к. филол. н., Институт славяноведения РАН

Международный редакционный совет

Петер Шворц, PhD, проф., Прешовский университет (Прешов, Словакия)
Кирилл Владимирович Шевченко, д. и. н., проф., филиал Российского
государственного социального университета в г. Минске (Минск, Беларусь)
Михал Шмигель, PhD, доц.,
Университет им. Матея Бела (Банска-Бистрица, Словакия)
Эдмунд Станиславович Ярмусик, д. и. н., проф.,
Гродненский государственный университет (Гродно, Беларусь)

Редактор-корректор (англ.)

Мелани Гертхайнрих

Editor-In-Chief

Boris N. Florya,

Russian Academy of Sciences, Corresponding Member

Deputy Editor-In-Chief

Elena Yu. Borisenok, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Executive Secretary

Darya A. Korotkova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Editorial Office

Igor I. Barinov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Mikhail Yu. Dronov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Maria E. Klopova, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Kirill A. Kochegarov, PhD (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Yury A. Labyntzev, Dr. Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

Gennady F. Matveev, Dr. Sci. (History), prof.,

Moscow Lomonosov State University

Mikhail A. Robinson, Dr. Sci. (History), Institute of Slavic Studies, RAS

Larisa L. Shchavinskaja, PhD (Philology), Institute of Slavic Studies, RAS

International Editorial Board

Kirill V. Shevchenko, Dr. Sci. (History), Prof.,

Russian State Social University, Minsk Branch (Minsk, Belarus)

Michal Šmigel', PhD, Assistant Prof.,

Matej Bel University in Bańska Bystrica (Bańska Bystrica, Slovakia)

Peter Švorc, PhD, Prof., Prešov University (Prešov, Slovakia)

Edmund S. Yarmusik, Dr. Sci. (History), Prof.,

Janka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Copy-Editor (Engl.)

Melanie Gertheinrich

Содержание

Статьи

<i>Флоря Б.Н.</i> «Дело Рославца» и отношения Москвы и Батурина (1676–1677 годы)	11
<i>Корбут В.А.</i> Белорусский язык как определяющий фактор формирования белорусской национальной идентичности и движения в начале XX века	36
<i>Маханько М.А.</i> Последний год церковного музея при Холмском православном Свято-Богородицком братстве на родине: по материалам инвентарной книги (октябрь 1914 — май 1915 года)	56
<i>Клопова М.Э.</i> Беженцы-галичане в России в годы Первой мировой войны (по материалам Галицко-русского благотворительного общества)	75
<i>Борисёнок Е.Ю.</i> Национал-коммунист Иван Майстренко и межвоенная УССР сквозь призму «Истории моего поколения»	93
<i>Ананько К.Д.</i> «Спрыттурмисты и гайсаки»: скаутское движение в белорусских гимназиях межвоенной Польши	115
<i>Баринов И.И.</i> «Мое отношение к белорусскому делу неизменно»: личностная биография Андрея Боровского	128

Публикация

<i>Ганин А.В.</i> «Украина в 1919 году представляла собой кипящий котел...» Полковник Н.Ф. Соколовский о белом подполье на Украине: показания 1922 года	149
---	-----

Рецензии

<i>Ланник Л.В.</i> О драме украинского нацистроительства (Парфирьев Д.С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веней, Берлином и Киевом. 1914–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с. (Новейшие исследования по всеобщей истории))	178
---	-----

<i>Байдалова Е. В.</i> Антология, получившая Национальную премию имени Тараса Шевченко (Назаренко М. Крім «Кобзаря». Антологія української літератури 1792–1883: У двох частинах. Київ: Laugus, 2021. 496+488 с.)	191
---	-----

Хроника

<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М.</i> Международная научная конференция «XV чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)»	202
<i>Короткова Д. А.</i> Международная научная конференция «Центры и периферии: особенности взаимоотношений» из цикла «Белоруссия и Украина: люди и идеи»	208
<i>Клопова М. Э.</i> III Всероссийское совещание славистов. Секция «Проблемы восточнославянской этнонимии в XVII–XX веках»	216

Contents

Articles

- Florya B.N.* Roslavets Affair and Relations of Moscow and Baturin (1676–1677)..... 11
- Korbut V.A.* The Belarusian Language as a Determining Factor in the Belarusian National Identity Formation and National Movement in the Early Twentieth Century 36
- Makhanko M.A.* The Last Year of the Church Museum at the Kholm Orthodox Theotokos Brotherhood: Based on the Materials of the Inventory Book (from October 1914 to May 1915) 56
- Klopova M.E.* Galician Refugees in Russia during the First World War (Based on the Materials of the Galician-Russian Charitable Society). 75
- Borisenok E. Yu.* National Communist Ivan Maistrenko and the Interwar Ukrainian SSR through the Prism of “The History of My Generation” 93
- Ananko K.D.* The “Sprytgurmists and Haisaks”: the Scout Movement in Belarusian Gymnasiums of Interwar Poland 115
- Barinov I.I.* “My Attitude towards the Belarusian Movement has not Changed”: The Personal Biography of Andrei Borovsky..... 128

Publication

- Ganin A. V.* “Ukraine in 1919 Was Like a Boiling Pot...” Colonel N. F. Sokolovsky on the White Underground Movement in Ukraine: A Testimony of 1922. 149

Reviews

- Lannik L. V.* About the Drama of Ukrainian Nation-Building (Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Венной, Берлином и Киевом. 1914–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с. (Новейшие исследования по всеобщей истории)) 178
- Baydalova E. V.* An Anthology that Received the National Taras Shevchenko Prize (Назаренко М. Крім «Кобзаря». Антологія української літератури 1792–1883: У двох частинах. Київ: Laurus, 2021. 496+488

c.).....	191
----------	-----

Chronicles

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scientific Conference “XV Readings in memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”	202
Korotkova D. A. International Scientific Conference “Centres & Peripheries: Specifics of Relationship” from the Cycle “Ukraine & Belarus: People & Ideas”	208
Klopova M. E. III All-Russian Meeting of Slavists Section “Problems of East Slavic ethnonymy in the 17 th –20 th centuries”	216

Борис Николаевич Флоря

доктор исторических наук
член-корреспондент РАН
заведующий Отделом истории средних веков
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

«Дело Рославца» и отношения Москвы и Батурина (1676–1677 годы)

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.01

Аннотация: Статья посвящена истории внутриполитического конфликта в Левобережном гетманстве в 1676 г. и его влиянию на отношения с Москвой. Стародубский полковник Петр Рославец обратился к казакам своего полка с предложением выйти из состава гетманства и присоединиться к казачьим полкам Слобожанщины, подчиненным власти Г. Г. Ромодановского как главы Белгородского разряда. Автор показывает особенности позиции гетмана Ивана Самойловича, акцентируя внимание на последовательности его действий и достаточно резких отзывах о поведении центральной власти. Верховная власть, в свою очередь, стремилась погасить конфликт и сохранить хорошие отношения с гетманом, удовлетворив в итоге все его пожелания. В обстановке нараставшей угрозы большой войны с Османской империей в Москве были заинтересованы в военно-политическом сотрудничестве с гетманством в борьбе с османами. Для успешного осуществления такого сотрудничества было полезно укрепить власть лояльного Москве гетмана, только что добившегося капитуляции Петра Дорошенка.

Ключевые слова: Левобережное гетманство, старшина, русское правительство, гетман И. Самойлович, полковник П. Рославец, нежинский протопоп Симеон Адамович

В 1676 г. на Левобережье происходили значимые события. Свидетельства о них дают исследователю интересный материал для изучения и характерных черт отношений Москвы и Батурина, и внутриполитической ситуации в гетманстве. Большое внимание уделено этим событиям в «Руине» Н. И. Костомарова¹, опубликовав-

¹ Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография (1663–1685 гг.) // Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1905. С. 271 и след.

шего в «Актах Южной и Западной России» ряд важных свидетельств о них. И это понятно, так как в гетманстве в первые годы правления И. Самойловича имел место единственный внутривойсковой конфликт, стороны которого обращались к Москве. Ряд соображений высказал и А. С. Алмазов в своей биографии гетмана².

Летом 1676 г. стародубский полковник Петр Рославец обратился к казакам своего полка с предложением выйти из состава гетманства и присоединиться к казачьим полкам Слобожанщины, подчиненным власти Г. Г. Ромодановского как главы Белгородского разряда.

Остается неясным, что побудило П. Рославца к такому выступлению. Выходец из среды казаков Стародубского полка, он сделал успешную карьеру, став в 1660-х гг. стародубским полковником. Вместе с другими старшинами он утратил свой пост в конце правления Демьяна Многогрешного и вернул его после низложения гетмана, активно участвуя в перевороте вместе с И. Самойловичем. Сохранившиеся сведения о его разнообразном имуществе характеризуют Рославца как типичного представителя казацкой верхушки своего времени, активно занятой своим обогащением. 1 января 1675 г. он получил от И. Самойловича универсал на принадлежавшие ему села и слободки³. Все эти сведения не позволяют видеть в П. Рославце идейного противника И. Самойловича и его советников.

О предыстории конфликта позволяет судить ряд «листов» П. Рославца от июня — июля 1676 г. и письмо И. Самойловича Рославцу того же периода. В изложении Н. И. Костомарова «листы» П. Рославца не упоминаются, о них кратко сказано в биографии И. Самойловича, написанной А. С. Алмазовым⁴.

Источники не дают прямого ответа на вопрос, чем недоволен был П. Рославец, почему он предпринял попытку уйти из-под власти

² Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 205–207, 208–209, 213.

³ О карьере и имуществе П. Рославца см.: Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Т. VI. С. 182, 190, 192, 280; Кривошея В. В. Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. Київ, 2010. С. 621; Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 210.

⁴ Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 210.

гетмана вместе с полком на Слобожанщину и подчиниться власти Г. Г. Ромодановского.

Ясные указания на такой план содержатся в письме от 21 июня, в котором П. Рославец передавал слухи, что «уже и Гадяцкой и Лубенской полк и иные уже к гетману не едут, только до боярина Ромодановского, не хотят тут пребывать», следует не отставать от них⁵. П. Рославец, по-видимому, рассчитывал возглавить масштабные выступления против гетмана. Позднее гетман говорил царскому представителю С. Алмазову, что, как ему сообщала полковая старшина, Рославец говорил об отделении Стародубского полка от гетманства с сумским полковником Герасимом Кондратьевым⁶, но что они обсуждали и какова была роль Г. Кондратьева — установить не удастся.

В итоге, как известно, такую попытку предпринял только стародубский полковник. Это его решение было связано не только с неизвестными нам особенностями его отношений с гетманом и генеральной старшиной. Имело значение, как представляется, и то, что уже после низложения Демьяна Многогрешного казаки этого полка обсуждали планы отделения, рассчитывая таким путем избавиться от поборов в пользу старшины⁷. Таким образом, у Рославца были определенные основания рассчитывать на поддержку рядового казачества.

Определенным толчком в этом отношении для П. Рославца явилась присылка весной 1676 г. в Стародубский полк на содержание 500 «заднепрских казаков», которые, не удовлетворившись выделенным им, «сверх гетманского писма... выбирают». От этого «уездным людям учинилась налога великая»⁸. Недовольство населения усилилось, и П. Рославец попытался его использовать.

Об избранных им приемах агитации говорит «лист», отправленный стародубским полковником «погарскому сотнику и всему посполству»⁹. В нем утверждалось, что «статьи», пожалованные жителям гетманства царем, нарушены «беспрестанными разными грабительствами». П. Рославец поэтому обращается к царю, «не могуче впред терпети», желая защитить «всех вас». Можно было бы

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 107. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 294.

⁷ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1671 г. № 11. Л. 501, 526–527.

⁸ См. об этом в «челобитье» П. Рославца: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 79.

⁹ Там же. Л. 14–16.

предположить, что он будет добиваться возобновления действия «статей», однако в конце «листа» П. Рославец предлагал до его возвращения из Москвы, т. е. «до царского указа», не ходить на военную службу к гетману. Очевидно, тогда определится, у кого казаки полка будут нести службу и кому платить. Хотя в сохранившихся «листах» об этом не говорится, скорее всего, он доказывал, что, перейдя в состав Белгородского разряда, казаки полка будут от поборов властей гетманства избавлены.

О намерениях П. Рославца ехать в Москву узнал в июле И. Самойлович. Разумеется, такая поездка, предпринятая без его санкции, вызвала недовольство гетмана, но его первоначальная реакция была достаточно мягкой. Гетман писал, что «по совету всее старшины» и он пошлет кого-нибудь в Москву для защиты своих интересов. Намерения П. Рославца, видимо, оставались ему неизвестными. Он даже выражал надежду, что его гонец Авдей убедит полковника «послушать» советы гетмана¹⁰.

Во второй половине июля полковник обосновался в Почепе, забрав туда с собой «клеиноты войсковые»¹¹. Из Почепа он продолжал рассылать «листы» с сообщениями о целях его поездки в Москву. «За обиду людцкую взялся есмь», — писал он снова ряду сотников. Рославец выражал намерение защищать людей, которых «розными вымыслими... обобрано, что иной и жилища своего лишаетца»¹².

Письма П. Рославца говорят о его намерении создать в Почепе полковую старшину, которая поддержала бы его поездку в Москву и определила отношение полка к распоряжениям гетмана¹³.

Хотя и выступая в защиту «посполитых» и простых казаков, П. Рославец вовсе не призывал их к борьбе с казацкой верхушкой. Напротив, он рассчитывал на сотрудничество с ней. 19 июля он писал в Стародуб есаулу Василию Юрьеву и наказному полковнику Ивану Михайлову: «Прошу господина Тимоху (городового атамана. — Б. Ф.) и господина обозного и всех моих приятелей, чтоб ко мне на малое время съехався, советовали во всем, как могу поступать».

¹⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 86. Грамота от 19 июля. См. также: Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. VI. С. 273.

¹¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 23.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Гетман намерен 500 казаков «неведомо куды послать», а он едет к царю «освободити людей бедных от такой тягости» (Там же. Л. 30–31).

Возможно, имелось в виду и обсуждение «листов» гетмана, получения которых П. Рославец ожидал¹⁴.

Заслуживает внимания характерная особенность некоторых «листов» — призывы к борьбе с недовольными. В одном из писем сотникам он рекомендовал им: «...никому своевольства не допускайте»¹⁵. Наказному полковнику стародубскому П. Рославец писал: «...в городе крепкую сторожу имейте, никого не пускайте»¹⁶. Очевидно, П. Рославец опасался, что его призывы могут вызвать волнения и старался предотвратить такую возможность.

Другой характерной особенностью этих «листов» является наличие в них целого ряда негативных высказываний о «заднепряхах». Уже в самом раннем из своих «листов» П. Рославец призывал не поддерживать контактов с такими людьми, «которые сами ж свою заднепрскую страну к спустошению чрез несогласие привели»¹⁷. Ясно, что такие аргументы П. Рославец употреблял, чтобы настроить жителей против «заднепрских казаков», но очевидно, что его отношение к Правобережью, оценка происходившего там не отличались от взглядов других левобережных старшин.

П. Рославец, как уже отмечалось, рассчитывал опереться на казачью верхушку, и чтобы обеспечить эту поддержку, использовал серьезные аргументы. Как позднее узнал И. Самойлович, мятежный полковник заверял, что казаки других полков «уклоняютца за мною» и что «от гетмана генеральная старшина отступила». Неясно, на чем основывались утверждения Рославца. Последующий ход событий их не подтвердил. К этому он добавлял, что нежинский протопоп Симеон Адамович «уже все исправил у царского величества»¹⁸. Эта важная деталь, как представляется, объясняет, почему Рославец решился выступить против гетмана и почему он уверенно писал в рассылавшихся им «листах», что царь удовлетворит его просьбы.

В начале правления И. Самойловича С. Адамович был доверенным лицом гетмана в его контактах с Москвой и ближайшим советником, но с конца 1674 г. их отношения осложнились. Недовольство

¹⁴ Там же. Л. 22–23.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 12 (1675–1676 гг.). СПб., 1882. № 224. Стб. 869–870.

гетманом, вероятно, способствовало сближению С. Адамовича и П. Рославца. Кроме того, к 1676 г. они оба оказались в конфликте с главой православного духовенства на Левобережье — черниговским архиепископом Лазарем Барановичем. У протопопа при содействии гетмана тот отобрал часть «маетностей», а на Стародубский полк наложил церковное отлучение. Реакцией на эти действия стало предложение Рославца подчинить полк в церковном отношении московскому патриарху. При этом имело значение сохранение С. Адамовичем прочных связей в Москве, созданных в прежние годы.

Летом 1676 г. протопоп искал поддержки в Москве, где у него сохранились контакты с главой Малороссийского приказа А. С. Матвеевым. Хотя в начале июня Матвеев попал в опалу, поддержка протопопу была оказана, были подтверждены его права на протопопию и «маетности». В царских грамотах от 27 июля гетману и архиепископу советовали оказать протопопу «милость»¹⁹. С. Адамович, очевидно, в это время сблизился с П. Рославцем, говорил в Москве о его планах по переходу Стародубского полка на Слобожанщину и, вероятно, встретил благоприятную реакцию, о чем и сообщил стародубскому полковнику.

Приведенные аргументы полковую верхушку не убедили. Созвать съезд в Почепе П. Рославцу не удалось. В его грамоте от 22 июля с недовольством отмечалось, что Тимоха «с платежным товариством» поехал к гетману²⁰. Как сообщал позднее И. Самойлович царю, эти люди сообщили ему о «непослушании» П. Рославца и «били челом о обращении нового полковника»²¹. В итоге между сторонами наступил открытый разрыв. В Стародуб направился генеральный есаул И. Лысенко. 26 июля он писал И. Самойловичу, что здесь «войсковые и мещанского стану люди» подчиняются власти гетмана и передали ему «листы» П. Рославца²². Были проведены выборы нового полковника. Избранный на этот пост городской атаман Тимофей Алексеев 28 июля просил о гетманском универсале на подтверждение «уряда»²³. Одно-

¹⁹ АЮЗР. Т. 12. № 185. Стб. 671–674; *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 987–989; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 273.

²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 131.

²¹ АЮЗР. Т. 12. Стб. 872; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 272–273.

²² РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 35.

²³ Там же. Л. 234–235.

временно, как сообщал царю И. Самойлович, П. Рославец поставил на полковые должности находившихся с ним сторонников и с ними направился в Москву²⁴. Сопровождение его было достаточно многочисленным, но добиться участия в поездке представителей всего полка ему не удалось. В его окружении были атаманы, сотники и хорунжие только из Мглина, Почепа и Баклановской сотни²⁵.

Очевидно, недовольные рядовые казаки сомневались в том, что богатый, преуспевающий и в то же время поддерживавший казацкую верхушку полковник действительно станет отстаивать их интересы. Характерно, что даже близкий к своему «куму»-полковнику священник Иван Киселевский в своем письме напоминал П. Рославцу, что против него выступают теперь те, «которых ты панами починил и хлебом накормил, и кармазином приodel»²⁶.

3 августа П. Рославец со своими сторонниками прибыл в Малороссийский приказ и им в соответствии с обычной практикой было назначено содержание²⁷. Сразу, однако, возникли сложности. П. Рославца запрашивали, почему он приехал без грамоты от гетмана²⁸. Это важное свидетельство о характере отношений Москвы и гетманства в середине 1670-х гг. Контакты жителей гетманства с Москвой должны были осуществляться при участии и с санкции властей гетманства.

Тогда П. Рославец заявил, что приехал в Москву, имея от гетмана «некакое опасенье», и подал челобитную с жалобой на то, что гетман обложил жителей полка поборами на содержание «заднепрских казаков», от чего «уездным людем учинилась налога великая»²⁹. В то же самое время по почте пришла в Москву грамота гетмана со свидетельствами о нарушении П. Рославцем порядка, его неповиновении и избрании нового стародубского полковника. Но этим дело не ограничилось. Гетман предлагал П. Рославца «для розделки задержать», а для опровержения выдвинутых против него обвинений выражал намерение прислать «с пространнейшим своим челобитьем знатную особу»³⁰.

²⁴ См.: *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 272–273.

²⁵ См. список спутников П. Рославца: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 181 и след.

²⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 43. Л. 143.

²⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 50–57.

²⁸ Там же. Л. 78.

²⁹ Там же. Л. 78–79.

³⁰ АЮЗР. Т. 12. Стб. 872.

Очевидно, из попавших к нему «листов» гетман узнал, что полковник обвиняет его в действиях, нарушавших нормы отношений, установленных для гетманства царской властью при его вхождении в состав Русского государства. Понятно, что гетману было важно такие обвинения опровергнуть. Создавалась ситуация, открывавшая для центральной власти возможность вмешательства во внутреннюю жизнь гетманства.

Какова же была реакция в Москве на происходящее? Выдвинутое П. Рославцем обвинение не рассматривалось, а ему было строго указано, что при появлении «трудностей» следовало «говорить и совет приносить... гетману», а обращаясь мимо него в Москву, П. Рославец делает то, «чего никогда у старшин войсковых и у рядовых не бывало»³¹. Так центральная власть выступала за сохранение автономии гетманства.

За этим шагом последовал другой, более важный. 5 августа царь и бояре приняли важное решение³²: срочно отправить к гетману опытного дипломата, неоднократно ездившего в Батурин, С. Алмазова³³. Алмазов должен был сообщить гетману, что царь осуждает «самовольные» действия П. Рославца и отвергает предложение о присоединении Стародубского полка к Слобожанщине. О каких-либо обвинениях П. Рославца в отношении гетмана речи не было. Тем самым гетману ясно давалось понять, что в Москве отвергают обвинения в его адрес. Вместе с тем Москва стремилась погасить конфликт, «чтоб меж ними злоба не выростала». С. Алмазов должен был как бы от себя предложить, чтобы гетман простил П. Рославца, «а полковник должное послушание ему учинит». Одновременно посланцу следовало «проведывать тайно», как произошло назначение нового полковника, не нарушены ли при этом традиционные порядки. В наказе С. Алмазову поручалось выяснить, не поставлен ли новый стародубский полковник «без совету всей старшины», «по челобитью полка»³⁴. Следовало выяснить, нового полковника «в любовь ли старшина приняла», а происшедшее «казакom то любо иль всем противно». Эти

³¹ Там же. Стб. 872; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 274.

³² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 43. Л. 16 об. — 19 об.

³³ Он выехал 7 августа (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 94). В «Руине» Н. И. Костомарова не говорится о посылке Алмазова и его инструкциях.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 43. Л. 41.

решения, воспроизведенные в наказе³⁵, содержат важный материал о характере отношений Москвы и общества Левобережья. Характерная особенность документа — отсутствие указаний на то, с какими старшинами С. Алмазову следует общаться, чтобы получить важную информацию. Очевидно, и в середине 1670-х гг. гетманство оставалось во многом особым институтом, связанным с Москвой через верховную власть.

Совершенно очевидно, что о каком-либо вмешательстве во внутреннюю жизнь гетманства речи не было. В Москве стремились лишь уладить конфликт, сохранить традиционные нормы отношений, не допустить каких-либо волнений в Гетманстве. Понятно, что они были крайне нежелательны в условиях, когда готовился поход русско-казацкой армии на Правобережье. Сотрудничество с гетманом было в этих условиях важным, и следовало принимать во внимание его интересы.

Еще до прибытия в Батурин С. Алмазова И. Самойлович приступил к подготовке посольства в Москву. Посольство должна была возглавить «знатная особа» — киевский полковник К. Солонина. Грамота гетмана царю была подписана 1 августа, инструкция послам — 2-го³⁶.

Инструкция содержала подробное опровержение обвинений П. Рославца, что гетман нарушает нормы отношений между властями и жителями, установленные царской властью. Важно, что такие обвинения вызывали беспокойство гетмана. Некоторые из них он объявлял клеветой, другие отступления объяснялись нуждами войны и царскими указами, как например, о содержании «охотных» полков³⁷.

Вместе с тем в своей грамоте царю И. Самойлович предпринял попытку перенести свой спор с П. Рославцем в иную плоскость, обвинив его не только в «неповиновении», но и в измене. Это удалось сделать, опираясь на известия о его сообщнике — нежинском протопопе С. Адамовиче. 1 августа в Батурине было записано сообщение И. Быстроновского, что протопоп намерен И. Самойловича не только «с уряду гетманского его ссадить, но и о здоровье его промыслити»,

³⁵ Там же. Л. 32 об. — 41.

³⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 142, 151.

³⁷ См., например, утверждение, что гетман принял «охотный» полк Молчана и определил его содержание в соответствии с царскими «указом»: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 159 об. — 160. См. также: *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 274.

о чем «несколько знатных особ... меж собою ведут переговоры»³⁸. Это дало возможность в грамоте, адресованной царю, обвинить П. Рославца и С. Адамовича не только в «бунте», но и в покушении на жизнь гетмана. Гетман предлагал, чтобы «те плуты сюды к нам были присланы», чтобы старшина вместе с представителем царя выяснила, «откуда им таковое пришло плутовство»³⁹. В конце грамоты с особым ударением подчеркивалось, что если это сделано не будет, «тогда не ведомо, как впредь всякому злу предтекати и смирять»⁴⁰. Обращает на себя внимание резкий характер этих формулировок гетмана в его диалоге с центральной властью, его стремление решительно расправиться с оппозицией.

В грамоте был сделан и первый шаг к тому, чтобы обвинить П. Рославца и С. Адамовича в государственной измене. Выступая против гетмана во время подготовки похода на Правобережье, Рославец действовал, «будто наговорен от Дорошенка»⁴¹. Это был шаг достаточно осторожный, но затем к гетману из Сечи попало письмо П. Дорошенка к И. Серко, в котором правобережный гетман сообщал, «что из верхних полков присылала к нам старшина, желая быти с нами в единстве»⁴². Хотя никаких имен в тексте названо не было, в инструкции послам утверждалось, что именно С. Адамович и П. Рославец «посылали к превратному Дорошенку»⁴³.

Посольство во главе с К. Солониной еще не доехало до Москвы, как активизировался П. Рославец. 11 августа он подал в Малороссийский приказ обширную записку, обосновывавшую его обвинения в нарушении гетманом царских «статей»⁴⁴. Царь постановил «компаний не быть», а гетман их организовал и заставил население их содержать. Царь постановил «начальных людей» без царского «указа» не смещать с должности, но гетман без этого «указа» «иных отставил» и лишил должности самого П. Рославца. Без санкции царя он наложил на население разные поборы, велел собирать «великую стацею» на содержание гетманского двора. В результате казаков «к себе

³⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 180; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 274.

³⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 137–138.

⁴⁰ Там же. Л. 140.

⁴¹ Там же. Л. 135.

⁴² АЮЗР. Т. 12. № 224. Стб. 849–850.

⁴³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 165.

⁴⁴ Там же. Л. 121–126; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 273.

во крестьянство взяв, поборами и податми в конец разорили», так что они не могли нести службу. П. Рославец «бьет челом в нарушение прав наших новоустановленными податями».

Таким образом, снова становился актуальным вопрос о соблюдении властями гетманства норм, установленных центральной властью. Создавалась спорная ситуация, дававшая центральной власти новую возможность выступить в качестве арбитра. Как повела себя в этой ситуации центральная власть? Гетман ожидал, что жалобы П. Рославца будут обсуждаться, и готовил ответ, но этого не произошло. Какой-либо реакции на записку в Малороссийском приказе источники не фиксируют. Не стала записка обсуждаться и когда 14 августа К. Солонина был принят в Малороссийском приказе, выдвинул обвинения против П. Рославца и сообщил, что гетман выступил в поход на Правобережье⁴⁵. Вместе с тем на следующий день П. Рославец и его спутники были взяты «под караул»⁴⁶. Затем было принято решение о передаче представителям гетмана всех его спутников⁴⁷. 20 августа К. Солонине были переданы отобранные у П. Рославца «клеяноты войсковые»⁴⁸.

В грамоте, датированной тем же числом, об этом был поставлен в известность гетман. Однако о передаче полковника на «войсковой суд» в этом документе не говорилось. О П. Рославце, указывалось в ней, будет еще особый «указ»⁴⁹. В Москве, очевидно, не приняли решения о Рославце. Причины этого остаются не совсем ясными. Представляется все же, что он был бы передан К. Солонине, если бы представленные данные убедили московских политиков в связях стародубского полковника с П. Дорошенко. Очевидно, эти данные их не убедили.

Посольство К. Солонины пробыло в Москве до конца августа⁵⁰. Одновременно с переговорами К. Солонины в Москве шли переговоры С. Алмазова в Батурине, куда царский представитель прибыл 14 августа⁵¹. С. Алмазов сообщил гетману, что царь осужда-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 133–147.

⁴⁶ Там же. Л. 180.

⁴⁷ Там же. Л. 188.

⁴⁸ Там же. Л. 212.

⁴⁹ Там же. Л. 215–216.

⁵⁰ Еще 31 августа члены посольства получали в Москве корм (Там же. Л. 326–327).

⁵¹ Там же. Л. 282.

ет поведение П. Рославца и, получив по почте гетманскую грамоту, распорядился его задержать, не дожидаясь приезда «знатной особы». Любопытно, что, несмотря на это, в гетманской грамоте царю снова отвергались некоторые из обвинений П. Рославца. Так, гетман утверждал, что бо́льшая часть казаков полка Молчана была поселена в Черниговском полку, и уже поэтому от них не могли сильно пострадать казаки Стародубского полка⁵². Очевидно, эти обвинения продолжали его беспокоить.

Находясь в Батурине, С. Алмазов смог убедиться, что выступление П. Рославца не привело к волнениям в гетманстве. Здесь, сообщал он, «поречение имеют на Рославца, а про гетмана никаких дурных слов не говорят»⁵³. Неудивительно, что С. Алмазов в соответствии с наказом стал советовать «простить» П. Рославца, но гетман на это не согласился. Он снова предложил отдать Рославца под суд старшины. Пусть он «советников своих укажет и хто ево, гетмана, не любит, скажет». Это предложение сопровождалось, как и ранее, резким утверждением, что если так не сделать, «было б тогда у них на всякой год по десяти гетманов»⁵⁴. Очевидно, на гетмана произвел впечатление и рассказ о переговорах С. Адамовича со «знатными особами», направленных против гетмана, и заявления П. Рославца, что многие люди не хотят гетману подчиняться, особенно Полтавский полк⁵⁵, и он твердо был намерен выявить возможную оппозицию и расправиться с ней. Неудивительно, что и в грамоте, адресованной царю, гетман настаивал, чтобы П. Рославец «сюды к суду нашему войсковому при поменутом киевском полковнике был прислан». На суде выяснится, не был ли он «с умыслу от неприятельской стороны наговорен»⁵⁶. Гетман явно имел в виду возможные контакты П. Рославца с П. Дорошенко, но затрагивал эту тему осторожно, понимая, что в его распоряжении нет пока серьезных данных.

С. Алмазов вернулся в Москву 23 августа⁵⁷. В грамоте царю, врученной Алмазову 14 августа, гетман настаивал на том, чтобы

⁵² Там же. Л. 289–290.

⁵³ Там же. Л. 302.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 299–300; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 276.

⁵⁵ Об этих заявлениях П. Рославца см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 164.

⁵⁶ АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 739.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 271.

П. Рославец «к суду нашему войскому был прислан», «сохраняя нас непоругенно при стародавних наших правах и вольностях»⁵⁸.

Пожелание гетмана было исполнено, и в сентябре С. Алмазов повез П. Рославца на Левобережье «для исправления перед войсковым судом»⁵⁹. Вместе с тем, идя навстречу его пожеланию, в Москве продолжали пытаться «погасить» конфликт. В царской грамоте И. Самойловичу от 7 сентября снова предлагалось относительно Рославца, чтобы гетман «к себе вину его и преступление велел отдать»⁶⁰. Царь предлагал и Г. Г. Ромодановскому воздействовать в этом духе на гетмана. Достаточно было бы, если бы он Рославцу «велел... быть в ряду в казаках, а не в полковниках»⁶¹. В Москве явно не поверили, что Рославец готовил убийство гетмана. Наказ, врученный Алмазову 10 сентября, позволяет судить о причинах такого поведения. Следовало бы, отмечалось в наказе, «Рославца от смерти свободить, чтоб нежелательные люди тому Рославца делу не порадовались», т. е., как уже выше отмечалось, в Москве стремились избежать осложнений внутреннего положения в гетманстве. Этим, однако, дело не ограничивалось. Осуждения видного члена старшины, обратившегося за защитой к царю, следовало не допустить, чтобы впредь «добра и покою желающих людей от государственной милости тем страхом не отлучить»⁶². Предполагалось, что результаты расследования будут сообщены царю и без его «указа» гетман полковнику «никакова наказания не учинит»⁶³.

Наказ дает достаточно полное представление о позиции центральной власти. Она старалась не вмешиваться во внутреннюю жизнь гетманства, желая обеспечить лояльность его верхушки в условиях усиления опасности со стороны османов, но вместе с тем эта власть хотела сохранить за собой положение арбитра в случае столкновений в рядах этой верхушки.

С. Алмазов приехал в Батурин 29 сентября, уже после капитуляции Дорошенко. В отличие от царя и его окружения, гетман хотел

⁵⁸ АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 739.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Стб. 740. См. также: *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 277–278. Характерно, что С. Алмазов должен был следить за тем, чтобы П. Рославцу по дороге «никакой тесноты и бесчестия» не было (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 363).

⁶¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 43. Л. 195 об. — 196.

⁶² Там же. Л. 210 об.

⁶³ АЮЗР. Т. 12. № 200. Стб. 725.

добиться разгрома наметившейся оппозиции. Для этого недовольных следовало обвинить не в служебном «неповиновении», а в «измене», — тайных переговорах с правобережным гетманом. После капитуляции Петра Дорошенко от него и его приближенных можно было добиться свидетельств о этих нежелательных контактах. И такие свидетельства были получены.

На пути к гетману, следуя наказу, С. Алмазов обратился к Г. Г. Ромодановскому, вступившему в контакт с гетманом, от которого он узнал, что П. Рославец и С. Адамович «о гетмане советовали и з Дорошенком списывались»⁶⁴.

Когда в начале октября С. Алмазов приехал к гетману в Переяслав, об этих «винах» протопопа и полковника гетман сообщил ему. Посланцу были предъявлены показания одного из главных сотрудников П. Дорошенко, генерального писаря М. Вояхевича. Он рассказал о приезде в Чигирин гонца от С. Адамовича, который сообщил, что «несколько знатных особ» — П. Рославец, Л. Горленко, Дм. Райча, К. Мокриевич, хотят отстранения Самойловича и передачи гетманства П. Дорошенко. Гонец запрашивал от их имени, как поступать с И. Самойловичем. Одновременно от имени этих лиц сообщалось, что они действуют «за ведомом и позволением царского величества», так как царь «не хочет имети его за гетмана»⁶⁵.

3 октября С. Алмазову была вручена запись показаний М. Вояхевича⁶⁶. Тогда же на раде П. Рославцу зачитали эти показания, предлагая, «чтоб в том повинился», но бывший стародубский полковник заявил, что «с протопопом совету никакова не имел и с Дорошенком не списывался»⁶⁷.

После этого П. Рославец был отправлен в Батурин, а С. Алмазов поехал к царю⁶⁸, имея при себе текст показаний М. Вояхевича⁶⁹ и грамоту И. Самойловича царю⁷⁰. Гетман сообщал, что появились «доводы» об организации заговора против него, поэтому

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ АЮЗР. Т. 12. № 200. Стб. 726; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 277–278.

⁶⁶ АЮЗР. Т. 12. № 200. Стб. 727.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 408; АЮЗР. Т. 12. Стб. 727–728; *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 278.

⁶⁸ АЮЗР. Т. 12. Стб. 728.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 433 и след.

⁷⁰ Там же. Л. 428–432.

решение «отложил есмь на подленное время». Таким образом, объектом и следствия, и суда должны были стать не только П. Рославец и С. Адамович, но и целый ряд представителей старшины, выступавших против И. Самойловича и, по его утверждениям, предпочитавшим правобережного гетмана.

Что говорят биографические данные об этих лицах? Карп Мокриевич до прихода к власти И. Самойловича занимал одну из самых высоких должностей в гетманстве — генерального писаря. Он активно участвовал в низложении гетмана Демьяна Многогрешного, но после избрания И. Самойловича потерял свою должность⁷¹. Понятно, что он был недоволен.

Дмитрий Райча уже в 1660-е гг. занял важный пост переяславского полковника. Выступив против Д. Многогрешного, в конце 1671 г. он потерял должность и вернулся на свой пост после его низложения. Целый ряд свидетельств говорит о его близких отношениях с И. Самойловичем. В 1673 г. он получил от нового гетмана пожалования из «гетманских земель». Еще во время событий второй половины 1674 г. Райча выполнял важные поручения гетмана, командуя казачьими войсками на Правобережье. По-видимому, на него пала ответственность за неудачи, и не позднее января 1675 г. он был лишен своего поста⁷².

Таким образом, недовольны были члены элиты, отстраненные от власти. Третий из обвиняемых, Лазарь Горленко, был рядовым казаком Прилуцкого полка, сумевшим в 1660-е гг. стать полковником. Он был отстранен от должности Демьяном Многогрешным и вернулся на свой пост после его низложения⁷³. Трудно сказать, чем он мог быть недоволен, так как в 1676 г. оставался прилуцким полковником.

Данные эти характеризуют указанных лиц как достаточно типичных представителей левобережной старшины, тесные контакты между ними не отмечаются, и совсем неясны обстоятельства, которые могли бы побудить их искать соглашения с П. Дорошенко.

Гетман И. Самойлович был, конечно, удовлетворен передачей ему П. Рославца, но С. Алмазов не привез ему решения об организации «войскового суда» над стародубским полковником, а тем более

⁷¹ Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 45–46, 208.

⁷² Кривошея В. В. Козацька старшина Гетьманщини. С. 337, 650.

⁷³ Там же. С. 290.

над его «советниками», которые ранее не упоминались. Между тем, как показывает поведение гетмана, он стремился отстранить вызывавших его недовольство старшин и поэтому считал необходимым добиваться организации судебного процесса.

Этим гетман и занялся. Предпринятые им усилия нашли отражение в его грамоте царю⁷⁴. В ней подчеркивалось, что «вина» обвиненных доказана, «не надобно болши свидетелей и доводов». Сам П. Дорошенко свидетельствует о заговоре, направленном против И. Самойловича и планах его убийства. Гетман просил, чтобы П. Рославец, С. Адамович и их «советники» «зде могли быть сужены». Для суда над ними соберется «вся войсковая старшина» и «чесные особы» из среды духовенства «на общей войсковой и духовной суд». Пусть на суде присутствует представитель царя. Грамота заканчивалась словами, что гетман оставит свой пост, если этого пожелает царь. Эта концовка, как представляется, говорит об эмоциональном напряжении, с которым этот документ был написан.

Грамота датирована 4 октября, но она не была передана С. Алмазову. Ее повезли в Москву послы гетмана С. Кулженко и И. Скоропадский, прибывшие в Малороссийский приказ 25 октября⁷⁵.

Вместе с гетманской грамотой посланцы передали «информацию» от 10 октября⁷⁶. В ней главное место, как и следовало ожидать, занял вопрос об организации суда. В документе снова подчеркивалось, что «уже болши искать доводов не надобно». Д. Райча «при многих особах войсковых» признался, что протопоп предлагал ему, «чтоб я в Запороги к Серку уходил и там будучи, о гетмане промышлял»⁷⁷. Гетман предлагал, чтобы представитель царя приехал в Батурин для участия в суде «на день святаго Василия по Рожестве Христове»⁷⁸.

Характерная особенность «информации» — выражение в ней недовольства и местной русской администрацией, и центральной властью. О нежинском воеводе гетман писал, что тот дал С. Адамовичу охрану, «чтоб ево ночью мимо Батурина проводили», а когда протопоп предлагал ему «остерегаться» соглашения казаков с татарами,

⁷⁴ АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 738–742.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 457.

⁷⁶ АЮЗР. Т. 12. № 205.

⁷⁷ Там же. Стб. 773, 774.

⁷⁸ Там же. Стб. 773.

воевода поспешил сообщить эту клевету Г.Г. Ромодановскому⁷⁹. Но гетман явно был недоволен не только воеводой. В «информации» с явным неудовольствием констатировалось, что, хотя он сообщал о дурных поступках протопопа, «мало тому поверено и будто в забвение пущено»⁸⁰.

Представляет интерес то, какова была реакция центральной власти на эти тексты. Решение было принято 27 октября при участии царя, боярской думы и патриарха⁸¹. Текст решения начинался с констатации, что П. Рославца следует «судить войсковым правом», а гетману сообщить, что «на Рославцово и протопопово желание... царского величества воли не бывало»⁸². Нежинского воеводу, вызвавшего неудовольствие гетмана, следовало сместить с должности, вызвать в Киев и допросить⁸³.

Уже эти формулировки говорят о стремлении центральной власти пойти навстречу гетману, смягчить его недовольство. Это еще более ясно следует из текста царской грамоты, отправленной гетману 30 октября⁸⁴. В ней удовлетворялось главное пожелание гетмана — царь «указал» судить П. Рославца и его «советников» «войсковым судом по стародавним вашим правам и вольностям». На суде особому представителю царя «быти не для чего, потому что такие плевосеятеля отданы на ваш войсковой суд». Подчеркивалось, что царь «всех малороссийских жителей... содержит без нарушения ваших войсковых справ». Наряду с этим в грамоте акцентировалось внимание на том, что гетману следует «плевосеятельным словам не верить и быть во всем на нашу царского величества милость надежду», «безо всякого сумнителства», которая «никогда отменна не будет». Такие особенности этих определений ясно показывают, что центральная власть на этом этапе не пыталась использовать возникший конфликт, чтобы выступить в роли арбитра, а напротив, прилагала усилия для обеспечения сотрудничества с гетманом. Имели значение и рост османской опасности, и отсутствие у противников гетмана серьезной

⁷⁹ Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. СПб., 2021. С. 313.

⁸⁰ АЮЗР. Т. 12. Стб. 774.

⁸¹ Там же. № 207. Стб. 779.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. № 208.

опоры среди населения Левобережья. Как видно из переписки киевского воеводы с Москвой, решение относительно нежинского воеводы было выполнено. Воевода был смещен и допрошен в Киеве. Обвинения он отрицал — охраны С. Адамовичу он не давал, о подозрениях относительно казаков Г. Г. Ромодановскому не писал, что подтвердил и сам Г. Г. Ромодановский, однако на должность его не вернули⁸⁵.

Судебный процесс происходил с участием старшины и духовенства в январе 1677 г. На судебном процессе главную роль сыграли сообщения Вояхевича и самого гетмана Дорошенко, а также некоторых других лиц о их контактах с Симеоном Адамовичем, а также предъявлен крест, на котором он приносил присягу Дорошенко и который якобы присылал к правобережному гетману⁸⁶.

Однако несмотря на все старания, предоставить полноценные доказательства вины обвиняемых (кроме П. Рославца) не удалось. Во-первых, целый ряд устных показаний не удалось подтвердить какими-либо письменными текстами. Это объясняли тем, что стороны сжигали свою переписку⁸⁷. Единственным письменным текстом, прямо касавшимся данной темы, было письмо П. Дорошенко в Сечь, в котором говорилось, что «из дальних полков присылала старшина, желают быть с нами в единстве»⁸⁸. Никаких имен при этом не называлось. Сам контекст, в котором читалось это сообщение, вызывает сомнение в достоверности этого свидетельства. Письмо было написано в ситуации, когда запорожцы настаивали на приезде Дорошенко в Сечь, а он в ответ приводил разные аргументы в пользу того, что не может покинуть Чигирин. Сообщение о контактах с левобережной старшиной могло быть выгодным для Дорошенко вымыслом.

Изучая приведенные Вояхевичем свидетельства, Н. И. Костомаров не подвергает их какому-либо критическому разбору⁸⁹. Между тем, как правильно отметил А. С. Алмазов, они вызывают ряд

⁸⁵ АЮЗР. Т. 12. № 210; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 519–533; Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. С. 314.

⁸⁶ См. об этом: Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. VI. С. 278–279.

⁸⁷ Так, П. Дорошенко сообщал, что сжег присланные к нему письма С. Адамовича и свои ответы. См.: АЮЗР. Т. 12. № 224. Стб. 852.

⁸⁸ Там же. Стб. 849–850.

⁸⁹ Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. VI. С. 278–279.

недоуменных вопросов⁹⁰. Заговорщики не предложили П. Дорошенко какого-либо плана действий, о каких-либо их шагах по подготовке на Левобережье переворота неизвестно. Заговорщики, в том числе их идейный глава — нежинский протопоп, предпринимают очень важный политический шаг, обратившись к П. Дорошенко, но, когда приезжает гонец с ответом на их обращение, протопоп отвечает, что пусть Дорошенко «уже ко мне не пишет, что я еду к Москве»⁹¹.

Важная особенность всех этих сообщений состоит в том, что в них говорится только о контактах с нежинским протопопом и именно от него исходят сообщения о выступающих против гетмана «знатных особах». Гонцу из Чигирина он говорит, что тому следует связаться с Д. Райчей, который будет поддерживать контакты с Дорошенко, и вручает письмо для передачи ему. Однако встречи гонца с Д. Райчей не происходит, а в конце письма содержится просьба: «...буде по оклеветанию заслан буду, о свободе моей порадей»⁹². Письмо говорит о близких связях двух лиц, но в нем ничего не сообщается о заговоре. Все это создавало очевидные сложности для судей, тем более что Симеон Адамович и Петр Рославец отвергали обвинения в организации заговора против гетмана.

При рассмотрении указанных свидетельств возникает и ряд других вопросов. Какой смысл для недовольных И. Самойловичем левобережных старшин был в 1676 г. обращаться к П. Дорошенко, предлагая ему стать гетманом обоих берегов Днепра? Положение Дорошенко было в 1676 г. тяжелым, и его поддержка мало что могла дать возможным заговорщикам. Правда, в показаниях Вояхевича говорилось, что заговорщики рассчитывали на поддержку Москвы, а С. Адамович выбирался в Москву «для обрания иного гетмана»⁹³. Однако никаких известий о «немилости» в Москве к И. Самойловичу источники 1676 г. не фиксируют. К этому следует добавить, что, в отличие от более раннего времени, в 1676 г. в Москве в своих планах присоединения Правобережья не собирались оставлять Дорошенко гетманский пост. При своих московских связях Симеон Адамович не мог этого не знать. Кроме того, письмо Д. Райче показывает, что

⁹⁰ Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 213.

⁹¹ АЮЗР. Т. 12. № 224. Стб. 854.

⁹² Там же. Стб. 854–855; РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 107. Л. 438–439.

⁹³ АЮЗР. Т. 12. Стб. 853.

Адамович ехал в Москву с совсем иным настроением. Стоит также отметить, что зафиксированные в Москве неоднократные заявления П. Рославца — сохранившиеся «листы», не содержат никаких упоминаний о Дорошенко и очень недружелюбно отзываются о «заднепряхах». Критикуя И. Самойловича за отступление от «статей», определявших отношения России и Гетманства, П. Рославец вряд ли мог рассчитывать, что такие аргументы расположат московских политиков к правобережному гетману. Выступление Рославца, конечно, говорит о том, что в среде старшины были люди, недовольные гетманом, которые пытались искать в Москве защиту от него, но представляется маловероятным, что при этом они рассчитывали на сотрудничество с П. Дорошенко.

Важно отметить, что следствие не привело к расширению круга обвиняемых. Очевидно, что конфликт не имел столь масштабного характера, как в правление Демьяна Многогрешного. Как представляется, есть основания полагать, что обвинения противников гетмана в организации заговора для передачи власти над Левобережьем П. Дорошенко были сконструированы в гетманской канцелярии при участии П. Дорошенко и его приближенных, оказавшихся после капитуляции Чигирина в полной зависимости от И. Самойловича.

В составе собравшегося суда участвовали не только генеральная старшина» и духовенство, но и полковники, полковая и «местская» старшина. О принятых решениях сообщил в Москве посланец гетмана И. Мазепа⁹⁴. Петр Рославец и Симеон Адамович были приговорены к смертной казни. После зачитания царских «милостивых» грамот было решено П. Рославца «несколько лет держать под караулом», С. Адамовича постричь в монахи, поместив в монастырь, К. Мокриевича — «выслать вон». Д. Райча и Л. Горленко должны были «учинить веру в том, что они к злему делу не приставали». Такой исход суда дает возможность сделать два важных наблюдения. Во-первых, очевидно намерение центральной власти выступить в качестве органа, смягчающего наказания, что явно говорит о стремлении завоевать расположение населения. Это подтверждает и целый ряд ее действий, охарактеризованных выше. Очевидно, в середине 1670-х гг. целью русской власти было не ограничить автономию гетманства, а обеспечить поддержку своей политики со стороны его населения.

⁹⁴ АЮЗР. Т. 13. СПб., 1884. Стб. 23–24.

Во-вторых, следует отметить определенную самостоятельность суда, который вопреки желаниям гетмана не стал осуждать авторитетных представителей старшинской верхушки на основании показаний свидетелей, которые с ними не общались, ничего от них не узнавали и говорили только о словах, которые они, по их утверждению, слышали от нежинского протопопа, который к тому же отвергал возводимые на него обвинения. В результате от них потребовалась только очистительная присяга. Вместе с тем для положения дел в Гетманстве характерно, что И. Самойлович не примирился с таким решением. Добиться своего гетман смог благодаря поведению Симеона Адамовича, отказывавшегося принять постриг. Это дало основание духовному суду исключить протопопа из духовного сословия и предать его войсковому суду. После того, как протопоп был помещен в «тесное узилище», где он подвергся разным способам воздействия, нужная цель была достигнута. 19 февраля 1677 г. в Чернигове, в доме генерального бунчужного Л. Полуботка в присутствии местных духовных лиц, казацких и городских властей Симеон Адамович сделал публичные «признания», подтверждавшие правильность выдвинутых обвинений. Позднее, в челобитной, посланной царю из сибирской ссылки, протопоп утверждал, что оговорил себя и других «под страхом мучения», но дело было сделано⁹⁵.

«Признания», как представляется, позволяют судить о том, какую картину событий И. Самойлович хотел предложить и местному обществу, и русскому правительству. Кроме того, они содержали доказательства виновности тех людей, которых ранее суд оправдал в связи с отсутствием доказательств.

Осужденные обвинялись в стремлении отстранить гетмана от власти. В более ранних показаниях лиц, встречавшихся с Симеоном Адамовичем, говорилось о том, что он надеялся отстранить Самойловича с помощью царя и для этого поехал в Москву. В Москву, как известно, с жалобами на гетмана поехал и П. Рославец. В «признаниях» Адамовича говорилось о том, что заговорщики хотели «с ханом крымским жити, как Хмельницкой жил»⁹⁶. Для осуществления этих планов они и призывали П. Дорошенко прийти с войском на Левобережье⁹⁷. Но этим дело не ограничивалось.

⁹⁵ См. об этом: *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Т. VI. С. 280.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 46. Л. 71.

⁹⁷ Там же. Л. 70.

Согласно «признаниям», Д. Райча и К. Мокриевич были намерены отправиться на Запорожье и «там бунтовать». П. Рославец якобы советовал и Адамовичу «бунтовать запорожцов и Дорошенка»⁹⁸. Они «умышляли о здоровье» И. Самойловича, а Д. Райча предлагал вместе с ним убить «судью и бунчужного»⁹⁹. Такие показания должны были настроить против «заговорщиков» казацкую старшину. Вместе с названными лицами упоминался и Лазарь Горленко, который якобы «обещался быть помощником»¹⁰⁰. Для него дело ограничилось потерей должности полковника. Что касается других обвиняемых, то очевидно стремление гетмана положить конец какому-либо их участию в политической деятельности, дискредитировав их в глазах и общества, и русского правительства. Этой цели и служили обвинения в желании перейти под власть Крыма и «устроить» бунт социальных низов с участием запорожцев. И того, и другого, конечно, опасались и казацкая верхушка Левобережья, и московские политики.

Принятые новые решения были в Москве одобрены. П. Рославец и С. Адамович были сосланы в Сибирь, а Райча, не дожидаясь нового приговора, бежал во владения казацкого правобережного гетмана Остапа Гоголя¹⁰¹. Изменились отношения гетмана с левобережной старшиной, которая на судебном процессе не сразу пошла навстречу его желаниям. По-видимому, с этого времени гетман стал пополнять старшинскую элиту выходцами с Правобережья, не имевшими прочных социальных связей в местном обществе и обязанным своей карьерой лично ему. Так, на пост прилуцкого полковника вместо Л. Горленко был назначен Молчан — командир отряда сердюков, перешедших от Дорошенка на Левобережье¹⁰². В октябре 1677 г. царского посланца В. М. Тяпкина встречал «ближний человек» гетмана — И. Мазепа¹⁰³.

Следует сказать и несколько слов о судьбе осужденных на процессе. Такие сведения привел уже в «Руине» Н. И. Костомаров¹⁰⁴. Как известно, действительно выступавшие против гетмана Симеон

⁹⁸ Там же. Л. 69 об. — 70.

⁹⁹ Там же. Л. 69 об. — 71.

¹⁰⁰ Там же. Л. 70.

¹⁰¹ Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. VI. С. 280–281.

¹⁰² Кривошея В. В. Козацька старшина Гетьманщини. С. 63, 523–524.

¹⁰³ АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 321.

¹⁰⁴ Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Т. VI. С. 280–281.

Адамович и Петр Рославец были сосланы в Сибирь, а имущество бывшего стародубского полковника конфисковано. Бежавший на Правобережье Дмитрий Райча спустя некоторое время был амнистирован и жил на Левобережье как «значный войсковый товарищ», а Лазарь Горленко вернул себе пост прилуцкого полковника. Сохранились сведения и о владениях Карпа Мокриевича на Левобережье¹⁰⁵. Данные факты позволяют предположить, что в этих людях в действительности гетман не видел организаторов заговора с целью его убийства.

Рассмотрение отношений Москвы и Гетманства во время «дела Рославца» позволяет высказать некоторые соображения об их характере в 1676–1677 гг. Обращает на себя внимание твердая позиция гетмана, который последовательно добивался своих целей, решаясь порой на достаточно резкие отзывы о действиях центральной власти. Москва, убедившись в прочности позиций И. Самойловича, не пыталась использовать конфликт для вмешательства во внутреннюю жизнь гетманства и отнеслась с пониманием к пожеланиям гетмана, которые в итоге были удовлетворены.

В обстановке нарастающей угрозы большой войны с Османской империей в Москве были заинтересованы в военно-политическом сотрудничестве с гетманством в борьбе с османами. Для успешного осуществления такого сотрудничества было полезно укрепить власть лояльного Москве гетмана, только что добившегося капитуляции Петра Дорошенко.

Источники

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (АЮЗР). СПб., 1863–1892. Т. 12 (1675–1676). СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1882. 874 стб.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124: Малороссийские дела; Ф. 229: Малороссийский приказ.

Литература

Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 552 с.

¹⁰⁵ Кривошея В. В. Козацька старшина Гетьманщини. С. 527.

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М.: Изд-во МГУ, 2012. 287 с.

Костомаров Н. И. Руина. Историческая монография (1663–1685 гг.) // Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб.: тип. М. И. Стасюлевича, 1905. Т. VI. 815 с.

Кривошея В. В. Козацька старшина Гетьманщини. Енциклопедія. Київ: Стило, 2010. 792 с.

Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская тип., 1899. XIV + 1104 с.

References

Almazov A. S. *Nezhinskii garnizon “ratnykh liudei” i jego otnosheniia s ukrainskimi kazakami, meshchanami i dukhovenstvom v 1659–1708 gg.* Moscow – Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2021, 552 p. (In Russ.)

Almazov A. S. *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste russko-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687 gg.)*. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 2012, 287 p. (In Russ.)

Eingorn V. O. *Ocherki iz istorii Malorossii v XVII veke*. Vol. 1. O snosheniiakh malorossiiskogo dukhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanije Alekseia Mikhailovicha. Moscow, Universitetskaia tip., 1899, XIV + 1104 p. (In Russ.)

Kostomarov N. I. Ruina. Istoricheskaia monografiia (1663–1685 gg.). In: Kostomarov N. I. *Sobr. soch.* Saint Petersburg, tip. M. I. Stasiulevicha, 1905, vol. VI, 815 p. (In Russ.)

Kryvosheia V. V. *Kozats'ka starshyna Het'manschyny. Entsyklopediia*. Kyiv, Stylos, 2010, 792 p. (In Ukr.)

Boris N. Florya

Dr. Sci. (History)
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Head of the Medieval History Department
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

“Roslavets Affair” and Relations of Moscow and Baturin (1676–1677)

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.01

Abstract: The article is devoted to the history of the internal political conflict in the Left Bank Hetmanate in 1676 and its impact on relations with Moscow. Starodub Colonel Pyotr Roslavets approached the Cossacks of his regiment with a proposal to leave the Hetmanate and join the Cossack regiments of Slobozhanshchina, subordinated to the power of G. G. Romodanovsky as the head of the Belgorod provincial government. The author presents features of the position of Hetman Ivan Samoilovich, focusing on the sequence of his actions and his rather harsh reactions towards the behavior of the central government. The supreme power, in its turn, sought to turn the conflict down in order to maintain good relations with the Hetman, ultimately satisfying all his wishes. In the context of the growing threat of a major war with the Ottoman Empire, Moscow was interested in a military-political cooperation with the Hetmanate in the mutual fight against the Ottomans. To maintain the success of this cooperation, it was useful to strengthen the power of the Hetman loyal to Moscow, who had just accomplished the capitulation of Petro Doroshenko.

Keywords: The Left-Bank Hetmanate, the Cossack *starshyna*, the Russian government, Hetman Ivan Samojlovich, Colonel P. Roslavets, protopope of Nezhyn Simeon Adamov

Виктор Андреевич Корбут

кандидат филологических наук
независимый исследователь

Варшава

Польша, 03-423, Варшава, ул. Мала, д. 1, кв. 2

E-mail: v.korbut@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0001-6848-1160

Белорусский язык как определяющий фактор формирования белорусской национальной идентичности и движения в начале XX века

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.02

Аннотация: Определяющим фактором формирования белорусской национальной идентичности и движения в начале XX в. являлся белорусский язык. Несмотря на то что власти Российской империи и часть местной так называемой западнорусской интеллигенции считали его лишь наречием русского языка, для пионеров белорусского движения, вышедших преимущественно из польскоязычного дворянства (шляхты) римско-католического вероисповедания, язык основной массы белорусскоязычного, преимущественно крестьянского православного населения представлял ценность сам по себе — как черта, отличающая белорусов и от русских, и от поляков. Эта идея впервые на белорусском языке приобрела массовое распространение на страницах первых белорусскоязычных газет «Наша Доля» и «Наша Нива», издание которых было инициировано Яном (Иваном) Луцкевичем в 1906 г. в Вильне. Данные издания появились в условиях либерализации печати и общественной жизни в период революции 1905–1907 гг., которая сыграла роль фактора, ускорившего развитие белорусского национального движения. Именно белорусскоязычные легальные газеты содействовали формированию современного белорусского литературного языка и распространяли идею о его самобытности и самостоятельности его носителей — белорусскоязычного населения, приобщавшегося посредством белорусскоязычной печати к новой социально-культурной общности — белорусскому народу (нации).

Ключевые слова: белорусы, Белоруссия, русские, поляки, пресса, «Наша Доля», «Наша Нива»

В начале XX в. белорусы находились на этапе развития между этносом и этнической общностью. Соответственно, перед пионерами белорусского национального движения стояли две задачи: с одной стороны, сами белорусы должны были осознать себя белорусами

(а не «русскими» или «поляками»); с другой стороны, их должны были признать таковыми русские, точнее, российское правительство (не говоря уже о столь же болезненном отношении к этому вопросу в некоторых польских кругах в Белоруссии).

К началу XIX в. язык коренного сельского населения нынешней Беларуси назывался преимущественно «русским». Белорусский лингвист Сергей Запрудский полагает, что «в начале XIX века название *белорусский язык* было непривычным, понятие *Беларусь* до середины XIX века было географически ограниченным»¹ (употреблялось в основном по отношению к Витебской и Могилевской губерниям, расширяясь на часть территории Минской). При этом дискуссия о белорусах и их наречии (языке) активизировалась с 1830–1850-х гг.² В это время одни считали белорусский самостоятельным языком и поощряли его изучение, другие считали его диалектом русского языка. При этом польские авторы в основном использовали выражение *gwara białoruska*³. Вероятно, более устойчивое закрепление наименований «Белая Русь», «Белоруссия», «белорусы» за «русским» (восточнославянским) населением северо-западных губерний Российской империи в российской и местной польскоязычной литературе следует отнести к 1840–1860-м гг.

Видный публицист родом из окрестностей Белостока Михаил Коялович в 1864 г. видел своей малой родиной еще не столько Белую Русь / Белоруссию, сколько Западную Русь, включая в состав

¹ *Запрудскі С.М.* Аб навуковай рэцэпцы беларускай мовы ў Расіі ў першай палове XIX стагоддзя // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.): даклады беларускай дэлегацыі / рэд.-кал.: А.А. Лукашанец [і інш.]. Мінск, 2013. С. 37–52; *Запрудскі С.М.* Аб філалагічнай рэцэпцы беларускай мовы ў Расіі ў першай трэці XIX ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2011. № 2. С. 44–50.

² *Goląbek J.* Wincenty Dunin-Marcinkiewicz poeta polsko-białoruski. Wilno, 1932; *Барысенка В.В.* Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск, 1957; Пачынальнікі. З гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / укл. Г.В. Кісялёў; рэд. В.В. Барысенка, А.І. Мальдзіс. Мінск, 1977; *Olechnowicz M.* Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. Łódź, 1986; *Świrko S.* Z Mickiewiczem pod rękę czyli życie i twórczość Jana Ciecchota. Warszawa, 1989; Беларусь: у 8 т. Мінск, 1999. Т. 3. *Бандарчык В.К.* Гісторыя этналагічнага вывучэння; *Radzik R.* Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX st. Lublin, 2000; *Бандарчык В.К.* Выбраныя працы па гістарыяграфіі паходжання і этнічнай гісторыі беларусаў. Да 100-гадовага юбілею / укл. А.У. Гурко, С.У. Грунтоў. Мінск, 2020.

³ *Olechnowicz M.* Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. S. 219–221.

последней территорию расселения «малоросов, белорусов и литвинов». Таким образом он указывал на этноязыковые особенности этих земель. В представлениях Кояловича Русь Западная и Русь Московская составляли «один русский народ от дальнего востока внутри России до отдаленного запада в пределах Польши и Австрии»⁴, но спустя годы другие публицисты это единство все больше ставили под сомнение.

Белорусское национальное движение возникло позже регионального западнорусского. Общее между национальным и региональным подходами заключалось в признании существования особого белорусского «племени» как общности. В то же время идеологи западнорусизма рассматривали это белорусское «племя» как часть русской нации с особым наречием, а сторонники белорусской идеи — в качестве отдельного народа⁵.

В 1860–1870-х гг. в Санкт-Петербурге, Москве, Вильне издавались сборники народного творчества «на так называемом белорусском наречии»⁶. В результате работы польских и русских (в том числе «западнорусских») этнографов, языковедов, историков была создана та идеологическая основа, на которой в начале XX в. сформировалось белорусское национальное движение. Польский историк Марцели Косман резюмировал: «Белоруссия перестает быть *terra incognita* как для Петербурга, так и для Вильны, а также Варшавы или Кракова»⁷.

Русский языковед белорусского происхождения, сторонник западнорусского дискурса Евфимий Карский в начале 1900-х гг. очертил границы распространения «белорусского племени»⁸. Его диссер-

⁴ Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб., 2020. С. 10.

⁵ Булгакаў В. Гісторыя беларускага нацыяналізму. Vilnius, 2006; Булгакаў В. Злыя дэманьы беларускай гісторыі // Arche. Пачатак. 2007. № 9. С. 97–178; Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / редкол.: Е. Ю. Борисенко [и др.]. М.; СПб., 2021.

⁶ Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. С. 212.

⁷ Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 218, 220.

⁸ Границы Литвы. Тысячелетняя история. Vilnius, 2010. Р. 100; Карский Е. Ф. Белоруссы. Варшава, 1903. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт.

тация «Обзор звуков и форм белорусской речи»⁹ «очень сочувственно была встречена белорусской ученой и учащейся молодежью», так как в ней было определено место «белорусского языка» «в русской семье»¹⁰.

Территория Белоруссии была очерчена в предисловии к сборнику стихотворений польско-белорусского поэта Франтишека Богушевича (издан под псевдонимом Матей Бурачок) «*Dudka białaruskaja*»: «Может, кто-то спросит: где же теперь Белоруссия? Там, братцы, она, где наш язык живет»¹¹. Е. Карский считал, что книга Богушевича дала «собственно решительный толчок белорусскому движению», а «под приведенными словами Бурачка-Богушевича мог бы подписаться каждый белорус», хотя Карский и критиковал некоторые «сепаратистические стремления автора» в отношении России¹².

Польский белорусист Ежи Туронек называл предисловие Богушевича «своего рода катехизисом для деятелей белорусского возрождения»¹³. В 1906 г., в первом номере второй белорусскоязычной легальной газеты «Наша Нива», эти мысли Богушевича были перепечатаны с комментариями писательницы Алоизы Пашкевич (под псевдонимом Матей Крапивка)¹⁴. Как подметил белорусский литературовед Василий Борисенко, Богушевич пошел дальше своего старшего коллеги по перу Винцента Дунина-Марцинкевича, пик творчества которого пришелся на 1850-е гг.: Богушевич пришел к пониманию «общенационального значения белорусского языка»¹⁵.

Важно отметить, что один из отцов белорусского национального движения Ян (Иван) Луцкевич опирался на сочинения Богушевича и труды Карского¹⁶, о чем свидетельствует очерк, написанный

⁹ Обзор звуков и форм белорусской речи, сочинение Е. Ф. Карского. М., 1885 (1886).

¹⁰ Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / ред. совет: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2007. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Кн. 2. С. 373.

¹¹ *Dudka białaruskaja* Macieja Buraczka. Kraków, 1891. S. IV–V; *Dudka białaruskaja* Macieja Buraczka. Wydanie drugie. Kraków, 1896. S. IV–V.

¹² Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3. С. 373–374.

¹³ Туронак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэньне Беларусі // Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Vilnius, 2006. С. 157.

¹⁴ Крапівка М. Як нам uczyцца // *Nasza Niwa*. 1906. No. 1. 10(23).11. S. 5.

¹⁵ Барысенка В. В. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізма ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. С. 203.

¹⁶ Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (LMAVB). F. 21–33. L. 34 r – 40 v, 41 r – 42 r.

до 1904 г. «Жменя слов о Белой Руси»¹⁷. Я. Луцкевич считал, что «этнографические границы белорусов и теперь такие же, какие были еще в старину, в одиннадцатом и следующем веке»¹⁸.

Я. Луцкевич вместе с братом Антонием (Антоном) пришли к заключению, что белорусское *племя* (по-польски *lud*) на самом деле является самостоятельной нацией с собственным языком. Луцкевичи в равной степени дистанцировались от двух традиций — польской, уходящей корнями во времена Речи Посполитой, и русской, связанной с дискурсом древней Руси. Александр Цвикевич считал: «Западноруссы никогда не говорили, что Белоруссия *не должна* (выделено А. Цвикевичем. — В.К.) быть самостоятельной, они, собственно, доказывали, что она по разным причинам не может быть таковой»¹⁹.

Западнорусы не находили никаких доводов в пользу признания белорусов отдельной нацией, а для белорусских национальных активистов таким аргументом был язык. Многие западнорусы смотрели на национально сознательных белорусов как на поляков в белорусской шкуре. Так, один из видных деятелей западнорусского движения Дмитрий Скрынченко, работавший с 1903 г. в Минске, в 1916 г. характеризовал движение «белорусизма» и как «враждебное русским», и как «польскую работу»²⁰. Николай Янчук, в свою очередь, сетовал в 1907 г., что «мы готовы были в каждом безобидном, правдивом сочинении (на белорусском языке. — В.К.) видеть польскую интригу»²¹.

Как резюмирует российский историк Алексей Миллер, «общим для взгляда чиновников на ситуацию с литовским, белорусским и украинским языками был антиполонизм, стремление блокировать польскую стратегию культурной экспансии в Западном крае и добиться диссимиляторского эффекта в отношении прежнего польского влияния»²². Перед белорусскими же национальными деятеля-

¹⁷ [Луцкевич Я.]. Жменя слоў пра Белу Русь яе гісторыю літаратуру і нац. узви-
жэння пачаткі // LMAVB. F. 21–366. L. 45 г — 48 v.

¹⁸ Там же. L. 45 г.

¹⁹ Цвiкeвiч А. «Западноруссизм»: нарысы з гiсторыi грамадскай мыслi на Беларусi ў XIX i пачатку XX в. // Цвiкeвiч А. Збор твораў: у 2 т. / укл. А. С. Лiс, Д. В. Вiцкo. Мoмeнск, 2021. Т. 1. Гiстарычныя працы. С. 427.

²⁰ Скрынченко Д. В. Украинцы. Киев, 1916. С. 46–47.

²¹ Цит. по: Цвiкeвiч А. «Западноруссизм». С. 415–416.

²² Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования / 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 129.

ми стояла задача добиться диссимиляторского эффекта в отношении как польского, так и русского влияния.

Но чтобы стать представителем белорусской нации, недостаточно было говорить по-белорусски, необходимо было прийти к осознанию принадлежности к этой общности. Поэтому если Я. Луцкевич писал о том, что «многочисленен белорусский народ — до 10 миллионов», он имел в виду белорусскоязычное население. Однако неизвестно, понимал ли он, что этим миллионам еще предстояло осознать, что они принадлежат к белорусской нации.

Недостаточное понимание этой проблемы не единожды приведет белорусское движение в тупик. Оценка количества белорусов (белорусскоязычных) в интерпретации белорусских деятелей будет достаточно серьезно колебаться: в 1906 г. — около 10 млн²³, в 1907 г. — около 8,5 млн²⁴, в 1909 г. — 8 млн²⁵, а в 1918 г. снова 10 млн (в мире)²⁶. При этом масса белорусскоязычного населения была пассивна, если не безразлична к «белорусскому вопросу», а скорее, просто о нем не осведомлена.

В этом плане показателен пример Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Если данные о родном языке и вероисповедании землевладельцев и горожан записывались по самоопределению, то родной язык и вероисповедание крестьян определялись счетчиками (переписчиками)²⁷. Из переписи мы не узнаём, как называли крестьяне свой язык. Как подчеркивает белорусский этнолог Павел Терешкович, даже «обозначенная представителями интеллигенции в ходе переписи 1897 г. белорусская идентичность не была (в подавляющем большинстве случаев) тождественна национальной, во всяком случае, равнозначной четко артикулированному самосознанию русских, поляков, немцев, евреев. Дистанция между

²³ Nasza Niwa. 1906. No. 2, 17(30).11. S. 1–2.

²⁴ Chalimon. Da bielarusou // Nasza Niwa. 1907. No 34, 23.11(6.[12]). S. 6.

²⁵ Ab bielaruskim nacionalnym adradzeñni // Nasza Niwa. 1909. No. 46. 12(25).11. S. 667–668; Луцкевіч А. Аб беларускім нацыянальным адрадзеўні // Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху / укл. А. Сідарэвіч; 2-е выд., дап. і папр. Vilnius; Białystok, 2010. С. 38–39.

²⁶ Ластоўскі В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу? // Што трэба ведаць кожнаму беларусу. Зборнік артыкулаў розных аўтараў: М. Міцкевіча, Я. Лёсіка, В. Ластоўскага, М. Багдановіча, Пётры з Арленят і інш. Менск, 1918. С. 3.

²⁷ Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022. С. 157.

формально заявленной “белорускостью” и собственно национальной позицией была огромной»²⁸.

Иначе говоря, ни перепись 1897 г., ни Богушевич и Карский по существу не дают ответа на вопрос, сколько людей действительно считали себя белорусами и какое содержание они вкладывали в это понятие. Поэтому цифра в десять миллионов вводила Я. Луцкевича и других пионеров белорусского движения в заблуждение. Они имели дело с белорусскоязычной этнографической массой. Нацией же становились именно такие, как Я. Луцкевич и его товарищи, действительно осознававшие себя белорусами.

Все вышесказанное не противоречит происхождению первых белорусских национальных активистов из польской культурно-языковой среды, к которой принадлежало, впрочем, большинство дворянства и значительная часть мещанства бывшего Великого княжества Литовского; при этом крестьяне принадлежали преимущественно к православному вероисповеданию (до 1839 г. нередко — к униатской церкви)²⁹.

И если в «Сведениях о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого», составленных в 1903 г. на «Ивана Иванова Луцкевича» за подготовку в Санкт-Петербурге уличной демонстрации по случаю 1 Мая, в графе «Народность» было записано «поляк»³⁰, то это, очевидно, было связано с римско-католическим вероисповеданием Я. Луцкевича. Российские власти часто отождествляли католиков с поляками (в особенности местных дворян из Западного края и Царства Польского)³¹.

В понимании белорусских же национальных деятелей именно язык, без учета вероисповедания, предопределял принадлежность

²⁸ *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX — начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 152.

²⁹ *Korbut V.* Фарміраванне ідэнтычнасці беларускіх нацыянальных дзеячаў у 1890-х гг. — пачатку XX ст.: ад польскай да беларускай самасвядомасці // *Wielokulturowość Europy Środkowo-Wschodniej: doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. Z okazji 20. rocznicy utworzenia Katedry Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej* / red. nauk. J. Getka, J. Grzybowski. Warszawa, 2023. S. 68–90.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 101. Д. 3275. Ч. 2. Л. 2 — 3 об. (документ выявлен И. Бариновым); Вястун «нашаніўскай» эпохі. Старонкамі жыццяісіу Івана Луцкевіча. Да 135-х угодкаў нараджэння (09.06.1881–20.08.1919) // Скарыніч. Літаратурна-навуковы гадавік / укл. А. Каўка, В. Чайчыц. М., 2016. Вып. 11. С. 28.

³¹ *Сталюнас Д.* Польша. С. 143–147.

к белорусам. Но проблема заключалась в том, что нация нуждалась в литературном языке. Как точно сформулировал чешский историк Мирослав Грох, членам пробудившегося народа приходилось изучать кодифицированный национальный литературный язык³², хотя он и создавался на основе разговорной речи. Этот по сути новый язык в белорусской ситуации отличался и от литературных русского и польского, и от разнообразных белорусских говоров. Таким образом, его носителей насчитывалось в 1900-х гг. не несколько миллионов, а в лучшем случае от нескольких десятков до нескольких тысяч.

В белорусском случае современный литературный язык начал формироваться по сути с 1906 г., с появлением легальной периодической печати на белорусском языке³³, у истоков которой стоял Я. Луцкевич, его брат Антони, а также их единомышленники и однопартийцы по Белорусской социалистической (первоначально — революционной) громаде — преимущественно выходцы из местного польского дворянства Литвы и Белоруссии³⁴: Алоиза Пашкевич, Франтишек Умястовский и др.

Белорусский язык (а по сути говоры) в то же время воспринимался министерствами народного образования и внутренних дел России как наречие русского языка и поэтому не допускался в сферу образования и управления до 1917 г., а в книжном и газетно-журнальном

³² *Hroch M.* Małe narody Europy. Perspektywa historyczna. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2003. S. 134; *Korbut V.* Адлюстраванне месца і ролі беларускай мовы ў сістэме адукацыі як фактару фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў публіцыстыцы газеты „*Nasza Niwa*” («Наша Нива») у 1906–1907 гадах // *Tożsamość białoruska: doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. W 30. rocznicę uzyskania przez Białoruś niepodległości* / red. J. Getka, J. Grzybowski. Warszawa, 2021. S. 56–74.

³³ *Korbut V.* Беларускае пытанне на старонках першых беларускіх газет «Наша Доля» („*Nasza Dola*”) і «Наша Нива» („*Nasza Niwa*”) (1906 г.) // *Acta Polono-Ruthenica*. 2020. T. XXV. Zesz. 3. S. 177–189; *Korbut V.* Гісторыя першай беларускай газеты «Наша Доля» // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. 2023. T. 8. S. 101–141; *Korbut V.* Гістарыяграфія першых беларускамоўных газет «Наша Доля» і «Наша Нива» // *Białoruskie Zeszyty Historyczne* = Беларускі гістарычны зборнік. 2023. No. 56. S. 131–220.

³⁴ *Korbut V.* Mińsk Litewski: polski czy (i) białoruski? Miasto w dziennikach i wspomnieniach z połowy XIX — początku XX w. (przyczynek do badania tożsamości Polaków w okresie porzobiorowym) // *Polacy na Białorusi. Od końca XIX do początku XXI w.* / red. T. Gawin. Warszawa, 2019. T. III. Niepodległość 1918–2018: polskie i białoruskie idee niepodległościowe. S. 19–38. (*Bibliotheca Europae Orientalis* LIII; studia 9); *Korbut V.* Літоўцы і літоўска-беларускія адносіны на старонках газет «Наша Доля» і «Наша Нива» ў 1906–1907 гг. // *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*. 2023. T. 16. S. 41–67.

деле его употребление было ограничено до 1906 г.³⁵ В. Борисенко делает следующий вывод: «Вопрос об истоках и историческом пути белорусского языка, белорусской литературы и культуры в целом был тесно связан с вопросом о праве белорусского народа на самостоятельное существование и культурно-историческое развитие. Он, таким образом, выходил за рамки филологии и приобретал общественно-политический интерес»³⁶.

Как подмечает белорусский философ, исследователь белорусского национализма Валерий Булгаков, «как таковое белорусское движение начало существовать лишь в 1905–1906 годах — в пору появления первых легальных белорусских изданий и белорусских культурных организаций»³⁷.

Итак, 1 сентября 1906 г. по инициативе Я. Луцкевича вышла в свет первая белорусскоязычная легальная газета «Наша Доля» / «*Nasza Dola*» (издавалась до 1 декабря 1906 г.), а затем, в конце ноября 1906 г., вторая белорусскоязычная газета «Наша Нива» / «*Nasza Niwa*» (издавалась до 1915 г.)³⁸. Обе печатались в Вильне, культурном и экономическом центре Северо-Западного края Российской империи.

Таким образом, главным орудием легальной национально-культурной работы в Белоруссии стала газета как средство распространения белорусского литературного языка и белорусской национальной идеи, чего в прошлом не происходило. Прежде белорусскоязычные

³⁵ *Мячкоўская Н. Б.* Мовы і культуры Беларусі: нарысы. Мінск, 2008. С. 169.

³⁶ *Барысенка В. В.* Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. С. 10.

³⁷ *Булгакаў В.* Гісторыя беларускага нацыяналізму. С. 308.

³⁸ Белорусская пресса в начале XX в. издавалась как гражданским русским алфавитом, так и польским латинским, приспособленными к белорусской речи и правописанию. Соответственно, в данной публикации приводятся оригинальные формы названий изданий в 1906–1907 гг.: «Наша Доля. Першая беларуская газета для вёскавага і месцовага рабочага народу. Выходзіць раз у тыдзень рускімі і польскімі літэрамі»; «Наша Доля. Першая беларуская газета для вёскавага і месцовага рабочага народу. Выходзіць раз у тыдзень рускімі і польскімі літэрамі»; «*Nasza Dola. Pierszaja białaruskaja hazeta dla wioskowaho i miestowaho raboczaho narodu. Wychodzić raz u tydzień polskimi i ruskimi literami*» (Наша Доля. 1906. № 2, 15.09. С. 1; № 6, 1.12. С. 1; *Nasza Dola. 1906. No. 6, 01.12. S. 1*); «Наша Нива. Першая беларуская газета з рысункамі. Выходзіць раз у тыдзень рускімі і польскімі літэрамі»; «*Nasza Niwa. Pierszaja białaruskaja hazeta z rysunkami. Wychodzić raz u tydzień polskimi i ruskimi literami*» (Наша Нива. 1906. № 3. 24.11(7.12). С. 1; *Nasza Niwa. 1906. No. 1, 10(23).11. S. 1*).

книги и листовки появлялись из-под пера деятелей, ставивших целью не формирование белорусской нации, а агитацию среди белорусскоязычного населения в пользу совместной борьбы против русского царизма и России как таковой, противопоставлявшей Польше как якобы общему (по крайней мере в прошлом) с поляками отечеству³⁹.

«Наша Доля» и «Наша Нива» с 1906 г. являлись единственными средствами массовой информации на белорусском языке, на основе печатного узуса которых сложились литературный язык и представления о нем. Формирование белорусской национальной идентичности следует рассматривать как последовательный и целенаправленный процесс утверждения и закрепления на страницах белорусской прессы идеи о ценности белорусского языка как главного фактора национальной самобытности белорусов. В публицистике «Нашей Нивы» утверждалось, что язык был главной чертой, отличавшей белорусов от соседних народов.

На важность печатного слова как чуть ли не единственного средства массовой коммуникации национальных активистов с потенциальными членами нации обращали внимание и белорусские, и польские ученые⁴⁰. Ближе всего к пониманию проблемы был А. Луцкевич: «В жизни каждого народа пресса играет огромную роль. Но для белорусов она имеет особый вес и значение: ведь долгое время она была, пожалуй, *единственным проявлением заглушенной иноземным игом жизни* (здесь и далее курсив А. Луцкевича. — В.К.). Пресса была у нас кузницей, в которой ковались наши *возрожденческие* идеалы, и в этой работе могла принимать участие белорусская крестьянская и рабочая масса, посылая в редакцию свои корреспонденции, откликаясь на все события, на высказанные в газете мысли и лозунги»⁴¹. Именно появление белорусской периодики, а главное, ее постоянных читателей и местных корреспондентов позволило на постоянной основе развивать нормы белорусского литературного языка. Благодаря этому идея о белорусской нации выходила за пределы узкого круга энтузиастов.

³⁹ Туронак Ю. З гісторыі беларускага выдавецкага руху ў 1902–1905 гадох // Туронак Ю. Мадэрная. С. 43–44.

⁴⁰ Біч М. У змаганні за лепшую долю. Да 60-годдзя газеты «Наша доля» // Полымя. 1966. № 8. С. 133–134; Szul R. Język — naród — państwo. Język jako zjawisko polityczne. Warszawa, 2009. S. 39.

⁴¹ 1906 — 14/IX — 1926 // Народная справа. 1926. № 17, 15.09. С. 1.

В условиях сосуществования в Белоруссии в начале XX в. сильного польского (с так называемым крайовым течением)⁴² и русского (с западнорусской ветвью)⁴³ национальных движений и функционирования в общественно-политической и культурной жизни польского и русского литературных языков, новые белорусскоязычные легальные периодические издания сыграли исключительную роль в процессе формирования белорусской национальной идентичности. Вторя А. Луцкевичу, современный белорусский философ Валентин Акудович пришел к верному наблюдению: «Начиная с “Мужыцкай праўды” Кастуся Калиновского (одного из лидеров восстания 1863–1864 гг. в Литве. — В.К.) и виленской «Нашай Нівы» начала [XX] века все белорусские издания косвенно, сознательно или неосознанно, играли роль отсутствующих социальных и общественно-политических институтов. Более того, именно в пространстве общественно-культурных изданий и книг белорусы сформировались как нация»⁴⁴.

По мере распространения периодической печати и книгопечатания на белорусском языке увеличивалось число носителей белорусского литературного языка и укреплялось белорусское национальное движение. Однако на пути распространения белорусской национальной идеи и языка стоял низкий статус «белорусского наречия», считавшегося некоторыми «мертвым», о чем с горечью писала «Наша Нива»⁴⁵. При этом издание признавало, что миллионы белорусскоязычных не осознавали ценности своего языка⁴⁶.

Принципиальное значение работы публицистов «Нашай Доли» и «Нашай Нивы» по сравнению с польскими и польско-белорусскими деятелями в Белоруссии и Литве XIX — начала XX в. заключалось в том, что они не только осознавали факт самобытности белорусов, но и обосновывали их потенциал как нации.

⁴² Zienkiewicz T. Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX w. (do r. 1921). Olsztyn, 1997; Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. / 2-е выд., дапрац. СПб., 2004; Tarasiuk D. Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918. Lublin, 2007.

⁴³ Цьвікевіч А. «Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993.

⁴⁴ Акудовіч В. Архіпэляг Беларусь (замест прадмовы) // Акудовіч В. Мяне няма: роздумы на руінах чалавека. Мінск, 1998. С. 9.

⁴⁵ Nasza Niwa. 1906. No. 2, 17(30).11. S. 1–2.

⁴⁶ „Maciej”. Chocienzczyzy. Wilejsk. paw // Nasza Niwa. 1907. No. 1. 6(19).01. S. 5.

Следует отметить, что проблемы, стоявшие на повестке дня по «белорусскому вопросу» в начале XX в., спустя более чем сто лет не утратили остроты и возвращают нас к идеям первых белорусских национальных деятелей начала 1900-х гг. Одновременно вновь обретает актуальность вопрос, насколько они были жизне- и конкурентноспособны в сравнении, например, с западнорусской идентичностью, оформившейся к 1860-х гг. и бывшей одной из альтернатив для белорусскоязычного населения в начале XX в.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102.
Lietuvos Mokslo akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 21–33; 21–366.
Наша Доля, 1906.
Наша Нива, 1906–1907.
Nasza Dola, 1906.
Nasza Niwa, 1906–1907.

Литература

- Акудовіч В. Архіпэляг Беларусь (замест прадмовы) // Акудовіч В. Мянэ: раздумы па руінах чалавека. Мінск: БГКАЦ, 1998. С. 3–16.
Бандарчык В.К. Беларусы: у 8 т. Мінск: Беларуская навука, 1999. Т. 3. Гісторыя этналагічнага вывучэння. 433 с.
Бандарчык В.К. Выбраныя працы па гістарыяграфіі паходжання і этнічнай гісторыі беларусаў. Да 100-гадовага юбілею / укл. А.У. Гурко, С.У. Грунтоў. Мінск: Беларуская навука, 2020. 430 с.
Барысенка В.В. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1957. 368 с.
Біч М. У змаганні за лепшую долю. Да 60-годдзя газеты «Наша доля» // Польша. 1966. № 8. С. 132–138.
Булгакаў В. Гісторыя беларускага нацыяналізму. Vilnius: Інстытут беларусістыкі, 2006. 326 с.
Булгакаў В. Злыя дэмані беларускай гісторыі // Arche. Пачатак. 2007. № 9. С. 97–178.
Вястун «нашаніўскай» эпохі. Старонкамі жыццяпісу Івана Луцкевіча. Да 135-х угодкаў нараджэння (09.06.1881–20.08.1919) // Скарыніч. Літаратурна-навуковы гадавік / укл. А. Каўка, В. Чайчыц. М., 2016. Вып. 11. С. 26–44.
Границы Литвы. Тысячелетняя история. Vilnius: Baltos lankos, 2010. 180 с.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Запрудскі С. М. Аб навукавай рэцэпцыі беларускай мовы ў Расіі ў першай палове XIX стагоддзя // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.): даклады беларускай дэлегацыі / рэдкал.: А. А. Лукашанец [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 37–52.

Запрудскі С. М. Аб філалагічнай рэцэпцыі беларускай мовы ў Расіі ў першай трэці XIX ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 2. С. 44–50.

Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / ред. совет: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2007. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Кн. 2. 704 с.

Карский Е. Ф. Белоруссы. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1903. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. 466 с.

Корбут В. Адлюстраванне месца і ролі беларускай мовы ў сістэме адукацыі як фактару фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў публіцыстыцы газеты «*Nasza Niwa*» («Наша Нива») у 1906–1907 гадах // *Tożsamość białoruska: doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. W 30. rocznicę uzyskania przez Białoruś niepodległości* / red. J. Getka, J. Grzybowski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. S. 56–74.

Корбут В. Гістарыяграфія першых беларускамоўных газет «Наша Доля» і «Наша Нива» // *Białoruskie Zeszyty Historyczne* = Беларускі гістарычны зборнік. 2023. No. 56. S. 131–220.

Корбут В. Літоўцы і літоўска-беларускія адносіны на старонках газет «Наша Доля» і «Наша Нива» ў 1906–1907 гг. // *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*. 2023. T. 16. S. 41–67.

Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Наука, 2020. 440 с.

Ластойскі В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу? // Што трэба ведаць кожнаму беларусу: зборнік артыкулаў розных аўтараў: М. Міцкевіча, Я. Лёсіка, В. Ластойскага, М. Багдановіча, Пётры з Арленят і інш. Менск: Вольнае Беларусі, 1918. С. 1–19.

[Луцкевич Я.] Жменя слоў пра Белу Русь яе гісторыю літаратуру і нац. узвиження пачаткі // *Lietuvos Mokslo akademijos Vrublevskių biblioteka*. F. 21–366. L. 45 r — 48 v.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Мячкоўская Н.Б. Мовы і культуры Беларусі: нарысы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. 348 с.

Обзор звуков и форм белорусской речи, сочинение Е.Ф. Карского. М.: в Университетской тип. (М. Катков) на Страстном бульваре, 1885 (1886). 170 с.

Пачынальнікі. З гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / укл. Г.В. Кісялёў, рэд. В.В. Барысенка, А.І. Мальдзіс. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. 544 с.

«Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века) / редкол.: Е.Ю. Борисенко [и др.]. М.: Институт славяноведения РАН, СПб.: Нестор-История, 2021. 424 с.

Скряпченко Д.В. Украинцы. Киев: тип. С.В. Кульженко, 1916. 54 с.

Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. / 2-е выд., дапрац. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг, 2004. 406 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX — начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: Белорусский государственный университет, 2004. 223 с.

Турунак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. 877 с.

Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Цвікевіч А. «Западнаруссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. // Цвікевіч А. Збор твораў: у 2 т. / укл. А.С. Ліс, Д.В. Віцько. Смоленск: Інбелкульт, 2021. Т. 1. Гістарычныя працы. С. 99–444.

Цвікевіч А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.

1906 — 14/IX — 1926 // Народная справа. 1926. № 17, 15.09. С. 1.

Ab białaruskim nacionalnym adradzeńni // Nasza Niwa. 1909. No. 46, 12(25).11. S. 667–668.

Chalimon. Da białarusou // Nasza Niwa. 1907. No. 34, 23.11(6.[12]). S. 6.

Dudka białaruskaja Macieja Buraczka. Kraków: Drukawau swaim kosztam Wł. L. Anczyc i S-ka, 1891. 74 s.

Dudka białaruskaja Macieja Buraczka. Wydanie druhoje. Krakou: Drukawau swaim kosztam Wł. L. Anczyc i Ska, 1896. 74 s.

Gołqbek J. Wincenty Dunin-Marcinkiewicz poeta polsko-białoruski. Wilno: Wydawnictwa Towarzystwa Pomocy Naukowej im. E. i E. Wróblewskich, 1932. 144 s.

Hroch M. Małe narody Europy. Perspektywa historyczna. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 2003. 168 s.

Korbut V. Mińsk Litewski: polski czy (i) białoruski? Miasto w dziennikach i wspomnieniach z połowy XIX — początku XX w. (przyczynek do badania tożsamości Polaków w okresie porozbiorowym) // Polacy na Białorusi. Od końca XIX do początku XXI w. / red. T. Gawin. Warszawa: Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. T. III. Niepodległość 1918–2018: polskie i białoruskie idee niepodległościowe. S. 19–38. (Bibliotheca Europæ Orientalis LIII; studia 9).

Korbut V. Беларускае пытанне на старонках першых беларускіх газет «Наша Доля» („Nasza Dola”) i «Наша Нива» („Nasza Niwa”) (1906 г.) // Acta Polono-Ruthenica. 2020. Vol. 3. No. XXV. S. 177–189.

Korbut V. Гісторыя першай беларускай газеты «Наша Доля» // Przegląd Środkowo-Wschodni. 2023. T. 8. S. 101–141.

Korbut V. Літоўцы і літоўска-беларускія адносіны на старонках газет «Наша Доля» і «Наша Нива» ў 1906–1907 гг. // Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej. 2023. T. 16. S. 41–67.

Korbut V. Фарміраванне ідэнтычнасці беларускіх нацыянальных дзеячаў у 1890-х гг. — пачатку XX ст.: ад польскай да беларускай самасвядомасці // Wielokulturowość Europy Środkowo-Wschodniej: doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. Z okazji 20. rocznicy utworzenia Katedry Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej / red. nauk. J. Getka, J. Grzybow-ski. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2023. S. 68–90.

Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1979. 406 s.

Krapiūka M. Jak nam uczycca // Nasza Niwa. 1906. No. 1, 10(23).11. S. 4–5. „Maciej”. Chocienczycy. Wilejsk. paw. // Nasza Niwa. 1907. No. 1, 6(19).01. S. 5.

Olechnowicz M. Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1986. 252 s.

Radzik R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX st. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. 302 s.

Świrko S. Z Mickiewiczem pod rękę czyli życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1989. 326 s.

Szul R. Język — naród — państwo. Język jako zjawisko polityczne. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. 416 s.

Tarasjuk D. Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 212 s.

Zienkiewicz T. Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX w. (do r. 1921). Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1997. 236 s.

References

- Akudovich V. Arkhipéliah Belarus' (zamest pradmovy) // Akudovich V. *Miane niama: rozдумы na ruínakh chalaveka*. Minsk, BHKATS, 1998, p. 3–16. (In Bel.)
- Bandarchyk V. K. *Belarusy*. 8 vols. Minsk, Belarускаia navuka, 1999, vol. 3.: *Historyia étnalahichnaha vyvuchénnia*, 433 p. (In Bel.)
- Bandarchyk V. K. *Vybranyia pratsy pa histaryiahrافیi pakhodzhanntia i étnich-naï historyi belarusai. Da 100-hadovaha iubileiu*. Ed. by A. U. Hurko, S. U. Hrun-toi. Minsk, Belarускаia navuka, 2020, 430 p. (In Bel.)
- Barysenka V. V. *Frantsishak Bahushévich i problema réalizma ũ belaruskai li-taratury XIX stahoddzia*. Minsk, Vydavetstva Akadémii navuk Belarускаi SSR, 1957, 368 p. (In Bel.)
- Bich M. U zmahanni za lepszuiu doliu. Da 60-hoddzia hazety „Nasha dolia”. *Polymia*, 1966, no. 8, pp. 132–138. (In Bel.)
- Bulhakaŭ V. *Historyia belaruskaha natsyianalizmu*. Vilnius, Instytut belaru-sistyki, 2006, 326 p. (In Bel.)
- Bulhakaŭ V. Zlyia démany belarускаi historyi. *Arche. Pachatak*, 2007, no. 9, pp. 97–178. (In Bel.)
- Granitsy Litvy. Tysiacheletniaia istoriia. Vilnius, Baltos lankos, 2010, 180 p. (In Russ.)
- Dolbilov M. D. *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokontsessional'naia politika im-perii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2010, 1000 p. (In Russ.)
- Karskii Je. F. *Belorusy*. 3 vols. Ed. by G. P. Pashkov (gl. red.) [i dr.]. Minsk: Be-larускаia Entsylapedyia, 2007, vol. 3, Ocherki slovesnosti belorusskogo plemeni, book 2, 704 p. (In Russ.)
- Koialovich M. O. *Chteniia po istorii Zapadnoi Rossii*. Saint Petersburg, Nauka, 2020, 440 p. (In Russ.)
- Hroch M. *Male narody Europy. Perspektywa historyczna*. Wrocław, Warsza-wa, Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 2003, 168 p. (In Pol.)
- Khirsh F. *Imperii natsii. Etnograficheskoe znaniye i formirovaniye Sovetskogo Soiuz*. Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2022, 472 p. (In Russ.)
- Korbut V. Adliustravanne mestsa i roli belarускаi movy ũ sistème adukat-syi iak faktaru farmiravannia natsyianal'naï idéntychnasti ũ publitsystytsy haze-ty „Nasza Niwa” («Nasha Niva») u 1906–1907 hadakh. *Tożsamość białoruska: do-świadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. W 30. rocznicę uzyskania przez Białoruś niepodległości*, ed. by J. Getka, J. Grzybowski. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2021, pp. 56–74. (In Bel.)
- Korbut V. Histaryiahrافیia pershykh belaruskamoŭnykh hazet “Nasha Dolia” i “Nasha Niva”. *Białoruskie Zeszyty Historyczne = Belaruski histarychny zbormik*, 2023, no. 56, pp. 131–220. (In Bel.)

Korbut V. Litoŭtsy i litoŭska-belaruskiia adnosiny na staronkakh hazet “Nasha Dolia” i “Nasha Niva” ŭ 1906–1907 hh. *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*, 2023, vol. 16, pp. 41–67. (In Bel.)

Korbut V.A. Obraz Rossii i russkikh na stranitsakh vilenskoj beloruskojazychnoj gazety “Nasha Niva” v 1906–1907 godakh. *Vostochnoslavianskije issledovaniia*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2022, iss. 1, pp. 58–84. (In Russ.)

Korbut V. Mińsk Litewski: polski czy (i) białoruski? Miasto w dziennikach i wspomnieniach z połowy XIX – początku XX w. (przyczynek do badania tożsamości Polaków w okresie porozbiorowym). *Polacy na Białorusi. Od końca XIX do początku XXI w.*, ed. by T. Gawin. Warszawa, Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, 2019, vol. III: Niepodległość 1918–2018: polskie i białoruskie idee niepodległościowe, pp. 19–38. (Bibliotheca Europæ Orientalis LIII; studia 9). (In Pol.)

Korbut V. Belaruskaje pytanne na staronkakh pershykh belaruskikh hazet “Nasha Dolia” (“Nasza Dola”) i “Nasha Niva” (“Nasza Niwa”) (1906 h.). *Acta Polono-Ruthenica*, 2020, vol. 3, no. XXV, pp. 177–189. (In Bel.)

Korbut V. Historyia pershaŭ belaruskaj hazety “Nasha Dolia”. *Przegląd Środkowo-Wschodni*, 2023, vol. 8, pp. 101–141. (In Bel.)

Korbut V. Litoŭtsy i litoŭska-belaruskiia adnosiny na staronkakh hazet “Nasha Dolia” i “Nasha Niva” ŭ 1906–1907 hh. *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*, 2023, vol. 16, pp. 41–67. (In Bel.)

Korbut V. Farmiravanne identychnastsj belaruskikh natsyianal’nykh dzieiachaŭ u 1890-kh hh. — pachatku XIX st.: ad poliškaŭ da belaruskaj samasviadomastsj. *Wielokulturowość Europy Środkowo-Wschodniej: doświadczenia przeszłości i wyzwania teraźniejszości. Z okazji 20. rocznicy utworzenia Katedry Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej*, ed. by J. Getka, J. Grzybowski. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2023, pp. 68–90. (In Bel.)

Kosman M. *Historia Białorusi*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1979, 406 p. (In Pol.)

Łatyszonek O. *Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej*. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006, 388 p. (In Pol.)

[Lutskevich Ia.]. Zmhenia sloŭ pra Belu Ruś iaje historiui literaturu i nats. uzvizhennia pachatki. *Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*, f. 21–366, l. 45 r — 48 v. (In Bel.)

Miller A.I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*, 2nd ed., Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2010, 320 p. (In Russ.)

Miachkoŭskaia N.B. *Movy i kultury Belarusi: narysy*. Minsk, Prava i ěkonomia, 2008, 348 p. (In Bel.)

Obzor zvukov i form belorusskoi rechi, sochinenije Je. F. Karskogo. Moscow, v Universitetskoi tipografii (M. Katkov) na Strastnom bul'vare, 1885 (1886). 170 p. (In Russ.)

Olechnowicz M. *Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku.* Łódź, Wydawnictwo Łódzkie, 1986, 252 p. (In Pol.)

Pachynaŭ niki. *Z historyka-litaraturnykh materyialaŭ XIX st.*, collected by H. V. Kisialioŭ, red. V. V. Barysenka, A. I. Mal'dzis. Minsk: Navuka i tэхnika, 1977, 544 p. (In Bel.)

Pshyrkoŭ Iu. Ianka Kupala — redaktar “Nashaŭ Nivy”. *Belarus'*, 1946, no. 5–6, pp. 31–33. (In Bel.)

Radzik R. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX st.* Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000, 302 p. (In Pol.)

“Rodnoje slovo”. *Belorusskii i ukrainskii iazyki u shkole (oчерки istorii massovogo obrazovaniia, seredina XIX — seredina XX veka)*, ed. by Je. Iu. Borisenok [et al.]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2021, 424 p. (In Russ.)

Skrynchenko D. V. “Ukraintsy”. Kijev, tip. S. V. Kul'zhenko, 1916, 54 p. (In Russ.)

Smalianchuk A. *Pamizh krajevastsiu i natsyianaŭnaŭ ideiaŭ. Połski rukh na belaruskikh i lietušskikh zemliakh. 1864 — liuty 1917 h.*, 2nd edition, Saint Petersburg, Neŭski prastsiaŭ, 2004, 406 p. (In Bel.)

Smith A. D. *Etniczne źródła narodów.* Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009, 386 p. (In Pol.)

Smith A. D. *Kulturowe podstawy narodów. Hierarchia, przymierze i republika.* Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009, 264 p. (In Pol.)

Smith A. D. *Nacjonalizm. Teoria, ideologia, historia.* Warszawa, Wydawnictwo Sic, 2007, 214 p. (In Pol.)

Staliunas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii.* Moscow, Novoje literaturnoje obozrenije, 2022, 376 p. (In Russ.)

Stankevich S. Savetskaje asudzhénŭne “Nashaŭ Nivy” ŭ sproby jeŭnaje rehabilitatsyi. *Zapisy*, 1964, book 3, pp. 91–115. (In Bel.)

Świrko S. *Z Mickiewiczem pod rękę czyli życie i twórczość Jana Czczota.* Warszawa, Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1989, 326 p. (In Pol.)

Szul R. *Język — naród — państwo. Język jako zjawisko polityczne.* Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009, 416 p. (In Pol.)

Tarasiuk D. *Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918.* Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007, 212 p. (In Pol.)

Tereshkovich P. V. *Etnicheskaia istoriia Belarusi XIX — nachala XIX v. v kontekste Tsentral'no-Vostochnoi Jevropy.* Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2004, 223 p. (In Russ.)

Tożsamości zbiorowe Białorusinów, ed. by R. Radzik. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012, 424 p. (In Pol.)

Turonak Iu. *Madŭrnaia historyia Belarusi*. Vil'nia: Instytut Belarusicystyki, 2006. 877 s. (In Bel.)

Tsvikevich A. "Zapadnorussizm": narysy z historyi hramadskaŭ mysli na Belarusi ŭ XIX i pachatku XX v. In: Tsvikevich A. Zbor tvoraŭ. 2 vols. collected by A. S. Lis, D. V. Vits'ko. Smolensk, Inbelkul't, 2021, vol. 1, Histarychnyia pratsy, pp. 99–444. (In Bel.)

Ts'vikevich A. "Zapadno-russizm". *Narysy z historyi hramadzkaŭ mysli na Belarusi ŭ XIX i pachatku XX v.* Minsk, Navuka i tĕkhnika, 1993, 352 p. (In Bel.)

Viaŭstun "nashaniŭskaŭ" ėpokhi. Staronkami zhytstsiapisu Ivana Lutskevicha. Da 135-kh uhodkaŭ naradzhĕnnia (09.06.1881–20.08.1919). *Skarymich. Litaraturna-navukovy hadavik*, ed. by A. Kaŭka, V. Chaŭchyts. Moscow, 2016, iss. 11, pp. 26–44. (In Bel.)

Zaprudski S.M. Ab navukovaŭ rĕtsĕptsyi belarускаŭ movy ŭ Rasii ŭ pershaŭ palove XIX stahoddzia. *Movaznaŭstva. Litaraturaznaŭstva. Faŭklarystyka. XV Mizhnarodny z'jezd slavistaŭ (Minsk, 20–27 zhniŭnia 2013 h.)*: daklady belarускаŭ dĕlehatsyi, ed. by A. A. Lukashanets [et al.]. Minsk, Belarускаia navuka, 2013, pp. 37–52. (In Bel.)

Zaprudski S.M. Ab filalahichnaŭ rĕtsĕptsyi belarускаŭ movy ŭ Rasii ŭ pershaŭ trĕtsi XIX st. *Vesnik Belaruskaha dziarzhaŭnaha ŭniversitĕta. Ser. 4: Filalohiia. Zhurnalistyka. Pedahohika*, 2011, no. 2, pp. 44–50. (In Bel.)

Zienkiewicz T. *Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX w. (do r. 1921)*. Olsztyn, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1997, 236 p. (In Pol.)

Viktar A. Korbut

PhD (Philology)

Independent Researcher

Warsaw

Poland, ul. Mała 1/2, 03-423 Warszawa

E-mail: v.korbut@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0001-6848-1160

The Belarusian Language as a Determining Factor in the Belarusian National Identity Formation and National Movement in the Early Twentieth Century

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.02

Abstract: The determining factor in the formation of the Belarusian national identity and movement in the early 20th century was the Belarusian language. Even though it was considered only a dialect of the Russian language by the authorities of the Russian Empire and part of the local so-called Western Russian *intelligentsia*, for the pioneers of the Belarusian movement, who came primarily from the Polish-speaking nobility of the Roman Catholic faith, the language of the bulk of the Belarusian-speaking, predominantly peasant Orthodox, population represented value in itself, as a feature that distinguishes Belarusians from both Russians and Poles. This idea first became widespread in the Belarusian language on the pages of the first Belarusian-language newspapers, *Nasza Dola* and *Nasza Niwa*, the publication of which was initiated by Jan Luckiewicz in 1906 in Vilna (Vilnius). These publications appeared under the conditions of liberalisation of the press and public life during the revolution of 1905–1907, which was a factor that accelerated the development of the Belarusian national movement. The Belarusian-language legal newspapers contributed to the formation of the modern Belarusian literary language and disseminated the idea of its originality and independence of its speakers — the Belarusian-speaking population (the “tribe” or Russians), who, by means of the Belarusian-language press, formed a new socio-cultural community: the Belarusian people (nation).

Keywords: Belarusians, Belarus, Russians, Poles, periodicals, *Nasza Dola*, *Nasza Niwa*

Мария Александровна Маханько

кандидат искусствоведения
заведующая научно-исследовательским отделом
Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева
Россия, 105120, Москва, Андроньевская пл., д. 10
научный редактор
Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
Россия, 107120, Москва, Нижняя Сыромятническая, д. 10А, стр.1
E-mail: mariyamakhanko@yandex.ru

Последний год церковного музея при Холмском православном Свято-Богородицком братстве: По материалам инвентарной книги (октябрь 1914 — май 1915 года)

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.03

Аннотация: Статья основана на анализе данных из инвентарной книги церковно-археологического музея при православном Холмском Свято-Богородицком братстве, одним из наиболее молодых православных братств Юго-Западной и Западной Руси, формирование которых происходило в городах еще в XVI–XVII вв. и в чью задачу входила культурно-просветительская работа среди православного населения. Свято-Богородицкое братство было основано в 1879 г. после воссоединения униатов с православной церковью, в 1882 г. при братстве был открыт музей. В 1915 г. братство и его музей были эвакуированы в Москву, где в 1917 г. братство прекратило свое существование. Последняя инвентарная книга музея, сохранившаяся в целости, охватывает поступления в музей в период с октября 1914 по май 1915 г. Анализируются имена вкладчиков, типология и происхождение поступлений, степень их известности в современной науке. Инвентарная книга является интересным источником последних месяцев существования Холмской губернии, топографии православных храмов, активистов православно-культурного движения и музейного строительства.

Ключевые слова: Холмщина, Холмская губерния, город Холм, Холмское братство, церковно-археологический музей, Первая мировая война, Православие в Подляшской Руси

В отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве хранится добротная брошюрованная книга — инвентарь (инвентарная книга), озаглавленная как «Хронологический каталог Церковно-археологического музея при Холмском

православном Свято-Богородицком братстве: 1914–1915, тридцать шестого Братского года» (т. е. тридцать шестого года от начала существования братства)¹. Судя по данным отдела ГИМ, документ не привлекал внимания ученых. Во время работы над статьей о Холмской иконе Божией Матери, древней чтимой иконе Галицко-Волынской Руси, позднее — Руси Подляшской, Забужной, многострадальной части Юго-Западной славянской православной общности², автор решил обратиться к изучению этого документа.

На первом развороте книги (л. 1 об. — 2) через серединные рубрики написано, что 1914–1915 — это 36-й Братский год и 33-й год существования музея при Братстве.

Православные братства формировались в городах Юго-Западной и Западной Руси, входившей в состав Польско-Литовского государства в XVI–XVII вв., для культурно-просветительских дел в поддержку веры; наиболее древними известными были львовское Свято-Успенское³, Люблинское⁴. В г. Холме после воссоединения униатов с православной верой в 1875 г., с 1879 г. начало свою деятельность Свято-Богородицкое братство, которое было принято под покровительство императора Александра III в 1882 г. В том же году по инициативе викария Холмско-Варшавской епархии епископа Модеста был открыт музей братства⁵. Таким образом, сотрудников братства можно назвать первопроходцами во многих начинаниях, связанных с поддержанием и развитием православной культуры в этом регионе.

Сам облик книги внушает уважение к сотрудникам братства и его музея. Кодекс в твердом кожаном переплете, с уголками на крышках,

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 4.

² О значении Холмской иконы в истории Подляшья и Забужской Руси см.: *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Живая древность: Литературная традиция культа иконы Богоматери Холмской до наших дней // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002. № 2 (8). С. 14–25.

³ См.: *Лукашова С. С.* Миряне и Церкви: религиозные братства Киевской метрополии в конце XVI в. М., 2006.

⁴ *Флоря Б. Н.* Люблинское братство // *Православная энциклопедия* (далее — ПЭ) М., 2016. Т. 42. С. 47–50.

⁵ *Кораллов Ф. В.* Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве: Опыт краткого очерка истории Музея в связи с сведениями об археологической науке вообще и с указанием того, что особенно важного и интересного можно увидеть в Холмском церковно-археологическом музее при Братстве. Холм, 1911. С. 9.

в лист (около 35 см в высоту и 22 см в ширину). Бумага — с водяными знаками Добрушской фабрики⁶, с датами (1806–1882) и иными изображениями, например, на л. 7 — в нижней / правой части в центре виден узел в виде четырехконечного креста, в левой / верхней — государственный герб (двуглавый орел)⁷.

Все листы в верхнем левом углу прошиты и соединены крученым шнуром из трех нитей разного цвета (белый, рыжий, серо-черный) и скреплены на обороте последнего листа красной сургучной печатью. Рядом с печатью запись от руки: «В этой книге “Инвентарь (хронологический каталог) Церковно-Археологического Музея при Холмском православном Св.-Богородицкомъ Братстве с 1914–15 Братского года” пронумерованных, прошнурованных и скрепленных печатью триста восемь (308) листов. Председатель Совета Холмского православного св.-Богородицкаго Братства»⁸. Подпись, точнее роспись, сделана чернилами другого цвета: «Священникъ Иоаннъ Речкинъ». Перед нами автограф священника Иоанна Речкина, председателя совета Холмского братства, о котором упоминается в отчетах предвоенных лет⁹, а также в воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского)¹⁰.

⁶ Добрушская писчебумажная фабрика князя Паскевича (Гомельский уезд Могилевской губернии) — одно из старейших действующих предприятий, ныне на юго-востоке территории Республики Беларусь. См.: *Стульгинский А.И.* Восьми- и девяти-часовой труд на Добрушской писчебумажной фабрике князя Паскевича. СПб., 1895; *Стульгинский А.И.* Развитие Добрушской писчебумажной фабрики князя Паскевича в 1896 г. СПб., 1896; *Лапин Н.П.* Внутреннее обозрение // *Русская мысль*. 1895. № 4. С. 135–137; *Евгеньев Ф.К.* Русская библиография бумажного дела. (1800–1924): История, техника, экономика и статистика. М., 1925. С. 26, 80, 95. В российских библиотеках сохранились книги церковного назначения, прежде всего певческие, напечатанные на подобной бумаге, см.: РГБ. Ф. 907: Коллекция рукописных книг и архивных материалов Пашинина М.Б.: Поступления 2004–2008 гг. № 1–55: XVI–XIX вв. / ред. И.В. Левочкин. М., 2009. С. 40, 41.

⁷ Вероятно, подобные книги предлагались к продаже в рекламных объявлениях на страницах епархиальных изданий Холма как «Разносные книги» для церквей (на бумаге Князя Паскевича) по 1 руб. 50 коп., а в переплете 1 руб. 75 коп.: *Холмская церковная жизнь*. 1912. Декабрь. № 5. С. 840.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 200 об.

⁹ Отчет о состоянии и деятельности находящегося под высочайшим Е.И. В. покровительством Холмского православного Свято-Богородицкого братства за 1912/13 34-й братский год. Холм, 1914. С. 29. Эту должность он занимал с 6 ноября 1912 г.

¹⁰ 28 мая 1915 г. о. Иоанн Речкин зачитывал адрес во время прощания владыки с Холмским братством, с Епархиальным училищным советом и Миссионерским

Нумерация в книге двойная, так как при повторной пагинации форзац (свободный лист, идентичный листу, наклеенному на крышку переплета) посчитали за первый лист. Таким образом первый сброшюрованный лист стал л. 2 (эта пагинация находится правее и выше первой). Будем руководствоваться первой пагинацией.

Печатные листы содержат таблицу, продолжающуюся на каждом листе и повторяющуюся в верхней части каждого разворота. Она состоит из семи вертикальных рубрик. Это номер инвентаря (предмета), его наименование и описание, количество экземпляров, время поступления, раздел «откуда получен номер», примечания, отдел и номер систематического каталога.

Первый номер в инвентарной книге — 2595, т.е. можно предположить, что за предыдущий период музей приобрел более двух с половиной тысяч единиц. Судя по публикации отца Ф.В. Кораллова, в 1911 г. в музее числилось почти 12 тыс. экспонатов¹¹. Среди опубликованных материалов Холмского братства сохранился краткий отчет за 1912 г. о поступлениях в братский музей книг¹². В предварительном слове составитель особо отметил книгу кн. Э. Ухтомского о путешествии цесаревича Николая Александровича на Восток в 1890–1891 гг., подаренную К.В. Васяткиным, как наиболее дорогую, поистине роскошную с точки зрения полиграфии публикацию¹³, а также издания, посвященные истории униатства и православия на Холмщине. В списке книг и оттисков, поступивших в библиотеку музея братства за 1912/13 г., — 217 номеров; в основном это именно публикации богословско-философского, исторического и словесно-литературного содержания, однако среди них упомянуты несколько монет и медалей.

советом, которое проходило в зале Холмского братства. См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. Гл. 14. Архиепископ Холмский.

¹¹ *Кораллов Ф.В.* Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 26 (точное число — 11 953).

¹² Отчет о состоянии и деятельности находящего под высочайшим Е.И. В. покровительством Холмского православного Свято-Богородицкого братства за 1912/13 34-й братский год (далее — Отчет). Холм, 1914. С. 83–92 (Приложение к № 6/1).

¹³ Имеется в виду издание: Путешествие Наследника Цесаревича на восток в 1890–1891 гг. / автор-изд.: кн. Э.Э. Ухтомский. СПб.; Лейпциг, 1897. Ныне один из лучших источников по истории церковного архитектурного и художественного наследия Сибири.

Как выше уже отмечалось, Церковно-Археологический музей при Холмском православном братстве открылся 8 сентября 1882 г.¹⁴ Этот день был знаменателен и символичен для любого уроженца Холмщины, поскольку это был день празднования иконы Холмской Божией Матери, всегда сопровождавшийся торжественными службами и общегородскими крестными ходами. Задачей музея, как и всего братства, стало трудное дело изживания духовного и морального наследия, «изгари польцизма и католицизма», ввевшихся, по словам людей того времени, в душу жителя Холмско-Подляшской Руси и мешавших полному его соединению с «живой Русью»¹⁵. Первоначально организаторы музея, иерархи Люблинской епархии¹⁶, стремились сбересть сами «униатские древности» (то есть прежде всего документы XVIII — середины XIX в., особенно на польском языке), которые исчезали или уничтожались первыми. Это обстоятельство иллюстрировали слова викария Холмско-Варшавской епархии епископа Модеста о том, что в Холмском соборе не сохранился архив¹⁷, что, конечно, не могло быть естественным для столь древнего храма и учреждения. Архиепископом Леонтием Варшавским и Холмским, а также его викарием епископом Модестом, первым председателем совета братства, быстро было уяснено и проговорено, что задача музея при братстве — сохранять и исследовать остатки русской старины, прежде всего в Люблинской и Седлецкой губерниях, чтобы поддержать чувство национального достоинства в русских жителях Забужской Руси¹⁸. За основу будущего музея был взят устав соответствующего учреждения при Киевской духовной академии¹⁹. отмечено, что исторические обстоятельства жизни западно-руссос среди

¹⁴ Публикация Устава: *Кораллов Ф.В.* Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 12–14.

¹⁵ Там же. С. 8–9.

¹⁶ *Пидгайко В.Г.* Люблинское викариатство // ПЭ. 2016. Т. 42. С. 50–57.

¹⁷ *Кораллов Ф.В.* Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 9–10.

¹⁸ Некоторые древние церкви, столпы (колоколни? остатки укреплений?), иконы и рукописи были сфотографированы, а фотографии были изданы отдельным томом свящ. Феодором Гербачевским. См.: Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губ.) / соч. и изд. любителя рус. старины свящ. Феодора Гербачевского. Варшава, 1892.

¹⁹ *Кораллов Ф.В.* Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 12–14.

иноплеменников и иноверцев способствовали появлению большого числа актов, юридических документов, но при этом — гибели собственно памятников и произведений. Приводится ряд фактов, когда начиная с XV в. помещики-поляки использовали не по назначению церковные архивы, перемещавшиеся архиереи увозили их с собой, подвергались перестройке или разрушению православные храмы, возведенные еще в X в. древнерусскими князьями²⁰.

События осени 1914 — весны 1915 г. не дали возможности сотрудникам музея заполнить все триста страниц, записи были сделаны лишь на десяти листах. Каковы же были источники поступления предметов в музей и какого рода они были?

Самым активным дарителем в эти полгода был отец Анастасий Харитонович Латко (№ 2595–2646, 2657–2677, 2761) — священник Холмского кафедрального собора, помощник хранителя музея братства, заведующий библиотекой, законоучитель Холмской учительной семинарии и Холмской казенной женской гимназии. Имя его встречается на страницах епархиальных холмских изданий в расписании богослужений на 1913 г., юбилейный год дома Романовых²¹. Важнейшие вехи биографии священника были установлены И. Г. Меньковой при подготовке издания биографии священномученика Сергия Лебедева, духовника насельниц московского Новодевичьего монастыря²². Отец Анастасий Латко родился в 1875 г., происходил из крестьян Саратовской губернии. Он окончил курс Холмской духовной семинарии в 1896 г. и был рукоположен в сан священника епископом Холмским и Люблинским Германом (Ивановым) в 1900 г. С 1913 г. — священник при Холмском кафедральном Богородицком соборе, с 1914 г. — законоучитель Холмской учительской семинарии. Иерей Анастасий Латко был также помощником хранителя музея и одним из самых щедрых дарителей. Коллекция отца Анастасия — в основном монеты, медали, как военные, так и иного назначения. Первый зафиксированный в книге номер (№ 2595) — медаль с Венерой, описанная подробно именно в силу своей необычности для православного быта или обряда: «Медаль медная, большого размера неизв[естного] года

²⁰ Там же. С. 15–19.

²¹ Холмская церковная жизнь. 1912. Декабрь. № 5. С. 838–839.

²² «Блаженны кроткие...»: Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки / Сост.: И. Г. Менькова. М., 2013. С. 48, 49, 299.

(зачеркнуто — предположительно, масонская. — М.М.)... с образом Венеры во весь рост с музыкальным инструментом (наподобие гитары) в левой руке, справа стоит ребенок с крыльями (амур), над ней — Всевидящее око, на обороте магический квадрат (7×7) Венеры с первыми 49-ю цифрами, расположенными по особому порядку». Это описание позволяет опознать особый тип изображения, известный как «пентакль Венеры», имевший хождение в увлеченных оккультизмом кругах европейского общества в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени и предназначавшийся для ритуалов любовной магии (возможно, что это была и позднейшая подделка, связанная с интересом к культуре европейского Ренессанса)²³. Большинство предметов, поступивших от отца Анастасия, — нумизматический материал, как правило археологического происхождения: русские монеты XVIII–XIX вв. (л. 2 об.), русско-польские монеты — «злоты» (злотые) 1827, 1837 гг. (№ 2618, 2619), польские монеты: три гроша 1592 г. (№ 2621), монета Августа 1569 г. (№ 2622) — т.е. времени правления польского короля Августа II Саксонского (1548–1572), а также нумизматика XVIII в. Нумизматический отдел был самым обширным в собрании братского музея уже к 1911 г. и насчитывал около 900 номеров (экземпляров)²⁴. Монеты разных государств были самым обширным классом предметов в братском музее: австрийские, мелкие венгерские, германские, румынские, русские и польские монеты (№ 2687–2796) английская медаль 1862 г. (№ 2637), неизвестная монета наподобие древнеримской (№ 2638). Среди нумизматики самыми поздними оказались один крейцер 1812 г. (№ 2655) и одна копейка 1813 г. (№ 2656), которые были записаны как поступления 24 октября от одного рекрута, осматривавшего музей.

Среди вкладов следующая запись помечена 15 октября 1914 г.: серебряная медаль императора Франца-Иосифа I Австрийского «За храбрость» (№ 2602), отмеченная хранителем музея за прекрасно сохранившееся изображение императора в дни его молодости. Иерей Анастасий Латко также подарил музею старинный медный медальон (№ 2761). На одной его стороне — изображение Спасителя с монограммой ИС; на другой монограмма ИС ХС под титлами и НИ КА.

²³ Володарский В.М. Парацельс // Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2707751> (дата обращения 05.03.2023).

²⁴ Кораллов Ф.В. Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 27.

Это была не первая подаренная им икона. Согласно отчету братства за 1912/13 г., от отца Анастасия поступил складень с фигурами преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и Ангела-хранителя, очевидно, меднолитая икона из двух створок, без эмали, вероятнее всего старообрядческой работы. Складень был найден во время постройки церкви в память выделения Холмской губернии²⁵, попал к отцу Анастасию, так как он был избран в строительный комитет от братства и занимался делопроизводством по постройке храма в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери с приделами великомученицы Параскевы и святителя Евлогия, епископа Александрийского, на Гоголевской улице в Холме²⁶. Посвящение главного престола увековечивало дату 23 июня 1912 г., день обнародования указа о выделении Холмской губернии из состава царства Польского, а имена святых, которым были посвящены придельные престолы, были связаны с чествованием митрополита Евлогия²⁷. Позднее эта церковь, судя по немецким и русским подписям на редких фотографиях с ее изображением, именовалась новой русской, или Параскевинской церковью. Из братского отчета за 1912/13 гг. известно, что в июле 1912 г. уже проходили археологические раскопки на верхней горке возле часовни равноапостольных Кирилла и Мефодия под руководством знаменитого московского историка, архитектора и археолога П. П. Покрышкина²⁸. В память о 300-летнем юбилее династии Романовых в Холме должны были построить народный дом²⁹.

Отец Анастасий инициировал создание нового отдела в братском музее, который должен был отразить события новой войны и получил название: «Холмщина во Вторую Отечественную войну». Номера с 2657 по 2677 были доставлены о. Анастасием с полей сражений на южных пределах Холмской губернии (под Комаровым), т. е. после Томашевского сражения в ходе Люблинско-Холмской (Галицийской)

²⁵ Отчет. 1914. С. 94. № 214.

²⁶ Там же. С. 4. Документы строительного комитета, связанные с возведением Владимирской церкви (в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери) в Холме, сохранились в составе того же фонда в ГИМ. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 18. 1912–1915 гг. 260 л. Возможно, там содержатся дополнительные сведения о деятельности отца А. Латко.

²⁷ Богданова Т.А., Клементьев А.К., Косик В.И. Евлогий // ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 161–168.

²⁸ Отчет. 1914. С. 16.

²⁹ Там же. С. 15.

операции 24 августа — 2 сентября 1914 г. Это предметы вооружения (шрапнельный стакан), военное обмундирование, солдатские приспособления — лопатка, ножницы для перерезания проволочного заграждения, немецкая каска, собрание карикатур и рисунков о войне, части снарядов (л. 10 об. — 11). Последний номер 1914 г. (№ 2749) — русский патронташ, записанный под 20 декабря от неизвестного с аббревиатурой «А. Н. Т.».

О величии и масштабах войны должен был напоминать пожертвованный в музей жетон в память Тройственного союза в войне с германцами с портретом Государя и датой 1914 г.: т.е. с тремя бюстами правителей стран — участниц Антанты: Англии (Георг V), Франции (президент Пуанкаре) и Российской империи (Николай II), получивший также название *Propatria* (За родину)³⁰. Эта музейная активность созвучна и современна той помощи, которую Холмское братство оказывало фронту. В Синод была послана информация, что именно братство оказало усердную помощь в деле духовной поддержки воинов в дни сражений на Холмщине в августе 1914 г.: организовало четыре летучих отряда для передовой, собирало средства для пожертвований пострадавшим, сотрудничало с местным комитетом помощи бедствующему населению (подшефным цесаревне Татьяне Николаевне), доставило в военные походные церкви предметы церковной утвари, книг и облачения, библиотеки, также и для госпиталей, книги и листки собственной печати; занималось обустройством захоронений павших воинов, создало особый комитет по сбору материалов, призванных запечатлеть происходившие в Холмской и Люблинской губерниях военные действия³¹.

Среди тех, кто в последние полгода существования братского музея в Холме делал пожертвования, были в основном лица духовного звания. Священник Евгений Мацелинский, настоятель Лосинецкого православного прихода, сделал вклад, ставший в 1915 г. первым поступлением. 29 января он подарил музею несколько фотографических снимков Рождество-Богородицкой церкви в селе Мазилы Томашевского уезда Холмской губернии, приписной к Лосинецкому православному приходу³². Церковь построена в 1537 г., а снимок

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 7.

³¹ Всеподданейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916. С. 78–79.

³² Отчет. 1914. С. 10–11.

сделан 20 июля 1914 г. (№ 2744), равно как снимок ее внутреннего вида (№ 2745) и внешнего вида той же церкви с колокольной при ней (№ 2746). Ныне Мазилы — это небольшая железнодорожная станция и хутор, а Лосинец — небольшая деревня к юго-западу от города Томашева-Любельского Люблинского воеводства Польши, в недавнее время там возведена православная часовня³³. Вероятно, упоминание о фотографиях 1914 г. — немногое из свидетельств существования древней православной церкви в окрестностях Холма.

Адриан Иванович Удилович, столоначальник Холмской духовной консистории, 14 мая 1915 г. презентовал музею фотографические изображения Свято-Николаевской церкви Холмского духовного училища (бывшей церкви Холмской униатской семинарии): внутренний вид (№ 2759) и внутренний вид церкви с постройками (№ 2760). Собрание фотографий с различными видами церковных православных зданий представляло для Холмского братства и всей епархии важную сторону деятельности. Как передний край православия на границе с католическим польским миром, славянским по крови, но враждебным достаточно давно, на протяжении столетий, по религиозному признаку, православная Холмщина была обязана запечатлеть облик своих церквей и святынь. В 1891 г. священник Федор Гербачевский выпустил художественно-фотографический альбом с 50 большими снимками собственного производства, позволяющими судить об архитектуре и внутреннем убранстве, а также о выдающихся святынях Холмской Руси: кафедральном соборе Холма и его чудотворной Холмской иконе Божией Матери, холмской Спасо-Преображенской церкви, Успенской церкви в селе Шеврешине, остатках Белавинской и Столпенской башен в окрестностях Холма, о Преображенской и Никольской церквях в Люблине, о Никольской церкви Замостья и утраченной Вознесенской церкви того же города, о Яблочинском монастыре и утраченных монастырях, о соборе в Седлеце, церквях Седлецкой и Коднинской губерний³⁴. Руководствуясь его примером, сотрудники братского музея стремились собирать сведения о других православных зданиях и общинах своего края.

³³ Указано Л. Л. Щавинской, за что автор чрезвычайно ей признателен.

³⁴ Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губ.) / соч. и изд. любителя рус. старины свящ. Феодора Гербачевского. Варшава, 1892.

Среди дарителей были и люди следующего поколения, ученики епархиальных и казенных учебных заведений. Иван Мандзюк, воспитанник Холмской духовной семинарии, уроженец села Зимно Томашевского уезда, 15 октября 1914 г. передал³⁵ несколько номеров — предметы богослужения и иконы: оловянный кувшинчик для теплоты или для крещения (№ 2647), медный складень с изображениями на створках: 1) св. Троицы Ветхозаветной; 2) Богоявления; 3) Входа Господня во Иерусалим; 4) Сретения; 5) Воскресения; 6) Вознесения. При его описании было отмечено, что заметны остатки эмали — видимо, складень был старообрядческой работы (№ 2648); медная иконка (1×1 верш.) с образом Божией Матери с Младенцем, обычными титлами МР Ф(фита)У, ИС ХС и надписью вокруг по ободку «Все оупование мое к Тебе возлагая Мати Божия сохрани мя во своем си крове» (№ 2649). От него же поступила пироксилиновая трубка (взрывчатка того времени), найденная в селе Зимно. Можно вспомнить, что в самый начальный период собирания братского музея епископ Модест привлек для этого учеников духовного училища Холма³⁶. Очевидно, что в какой-то степени участие в судьбе братского музея стало традицией местных духовных учебных заведений.

Еще один представитель молодого поколения, поучаствовавший в пополнении братского музея в 1914–1915 гг. — это Николай Ваврисевич³⁷, в тот период студент Киевского императорского университета. Он происходил из поселка Городло Грубешевского уезда Холмской губернии (ныне местечко Хородно Люблинского воеводства Польши). От него поступили нумизматические артефакты: русские и польские монеты XVIII–XIX вв., австрийские, мелкие венгерские (№ 2687–2796), Birmengam (№ 2729), медаль в память образования Швейцарского союза (№ 2735). Почти все номера собраны на территории Холмской Руси лично жертвователем, часть получена по наследству от отца и бабушки, часть (главным образом польские монеты) — из раскопок в Волосском саду в Городле, на месте бывшего там

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4.

³⁶ Кораллов Ф.В. Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 20–21.

³⁷ По воспоминания самого Н.М. Ваврисевича, правильное написание их фамилии — Лаврисевичи — было испорчено картавостью деда. Фрагменты воспоминаний на украинском языке опубликованы на сайте историко-культурного заповедника «Стародавний Володимир».

по преданию дворца Ягеллы (Ягайло Ольгердовича), короля Польско-Литовского. И здесь мы получаем косвенное свидетельство, касающееся одного из пунктов топографии древнего княжеского владения в Галицко-Волынской Руси с XII–XIII вв. — села Городел³⁸: о том, что там существовал Волосский (Валашский) сад, и что юбилей Городельской унии (1413) между Литвой и Польшей, точнее князем Ягайло Владиславом и его дядей, князем Витовтом, мог сподвигнуть местных жителей на собственноручные раскопки. Но главное, перед нами небольшой эпизод из жизни будущего украинского педагога, краеведа, этнографа, писателя, журналиста и общественного деятеля Николая Михайловича Ваврисевича. Судя по фрагментам опубликованных воспоминаний, его отец был преподавателем русского языка и разговаривал дома по-русски. В 1910 г. Николай Ваврисевич окончил Холмскую гимназию и поступил на филологический факультет Киевского университета св. князя Владимира, откуда в 1912 г. был исключен за активное участие в антиправительственных акциях. После знакомства с профессором В. Н. Перетцем, у которого ему довелось работать, и при его поддержке Ваврисевич поступил в Петроградский университет и на вечернюю форму обучения в столичный Археологический институт. Окончил оба учебных заведения в 1917 г.³⁹ Владел французским, латинским, немецким языками. Непростые жизненные обстоятельства заставили Ваврисевича вернуться на Холмщину, откуда он переехал во Владимир-Волынский, где и умер 30 октября 1978 г.⁴⁰ Поскольку воспоминания Ваврисевич писал уже в советский период, в них не нашли отражения знакомства в епархиальных и церковных кругах и связи с братским музеем в Холме, а лишь увлечение революционными идеями⁴¹.

³⁸ Интересную дискуссию вокруг социального статуса жителей этого села, изначально княжеского см.: *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Ч. 1. С. 269.

³⁹ Личное дело студента Н. М. Ваврисевича см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65703 (до 1914 г.).

⁴⁰ *Горний М. М.* Українці Холмщини і Підляшшя: Видатні особи XX ст. Львов, 1997; *Горний М. М.* Ваврисевич Микола Михайлович // *Енциклопедія Сучасної України* / Редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк [та ін.]; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2005. URL: <https://esu.com.ua/article-32811> (дата обращения 06.03.2023).

⁴¹ Фрагменты воспоминаний на украинском языке опубликованы на сайте историко-культурного заповедника «Стародавній Володимир» (Державний

Были среди дарителей родственники местных священников, например И. П. Головацкая — вдова священника из Трубчевска, из села Хижевицы; от нее поступили писанки (расписные пасхальные яйца-сувениры в форме яйца). Писанки поступали в музей от разных лиц с 3 февраля по 5 апреля 1915 г., в числе около двух десятков. Наконец, были и безымянные дарители, как например, 24 октября 1914 г. от одного рекрута, осматривавшего музей, поступили один крейцер 1812 г. (№ 2655) и одна копейка 1813 г. (№ 2656), упоминавшиеся выше.

Судя по инвентарной книге, последние полгода из своих тридцати шести лет музей Холмского братства продолжал пополняться, принимая от дарителей в основном предметы нумизматики, церковного обихода, в том числе пасхальную атрибутику (писанки). Приближавшиеся военные действия и активная позиция православного Холмского братства в его помощи действующей армии и беженцам в 1914–1915 гг. вызвали к жизни учреждение нового отдела, посвященного современным событиям. Среди дарителей были прежде всего самые близкие к братству и музею люди — священники Холма и его окрестностей, сел Томашевского уезда, ученики местной семинарии или интересующиеся наукой соотечественники.

К осени 1915 г. в результате отступления русской армии Холмская губерния была полностью занята неприятелем, братство вместе с огромным количеством беженцев переместилось в Москву, где в собственной типографии издавало брошюры, посвященные Забужной Руси, различным аспектам славянской истории⁴². Однако уже летом 1917 г., со сменой правящего строя во всей стране, Холмское братство в Москве привлекло внимание новых властей. Для ревизии его деятельности Московским комитетом общественных организаций (орган Московского правительства в период Февральской революции) был назначен комиссар Б. С. Боднарский, успевший

історико-культурний заповідник Стародавній Володимир у місті Володимирі-Волинському); в настоящее время недоступен. По воспоминаниям сына, Н. Н. Ваврисевича, «Батько в Холмі був в українській організації “Рідна хата”».

⁴² Романовский В. Е. Холмская Русь: Краткий исторический очерк. М., 1916. С. 10; Щавинская Л. Л. Издательская деятельность Холмской православной епархии в Москве: 1915–1917 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф. Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. Иваново, 2016. С. 370–373; Щавинская Л. Л. Проблемы общественной и церковной жизни Холмщины в изданиях Холмского православной епархии в период эвакуации и революционных перемен 1915–1917 гг. // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 331–342.

составить неліцеприятний для братства отчет⁴³. Комиссар вменял братству в вину «затуманивание» и без того «стоящих на самом низком умственном уровне крестьян Холмщины... натравливание их на инакомыслящих (прежде всего евреев и поляков)»⁴⁴. В отчете много заковыченных политических ярлыков, обвинений митрополита Евлогия (Георгиевского), а также характеристика братства как «рассадника православия», что для комиссара и его начальства должно было звучать как юридический приговор. Комиссар дал себе труд проанализировать братские издания начиная с 1907 г., особенно те, что касались вопроса роспуска Государственной думы первого и второго созывов, и постановил, что деятельность братства является реакционной, наибольшего внимания заслуживает капитал братства, нуждающийся в дополнительной ревизии, из ведения братства должны быть изъяты статьи расходов по поддержанию беженцев-соотечественников, и более всего — братская типография, находившаяся на Семеновской площади, тогдашней окраине Москвы. Появление инвентарной книги музея в Историческом музее установлено при научном анализе фонда 193 в ОПИ ГИМ А. Г. Юшко⁴⁵, который пишет, что имущество Холмского братства в Москве попало в ГИМ через Синодальную библиотеку. Подробности этого процесса, видимо, навсегда останутся неизвестными, или, составив совершенно другое исследование, дождутся своего часа. Стоит заметить, что не только документы и имущество Холмского братства, но и главная святыня Холмской Руси, чудотворная древняя Холмская икона Божией Матери, была эвакуирована в глубь страны, где находилась в разных городах до 1918 г.⁴⁶

⁴³ Холмское православное братство: Отчет комиссара по ревизии Холмского Братства Б. С. Боднарского // Известия Московского комитета общественных организаций. 1917. № 13–14 (оттиск). Л. 1–4.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Юшко А. Г. Краткая историческая справка ф. 193. 2003 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 193.

⁴⁶ Лабунцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Живая древность: Литературная традиция культа иконы Богоматери Холмской до наших дней // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 14–25; Лабунцев Ю., Щавинская Л. Современная народная литературная традиция почитания иконы Богоматери Холмской (По материалам экспедиционных исследований 1990–2002 гг. в Польше, Беларуси и Украине) // Верховина, Дрогобич: Коло, 2003. С. 155–162; Лабунцев Ю. А. Судьбы Холмского православия в период революционных потрясений 1910–1920-х гг.: Радчицкий Свято-Антоніевский женский монастирь // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 318–330.

Возможно, в отрыве от своих собратьев, инвентарных книг предыдущих годов, данный кодекс несет минимум информации. Однако, в нем, как и в случае со многими другими артефактами, памятниками письменности, явлениями истории или людскими судьбами, словно в капле воды отражается большая история, т.е. на страницах одного этого фолианта можно найти сведения относительно некоторых аспектов истории музейного строительства в синодальной Русской церкви — очень узкого вопроса, в то же время касающегося таких проблем, как судьбы славянства в Первой мировой войне, процесс усиления национального самосознания в его региональных вариантах, вплоть до создания новых национальных государств на обломках феодальных империй — Австро-Венгерской, Германской и Российской. До самого последнего момента музей, судя по инвентарной книге, исполнял главную свою роль — свидетельствовал о судьбе Подляшской Холмской Руси на протяжении всего ее пребывания в Польском государстве, о трудностях разного характера, начиная от имущественного и экономического, заканчивая культурным и религиозным: «По этим памятникам можно убедиться воочию, что исконное население края — русские люди, а поляки у нас пришельцы, и что православная вера есть вера отцов и дедов Холмщины и Подляшья; наконец, воссоединение 1875 г. было собственно возвращением Холмщины и Подляшья в лоно прадедовской их Православной Святой Церкви, а не введением нового исповедания»⁴⁷.

Источники

Всеподданейший отчет обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916. 144 с.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. Париж: YMCA-press, Сор. 1947. 677с.

Кораллов Ф.В. Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве: опыт крат. очерка истории Музея в связи с сведениями об археол. науке вообще и с указанием того, что особенно важного и интересного можно увидеть в Холм. церк.-археол. музее при Братстве. Холм: Холм. Св.-Богородиц. братство, 1911. 36 с.

⁴⁷ Кораллов Ф.В. Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. С. 36.

Латин Н.П. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1895. № 4. С. 135–137.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 193 (Холмская губерния).

Отчет о состоянии и деятельности находящего под высочайшим Е. И. В. покровительством Холмского православного Свято-Богородицкого братства за 1912/13 34-й братский год. Холм: Холм. Св.-Богород. братства, 1914. 94 с.

Путешествие Наследника Цесаревича на восток в 1890–1891 гг. / автор-изд.: кн. Э.Э. Ухтомский. СПб.; Лейпциг: изд. Ф. А. Брокгауз, 1897. 500 с.

Романовский В.Е. Холмская Русь: Краткий исторический очерк. М.: тип. Холмск. свято-богородицкого братства, 1916. 10 с.

Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 907: Коллекция рукописных книг и архивных материалов Пашинина М. Б.: Поступления 2004–2008 гг. № 1–55: XVI–XIX вв. / ред. И. В. Левочкин. М., 2009. 79 с.

Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губ.) / соч. и изд. любителя рус. старины свящ. Феодора Гербачевского. Бела, 1892 (Варшава). 147 с.

Стульгинский А.И. Восьми- и девятичасовой труд на Добрушской писчебумажной фабрике князя Паскевича. СПб., 1895. 20 с.

Стульгинский А.И. Развитие Добрушской писчебумажной фабрики князя Паскевича в 1896 г. СПб., 1896. 30 с.

Холмская церковная жизнь. 1912. Декабрь, № 5.

Холмское православное братство: Отчет комиссара по ревизии Холмского Братства Б.С. Боднарского // Известия Московского комитета общественных организаций. 1917. № 13–14 (оттиск). Л. 1–4.

Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб). Ф. 14 (Императорский Петроградский университет).

Литература

«Блаженны кроткие...»: Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки / сост. И. Г. Менькова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 309 с.

Богданова Т.А., Клементьев А.К., Косик В.И. Евлогий // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 161–168.

Горний М.М. Ваврисевич Микола Михайлович // Енциклопедія Сучасної України / Редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк [та ін.]; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2005. URL: <https://esu.com.ua/article-32811> (дата обращения 06.03.2023).

Горний М.М. Українці Холмщини і Підляшшя: Видатні особи ХХ ст. Львів: [б.и.], 1997. 663 с.

Евгеньев Ф.К. Русская библиография бумажного дела (1800–1924): История, техника, экономика и статистика. М.: Техн.-экон. сов. бумажной промышленности, 1925. 110 с.

Лабытцев Ю., Щавинская Л. Современная народная литературная традиция почитания иконы Богоматери Холмской (По материалам экспедиционных исследований 1990–2002 гг. в Польше, Беларуси и Украине) // Верховина. Дрогобич: Коло, 2003. С. 155–162.

Лабытцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Живая древность: Литературная традиция культа иконы Богоматери Холмской до наших дней // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 14–25.

Лукашова С.С. Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской метрополии в конце XVI в. М.: [б.и.], 2006. 319 с.

Пидгайко В.Г. Люблинское викариатство // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 42. С. 50–57.

Трехинин М. Награды Австро-Венгрии // Коллекция: журнал. URL: <https://sammlung.ru/blog/2017/07/30/продолжение-швейк-и-исследования-3/?p=5844> (дата обращения 05.03.2023).

Щавинская Л.Л. Издательская деятельность Холмской православной епархии в Москве: 1915–1917 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XV в. Междунар. науч. конф. Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. Иваново, 2016. С. 370–373.

Щавинская Л.Л. Проблемы общественной и церковной жизни Холмщины в изданиях Холмского православной епархии в период эвакуации и революционных перемен 1915–1917 гг. // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 331–342.

References

“Blazhennyi krotkije...”: *Sviashchennomuchenik Sergii Lebedev, posledni idukhovnik Moskovskogo Novodevich'jogo monastyria. Zhiznennyiput', propovedi, pis'ma-izssylki*, collected by I. G. Men'kova. Moscow, Un-t Dmitriia Pozharskogo, 2013, 309 p. (In Russ.)

Bogdanova T. A., Klement'jev A. K., Kosik V. I. Jevlogii. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, Tserkovno-nauch. tsentr “Pravoslavnaia entsikl.”, 2008, vol. 17, pp. 161–168. (In Russ.)

Gornii M. M. Vavrisevich Mikola Mikhailovich. *Jentsiklopediia Suchasnoi Ukraini* / ed. by I. M. Dziuba, A. I. Zhukovs'kii, M. G. Zhelezniak [et al.]; NAN Ukraini, NTSh. Kiiiv: Institut jentsiklopedichnikh doslidzhen' NAN Ukraini, 2005. URL: <https://esu.com.ua/article-32811> (accessed 06.03.2023). (In Ukr.)

Gornii M. M. *Ukraïntsi Kholmshchini i Pidliashshia: Vidatni osobi XX st.* L'viv, 1997, 663 p. (In Ukr.)

Jevgen'jev F. K. *Russkaia bibliografiia bumazhnogo dela (1800–1924): Istoriia, tekhnika, ekonomika i statistika.* Moscow, Tekhn.-ekon. sov. bumazhnoi promyshlennosti, 1925, 110 p. (In Russ.)

Labyntsev Iu., Shchavinskaia L. Sovremennaia narodnaia literaturnaia traditsiia pochitanii ikony Bogomateri Kholmskoi (Po materialam ekspeditsionnykh issledovaniï 1990–2002 gg. v Pol'she, Belarusi i Ukraine). *Verkhovina.* Drogo-bich, Kolo, 2003, pp. 155–162. (In Russ.)

Labyntsev Iu. A., Shchavinskaia L. L. Zhivaia drevnost': Literaturnaia traditsiia kul'ta ikony Bogomateri Kholmskoi do nashikh dnei. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2002, no. 2 (8), pp. 14–25. (In Russ.)

Lukashova S. S. *Miriane i Tserkov': religioznye bratstva Kijevskoi metropolii v kontse XVI v.* Moscow, [b.i.], 2006, 319 p. (In Russ.)

Pidgaiko V. G. Liublinskoje vikariatstvo. *Pravoslavnaia entsiklopediia.* Moscow, Tserkovno-nauch. tsentr "Pravoslavnaia entsikl.", 2016, vol. 42, pp. 50–57. (In Russ.)

Shchavinskaia L. L. Izdatel'skaia deiatel'nost' Kholmskoi pravoslavnoi jeparkhii v Moskve: 1915–1917 gg. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XIX–XXI vekov: Materialy XV v. Mezhdunar. nauch. konf. Ivanovo, 23–24 marta 2016 g.: in 2 parts.* Ivanovo, 2016, pp. 370–373. (In Russ.)

Shchavinskaia L. L. Problemy obshchestvennoi i tserkovnoi zhizni Kholmshchiny v izdaniiax Kholmskogo pravoslavnoi jeparkhii v period evakuatsii i revoliutsionnykh peremen 1915–1917 gg. *Slavianskii al'manakh*, 2018, no. 3–4, pp. 331–342. (In Russ.)

Trekhinin M. Nagrady Avstro-Vengrii. *Kolleksiia: zhurnal.* URL: <https://sammlung.ru/blog/2017/07/30/prodolzhenije-shveik-i-issledovaniie-/?p=5844> (accessed 05.03.2023). (In Russ.)

Maria A. Makhanko

PhD in Arts

Head of the Research Department

Andrey Rublev Museum of Ancient Russian Culture and Art
Russia, 105120, Moscow, Andronevskaya ploshchad, build. 10

Scientific Editor

“Orthodox Encyclopedia” Ecclesiastical Research Center
Russia, 107120, Moscow, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya ulitsa,
build. 10A, str. 1

E-mail: mariyamakhanko@yandex.ru

Church Kholm Orthodox Theotokos Brotherhood museum's the last year at home: Based on the materials of the inventory book (October 1914 — May 1915)

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.03

Abstract: The article is based on the analysis of data from the inventory book of the church-archaeological museum at the Orthodox Kholm Holy Mother of God Brotherhood. Orthodox brotherhoods were formed in the cities of Southwestern and Western Rus' in the 16th–17th centuries. The brotherhoods were engaged in cultural and educational work among the Orthodox population. The Holy Mother of God Brotherhood was founded in 1879 after the reunification of the Uniates with the Orthodox faith. In 1882, a museum was opened at the brotherhood. The Brotherhood and its museum were evacuated to Moscow in 1915. In 1917, the Brotherhood ceased to exist. The museum's inventory book, preserved intact, covers the museum's receipts from October 1914 to May 1915. The names of the contributors, the typology and origin of the receipts, and the degree of their popularity in modern science are analyzed. The inventory book is an interesting source of the last months of the existence of the Kholm province, the youngest region (since 1912) within the Russian Empire, the topography of Orthodox churches, activists of the Orthodox cultural movement and museum construction.

Keywords: Kholm region, Kholm province, Kholm city, Kholm Brotherhood, church and Archaeological Museum, World War I, Orthodoxy in Podlaskie Rus

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32-А
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

**Беженцы-галичане в России
в годы Первой мировой войны
(по материалам Галицко-русского
благотворительного общества)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.04

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Галицко-русского благотворительного общества по оказанию помощи населению Галиции, пострадавшему в ходе военных действий в годы Первой мировой войны. Одним из основных направлений его работы стало создание приютов для детей, оставшихся без попечения родителей. Несколько приютов были открыты на территории Галиции, один — в Петрограде. Галицко-русское общество активно участвовало в организации курсов для учителей-галичан в столице Российской империи. Их задачей была подготовка профессиональных учительских кадров, хорошо владевших русским литературным языком и знакомых с основными принципами преподавания в России. После отступления русских войск из Галиции большинство слушателей этих курсов либо продолжили образование в российских высших учебных заведениях, либо поступили на службу в учреждениях или школы. Галицко-русское благотворительное общество также нередко оказывало помощь беженцам-галичанам, попавшим в сложные житейские обстоятельства.

Ключевые слова: Галицко-русское благотворительное общество, Галиция, беженцы, приют для детей, курсы для учителей

В годы Первой мировой войны воюющие державы столкнулись с целым комплексом проблем, которые сегодня принято именовать гуманитарными. В частности, к таким проблемам относились положение населения в районах недавних боев и беженство. Основным координатором мер, предпринимаемых для решения этих проблем в Российской империи, стал Комитет для оказания временной

помощи пострадавшим от военных бедствий под покровительством ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны (Татианинский комитет), созданный в сентябре 1914 г., а также организованное в августе 1915 г. Особое совещание по устройству беженцев при Совете министров. Значительную роль в решении проблем пострадавшего гражданского населения играли общественные организации, прежде всего Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Помощь оказывали и национальные общества — такие как Польский комитет, Латышский комитет и др., а также и организации, существовавшие еще до войны, в том числе и Галицко-русское благотворительное общество, созданное в 1902 г. крупным ученым-славистом А. С. Будиловичем.

Согласно уставу, Общество ставило своей целью «содействовать культурному единению русских галичан, буковинцев и угроруссов с русским народом в России»¹. В первые годы своего существования основными направлениями деятельности общества стали просвещение и благотворительность². Постепенно его деятельность становилась более политизированной. Ряд исследователей связывает это с ростом напряженности в австро-российских отношениях и усилением в Галиции украинского движения³. Однако, на наш взгляд, политизация деятельности Общества связана во многом со сменой его руководства. Вместо скончавшегося в конце 1908 г. А. С. Будиловича председателем Общества был избран депутат Государственной думы граф В. А. Бобринский. Будучи человеком энергичным, всегда занимавшим активную общественную позицию, Бобринский с энтузиазмом начал заниматься «помощью русскому делу» в Австро-Венгрии. Приняв участие в работе Славянского съезда в Праге в 1908 г., Бобринский вместе с другими членами российской делегации совершил поездку по Богемии и Галиции. В ходе этой поездки у В. А. Бобринского сформировалось четкое понимание реального положения

¹ Устав Галицко-русского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб., 1913. С. 4.

² Ахременко Д. А. Влияние Российской империи на русофильское движение в Галиции и Закарпатье в XIX — начале XX в. // Новые исторические перспективы. 2018. № 1 (10). С. 9.

³ Ахременко Д. А., Новикова И. Н. Галицко-русское благотворительное общество в начале XX в.: эволюция и взаимодействие с органами власти // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 256.

русинов в Галиции⁴ и убеждение в том, что поддержка русофильского движения здесь является делом государственной важности для России. Он приложил немало усилий для увеличения финансовой помощи галицийским русофилам, неоднократно выступал с трибуны Государственной думы с призывами поддержать «русское» движение в Австро-Венгрии, активно публиковался в отечественной и зарубежной прессе. Несмотря на то, что многие официальные лица в Санкт-Петербурге с осторожностью относились к деятельности и самого Бобринского, и Галицко-русского благотворительного общества в целом⁵, взаимодействие государства и Общества после 1908 г. заметно усилилось, и Общество стало играть определенную роль во внешней политике Российской империи⁶.

Первые месяцы начавшейся мировой войны оказали существенное влияние на все слои российского общества. Стремительное занятие частями Юго-Западного фронта Галиции, Буковины, части Угорской Руси отвечало основным политическим задачам Галицко-русского благотворительного общества. С первых дней войны члены Общества активно включились в поддержку населения занятых русской армией территорий Австро-Венгрии, поскольку «мощью русского оружия разрушена была пограничная преграда и открылся непосредственный путь взаимного общения»⁷.

Руководитель Общества граф В. А. Бобринский вернулся на военную службу в звании корнета в лейб-гвардейский Гусарский полк, где служил в годы молодости. Он выполнял обязанности ординарца генерала Р. Д. Радко-Дмитриева, в августе 1914 г. был контужен, произведен в поручики, служил чиновником для особых поручений при военном генерал-губернаторе Галиции⁸. Знание местных реалий существенно помогало ему в службе. Так, в Галиции граф «сам лично именем Русского Царя освобождал из тюрем заключенных австрийцами

⁴ *Бобринский В. А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб., 1909. С. 57.

⁵ *Клопова М. Э.* Защита на Днестре и Сане. «Русское дело» и его судьба накануне Первой мировой войны // *Родина*. 2010. № 3. С. 88–93.

⁶ *Ахременко Д. А., Новикова И. Н.* Галицко-русское благотворительное общество в начале XX в. С. 257.

⁷ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 10.

⁸ *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 67.

приверженцев России»⁹. Бобринский был назначен руководителем Главного краевого благотворительного комитета и находился в этой должности вплоть до оставления русскими войсками Галиции в 1915 г. Вместе с графом в Галицию приехала и его супруга Марфа Матвеевна, активистка Галицко-русского благотворительного общества.

В Галицию приехал и товарищ председателя Общества поэт и публицист Д. Н. Вергун. Уроженец галицийского Городка, он хотел узнать о судьбе родных. Оказалось, что некоторые из них были интернированы австрийцами, а его «усадьбу сравнивали с замлей якобы за то, объяснили швабы, что Д. Н. Вергун “прилетал на родину на аэроплане и закопал в доме отца деньги, назначенные на агитацию”»¹⁰. Тем не менее Вергун общался с оставшимися в Галиции русофилами и по мере возможности стремился наладить их сотрудничество с новой русской администрацией. Сопровождавшая его в поездке супруга Вера Николаевна, поддерживавшая деятельность мужа, приняла активное участие в организации помощи пострадавшим от войны. Вернувшись из Галиции, она выступила на собрании Общества с подробным докладом о положении населения провинции, в котором «изобразила картину разорения Галичины и тяжелого положения десятков тысяч населения, оставшегося без крова и без средств к жизни»¹¹. Она подчеркнула, что «особенно останавливают на себе внимание малолетние сироты, родители которых австрийцами или казнены или уведены за Карпаты, вглубь Венгрии»¹².

Посещали Галицию и другие члены Общества. Его секретарь, депутат Государственной думы о. М. В. Митроцкий был послан в завоеванную провинцию Святейшим синодом и занимался церковными делами в тесном сотрудничестве с архиепископом Евлогием (Георгиевским). Получил назначение во Львов и член правления Общества М. Я. Балясный, занявший должность судьи военно-окружного суда. Таким образом, члены Галицко-русского благотворительного общества могли составить собственное мнение о том положении, в котором находилось население Галиции, и выработать свою стратегию оказания помощи бедствующим.

⁹ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Там же.

По инициативе В. А. Бобринского Галицко-русское благотворительное общество приступило к созданию сети приютов для детей-сирот. Часть из них располагалась на территории Галиции, часть — в России. Первая группа детей приехала в Петроград 31 октября / 13 ноября 1914 г. Сопровождавшая их В. Н. Вергун на заседании Общества рассказала о том, что в Ровно дети встретились с императором, который «благословил детей напутственным словом», а также распорядился обеспечить им бесплатный проезд до Петрограда и денежное пособие, выразив «желание быть всегда осведомленным о нуждах призреваемых детей»¹³. Эта группа состояла из 36 детей и трех женщин, главным образом членов семей галицийских священников, репрессированных в начале войны австрийскими властями. Правление Общества учредило Особое попечительство об убежище для галицких сирот, в состав которого вошли и В. Н. Вергун, и М. М. Бобринская, сам Д. Н. Вергун и один из активных деятелей русофильского движения, перебравшийся в 1913 г. в Россию, Р. Ю. Геровский. Последний, будучи врачом, вызвался оказывать своим подопечным медицинскую помощь. Интересно, что среди прибывших детей были его родственники — внуки выдающегося деятеля карпаторусского возрождения А. И. Добрянского и их мать. Перед попечительством встала задача обеспечить проживание и питание детей, а также их временное обучение «на основаниях православной церкви и в национально-русском духе»¹⁴. Проблему размещения удалось решить благодаря содействию обер-прокурор Синода В. К. Саблера и «весьма радужному и участливому отношению к галицким сиротам игуменьи Иоанновского монастыря на Карповке Ангелины»¹⁵. Приюту было предоставлено отдельное здание на территории монастыря. 16 / 29 ноября 1914 г. приют был торжественно открыт в присутствии В. К. Саблера, который в своей речи напомнил о том, что для основателя монастыря Иоанна Кронштадтского Галиция всегда являлась предметом особой заботы, и что открытие приюта следует расценивать как продолжение его дела. Также обер-прокурор зачитал приветственную телеграмму от Николая II, в которой тот благодарил собравшихся и пожелал «милым деткам расти и укрепляться в духе христианской

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

кротости и любви к своей новой Великой Родине»¹⁶. В конце ноября 1914 г. М. М. Бобринская привезла в Петроград вторую группу сирот-галичан, «всего около 30 человек крестьянского звания». Разместить всех прибывших в здании приюта не было возможности, и член Общества профессор В. Н. Сиротинин предоставил помещение в своем доме, куда были помещены дети Добрянских и две дочери русофильского деятеля Н. П. Глибовицкого, который в первые дни войны был интернирован австрийскими властями.

По желанию самих детей и их матерей 10 / 23 декабря 1914 г., а затем 2 / 15 января 1915 г. две группы детей приняли православие. Также попечительство приступило к решению вопроса о продолжении образования. Старших детей сразу же отдали в учебные заведения Петрограда. Несколько человек были определены на бесплатные места в реальное училище. Двое юношей по протекции В. К. Саблера поступили в духовное училище, а несколько девушек, в том числе сестры Глибовицкие, уехали в церковно-учительскую женскую школу в имении В. К. Саблера в Тульской губернии. Восемь мальчиков стали учащимися мужской гимназии по протекции совета Русского собрания, а две девочки были приняты на полное содержание в женскую гимназию в Петрограде. Как с гордостью отмечалось в отчете Общества, учащиеся проявили себя с лучшей стороны, многие закончили учебные заведения с золотыми медалями¹⁷. Младшие дети учились непосредственно в здании приюта. Основными предметами были Закон Божий, русский язык, арифметика. Когда воспитатели приюта выяснили, что испытания, выпавшие на долю детей, негативно отразились на их эмоциональном состоянии и способности к обучению, был приглашен педагог-воспитатель К. П. Кравцов, который вел с детьми дополнительные занятия по истории и географии в свободной форме, а затем стал проводить и экскурсии по Петрограду¹⁸. Двое женщин с детьми вернулись обратно в Галицию. Таким образом, как сообщало Общество в Татианинский комитет в марте 1915 г., в его непосредственном ведении «состоит приют (убежище) для галицких сирот. В приюте содержится в настоящее время 50 человек детей при Иоанновском

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 60.

монастыре на Карповке»¹⁹. Основным источником финансирования были средства, направляемые Святейшим синодом, Татианинским комитетом, а также пожертвования частных лиц²⁰.

Приют существовал при Иоанновском монастыре до августа 1916 г., когда по инициативе Совета министров началась разгрузка Петрограда от беженцев²¹. Официально, однако, причиной ликвидации приюта называлась необходимость использования помещения самим монастырем²². В итоге часть воспитанников переехала в Ростов-на-Дону, где к этому моменту находилась основная масса беженцев-галичан. Там открыты были мужская, а затем и женская гимназии для учащихся-галичан²³. Остальные 18 детей вынуждены были переехать в Тулу, «во вновь открытый Западно-русским обществом приют для детей»²⁴. В тульском приюте к приезду детей готовы не были, так как об их прибытии не сообщили. Из письма Западно-русского общества следует, что о приезде детей «не было получено ни одной бумаги. Между тем, дети заявили, что они выбыли из Петрограда на-совсем»²⁵. В Туле приют продолжал существовать на средства, выделяемые Татианинским комитетом и частные пожертвования.

Приюты для детей, оставшихся без попечения родителей, устраивались и в самой Галиции. Общество с горечью констатировало, что жители края, пострадавшие не только от военных действий, но и от австрийских репрессий первых недель войны, получали гораздо меньше средств, чем население Польши, поскольку формально оставались подданными Австро-Венгрии. Организованный в Львове В.А. Бобринским Краевой благотворительный комитет «располагал крайне ограниченными средствами сравнительно с размерами

¹⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

²⁰ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1916 г. Пг., 1916. С. 13.

²¹ *Надсадный Д.В.* Помощь беженцам в Петрограде во время Первой мировой войны: деятельность городского самоуправления и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (1914–1917 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 162. С. 30–38.

²² Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1916 г. Пг., 1916. С. 13.

²³ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 32. Л. 66.

²⁴ Там же. Л. 115.

²⁵ Там же. Л. 169.

нужды»²⁶. Правление Галицко-русского общества обратилось в Татианинский комитет с просьбой о финансировании «приютов и убежищ для галицких детей». Комитет постановил отпустить на эти цели в 1915 г. 100 тыс. руб. Ответственными за контакты с комитетом стали Д. Н. Вергун и член правления Общества И. В. Никаноров.

Командированный Обществом во Львов И. В. Никаноров организовал там комитет, председателем которого стал митрополит Евлогий (Георгиевский). В комитет вошли В. А. Бобринский, другие члены Галицко-русского общества, а также местные русофилы. Именно через этот комитет должны были идти финансовые потоки, выделяемые на создание сети приютов в Галиции. Основной своей задачей львовский комитет считал создание приютов для детей в возрасте от 7 до 12 лет, временных убежищ (яслей) для детей младшего возраста, а также сети так называемых питательных пунктов. Необходимость в создании последних объяснялась тем, что местные жители, особенно в районах провинции, где шли ожесточенные бои, остались без крова и средств к существованию. Отделения комитета были также созданы в Самборе и Городке, где в их работе принимали участие представители российской администрации. Во Львове в приютах находилось около 250 детей, в Самборе и Городке могли принять по 50 человек²⁷. Кроме того, в Самборе было открыто убежище для женщин и девушек. Как поясняли члены комитета, в этом была крайняя необходимость, поскольку в самом городе свободных помещений не было. В конце апреля 1915 г. приюты были эвакуированы в Киев, где разместились при монастырях. Часть детей затем были перевезены в Бердянск. В самом Киеве оставался приют на 40 детей. Многих при активном участии киевского отделения Общества распределили по семьям в самом городе и окрестностях²⁸.

В Бердянске в двух приютах разместили около 300 детей. Их попечителем стал архиепископ Волынский Евлогий. Приюты сталкивались со многими трудностями, основной из которых стала проблема финансирования. Главным его источником был Татианинский комитет, который не всегда оперативно реагировал на изменения

²⁶ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. С. 62.

²⁷ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. С. 65.

²⁸ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

в положении приютов или рост тех или иных потребностей. Так, комитет неоднократно обращался к Обществу за разъяснениями о финансировании приюта в Петрограде, в то время как тот уже несколько месяцев находился в Тульской губернии. Комитет требовал отчета о расходовании средств, выделенных им на содержание приютов в Бердянске. В ответном письме архиепископ Евлогий пояснял, что «из представленной отчетности усматривается, что непомерное поднятие цен на все жизненные продукты делает невозможным содержать приют в пределах выработанной осенью 1915 г. сметы»²⁹. Архиепископ считал необходимым увеличить финансирование приютов, поскольку воспитанники, посещавшие бердянские гимназии, должны были обеспечиваться довольно дорогой форменной одеждой. Претензии возникали не только у представителей Татианинского комитета. Так, в феврале 1916 г. киевская полиция провела проверку приюта и выявила множество нарушений. Дети содержались ненадлежащим образом, практически все были больны, воспитатели, как было установлено, проявляли к воспитанникам жестокость³⁰. Все это стало достоянием гласности, упреки раздавались теперь и в адрес архиепископа Евлогия. В итоге он попросил освободить его «от ведения хозяйственно-экономической части и отчетности в приютах как Киевском, так и Бердянском» и передать их в ведение Татианинского комитета³¹. Галицко-русское общество удовлетворило просьбу владыки, выразив Евлогию «искреннюю признательность за труды... по руководству Бердянскими приютами для детей галичан»³², и предложило заведывание приютами С. Ю. Бендасюку, хорошо известному Обществу еще по его русофильской деятельности в Галиции. На согласование кандидатуры Бендасюка ушло несколько месяцев, и, наконец, в марте 1917 г. положительное решение было принято³³. Несмотря на трудности, например, отсутствие средств для оказания врачебной помощи³⁴, приюты не закрывались. Как сообщало Общество в Татианинский комитет 26 июня / 8 июля 1917 г. «бердянский

²⁹ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 36. Л. 66.

³⁰ *Короленко В. Г.* Опыт ознакомления с Россией // Неизданный В. Г. Короленко: публикация: в 3 т. Т. 1. М.: Пашков дом, 2011. С. 286–305.

³¹ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 36. Л. 66.

³² Там же. Л. 68.

³³ Там же. Д. 39. Л. 8.

³⁴ Там же. Д. 36. Л. 71.

приют продолжает свое существование, киевский приют переведен в Екатеринослав и также продолжает свое существование, а потому ликвидация инвентаря сих приютов не может быть допущена»³⁵.

Еще одной группой «русских галичан», ставших объектом особого попечения членов Галицко-русского благотворительного общества, являлись слушатели курсов для учителей и учительниц, открытых 18 / 31 января 1915 г. в Петрограде. Создание таких курсов было вызвано необходимостью подготовить преподавателей для новых русских школ Галиции. Задача быстрой интеграции приобретенных земель была поставлена сразу после занятия русскими войсками Галиции и других провинций Австро-Венгрии. Переход системы образования на российские стандарты был одной из предписанных мер. Для этого необходимо было в максимально короткий срок подготовить учителей из людей, хорошо владевших русским литературным языком и знакомых с основными принципами преподавания в Российской империи. Ввиду этого Школьный комитет Галицко-русского благотворительного общества выступил с инициативой создания в Петрограде курсов для молодых учителей-галичан. По мнению инициаторов, нахождение слушателей курсов в русской культурной и языковой среде будет способствовать их более эффективному обучению. Идею поддержала руководительница Высших женских естественно-научных курсов в Петрограде М. А. Лохвицкая-Скалон, входившая в Школьный комитет Общества. Она предложила обучать слушателей вышеупомянутых курсов на базе своего учебного заведения, силами его преподавательского состава.

Министерство просвещения поддержало инициативу Общества и М. А. Лохвицкой-Скалон и обратилось в Совет министров с ходатайством о выделении финансирования курсов в размере 35 тыс. руб., которое было одобрено³⁶. Также идею открытия курсов поддержала Петроградская городская дума, выделив на содержание курсов 7500 рублей. На эти деньги было организовано питание 153 слушателей, приобретены учебные пособия. Жили слушатели в трех квартирах, предоставленных супругой члена Общества профессора Сиротини-на, а также в зданиях Исидоровской богадельни.

³⁵ Там же. Д. 39. Л. 67.

³⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1298.

Торжественное открытие курсов состоялось, как уже упоминалось, 18 / 31 января 1915 г. После молебна, отслуженного митрополитом Петроградским Владимиром, к слушателям курсов с приветственными речами обратились М.А. Лохвицкая-Скалон и председатель Школьного комитета Общества И.В. Никаноров. Министр просвещения П.Н. Игнатьев высказал уверенность в том, что «при дружной поддержке русского общества прибывшие учителя и учительницы могут смело черпать из громадной сокровищницы русской культуры, собранной на протяжении тысячелетий усилиями Великой, Малой, Белой и Червонной Руси»³⁷. С приветственной речью выступил также обер-прокурор Святейшего синода В.К. Саблер, напомнивший присутствующим о деятельности и чаяниях лидера русофильского движения в Галиции И.Г. Наумовича. В ответном слове слушатели курсов выразили свою глубокую радость от воссоединения «подъяремной Руси» с Россией и надежду «впитать иссохшими губами целебную росу русского просвещения» и обещали, вернувшись в Галицию, поработать «на славу единого мощного русского просвещения»³⁸.

На торжественном мероприятии присутствовали также военный министр В.А. Сухомлинов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков, ректор Петроградской духовной академии епископ Анастасий, Петроградский градоначальник генерал-майор князь А.Н. Оболенский, другие высокопоставленные чиновники, политики и общественные деятели. В ответ на приветственную телеграмму участников императору Николай II сердечно поблагодарил слушателей курсов и выразил уверенность в том, что их труды и занятия послужат «воспитанию молодого поколения галичан в истинно-русском духе»³⁹. Император и в дальнейшем проявлял интерес к галичанам в Петрограде. В Вербное Воскресение 1915 г. галичане, принявшие православие, были приглашены в Царское Село, где в присутствии царя и членов его семьи исполнили старинные галицкие духовные песнопения в Феодоровском соборе.

Помимо преподавателей Высших женских естественно-научных курсов, лекции слушателям читали выдающиеся российские

³⁷ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. С. 41.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 45.

историки С. Ф. Платонов, возглавлявший Женский педагогический институт, и специалист по истории Великого княжества Литовского И. И. Лаппо. Министр просвещения Игнатъев предполагал, что экзамены (испытания) слушателей курсов необходимо провести не позднее 25–27 мая 1915 г., причем «удовлетворительно сдавшие экзамены смогут получить свидетельство об окончании курсов, которое даст им право преподавать в русских школах в Галиции»⁴⁰. Желаящие продолжить образование в российских учебных заведениях могли подать прошение на имя министра.

Отступление русской армии, начавшееся в мае 1915 г., сделало невозможным возвращение слушателей курсов домой. Правление Общества ходатайствовало перед Департаментом полиции Петрограда о выдаче слушателям временных паспортов с тем, чтобы они могли продолжить свое образование в России. В августе 1916 г. правление Общества обратилось в Татианинский комитет с просьбой «об отпуске 4000 руб. на содержание бывших курсистов и курсисток»⁴¹. Согласно ходатайству, «в настоящее время на попечении Общества находится 80 галичан бывших курсистов и курсисток, из которых 40 человек в настоящее время обучаются на высших и 14 человек в средних учебных заведениях»⁴². Со временем слушатели курсов самостоятельно или с помощью Общества устроились на работу в различные учреждения, некоторые продолжили педагогическую деятельность в сельских школах, несколько девушек стали сестрами милосердия. Некоторые галичане были приняты в военные училища или непосредственно на военную службу.

Нередко участники Галицко-русского благотворительного общества оказывали адресную помощь отдельным беженцам из Галиции, в частности покинувшим вместе с отступавшей русской армией членам русофильских организаций. Для российских официальных властей они оставались австрийскими подданными и зачастую вызывали недоверие. Деятели Общества не раз приходилось выступать в защиту таких людей. Так, Д. Н. Вергун на запрос пристава Петроградской части, на основании чего было «выдано венгерскому подданному Лудвигу Балоге свидетельство о принадлежности его к славянской

⁴⁰ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

⁴¹ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

⁴² Там же.

национальности»⁴³, ответил, что лично знал членов семьи Балог как русофилов. Показательна судьба исполняющего обязанности помощника начальника Самборского уезда Павликова. Еще в январе 1915 г. он подал прошение о принятии его и членов его семьи в российское подданство, которое было отклонено генерал-губернатором «как преждевременное». Позднее, после оставления Галиции русской армией, Павликов был уволен с должности «ввиду расформирования личного состава гражданских управлений Галиции»⁴⁴. Павликов обратился за поддержкой к хорошо знавшим его Д. Н. Вергуну и В. Ф. Дудькевичу, которые подтвердили, что Павликов «принадлежал к русско-народной организации в Галичине, состоя “мужем доверия” “на ее съездах”», и что он был интернирован австрийскими властями «несмотря на звание члена окружного суда... без предъявления обвинений... а позже... заключен в тюрьму в качестве единственного заложника, и только внезапным приходом 2-й сводной казачьей дивизии 4 сентября 1914 г. был спасен от намеченного уже было увоза в тюрьму в Талергоф»⁴⁵. Поскольку сын Павликова был зачислен в столичную гимназию, ему было разрешено сопровождать сына⁴⁶. С подозрением отнеслись чиновники и к галичанину А. Д. Яцу, который был направлен Обществом во вновь организуемый в ноябре 1915 г. санитарно-питательный отряд в Тарнопольской губернии. Обосновывая свое решение тем, что Татианинский комитет не сообщил о нем никаких сведений в штаб Петроградского военного округа, начальник штаба распорядился выдворить Яца из Петрограда в семидневный срок⁴⁷. Правление Общества несколько раз обращалось в штаб округа с просьбой оставить Яца в Петрограде для организации работы отряда, однако ему было отказано⁴⁸.

Нередко с просьбой оказать содействие в устройстве галичан обращались не сами беженцы, а лица, которым в результате стечения обстоятельств пришлось принять участие в их судьбе. Так, например, за помощью в Общество обратился князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, на попечении которого оказалось двое

⁴³ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 26. Л. 78.

⁴⁴ Там же. Л. 97.

⁴⁵ Там же. Л. 95.

⁴⁶ Там же. Л. 104.

⁴⁷ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 26. Л. 183.

⁴⁸ Там же. Л. 191.

подростков-галичан. Они в феврале 1915 г. были привезены в Юсуповский лазарет Петрограда, а после завершения лечения оказались в неопределенной ситуации. Князь просил Общество взять на себя хлопоты по устройству детей⁴⁹. В ответном письме Д. Н. Вергун сообщал, что на лето заберет их для обучения грамоте, в дальнейшем предполагая определить их в ремесленное училище⁵⁰.

В декабре 1916 г. в Общество обратился управляющий двором великой княгини Ольги Александровны гвардии полковник С. Н. Ильин. По его словам, «в конце 1914 г. в госпиталь великой княгини Ольги в г. Ровно был доставлен мальчик-русин из Галиции Леонтий Степанов Дидух 15 лет, раненный в правую ногу, которую пришлось ампутировать ниже колена. Названный мальчик оказался сиротой... После излечения ее Императорское высочество прислала его из Ровно в Петроград для производства ему протеза, для чего он был мной определен в состоящее под покровительство Общества вспомоществования калекам. После подгонки протеза Дидух был оставлен в Обществе для обучения его мастерству»⁵¹. Однако молодой человек стал вести себя вызывающе, нарушать дисциплину, на него «начали поступать из Общества жалобы на леность и грубость»⁵², подросток был замечен за курением и азартными играми. Полковник сам неоднократно посещал Дидуха, убеждая его изменить поведение, однако «это ни к чему не привело... меня категорически просят взять Дидуха из Общества»⁵³. Великая княгиня Ольга Александровна поручила министру двора обратиться к Обществу «с просьбой принять участие в дальнейшей судьбе Дидуха, иначе он совершенно пропадет в столице». При этом, отмечал полковник, подросток «грамотный, хорошо читает, пишет и говорит по-русски, и проживает в Петрограде без всякого вида на жительство»⁵⁴. Общество связалось с представителями Русского народного совета Прикарпатской Руси в Ростове-на-Дону и там согласились принять беспокойного подростка. Управляющий двором великой княгини Ольги Александровны, несомненно, с большим облегчением сообщил Вергуну о том, что он

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 37. Л. 16.

⁵² Там же

⁵³ Там же

⁵⁴ Там же. Л. 16.

«имеет честь препроводить при сем временный вид на жительство галичанину Леонтию Дидуху, требование на бесплатный проезд его до г. Ростова-на-Дону и 20 руб. денег на расходы в пути»⁵⁵. Таким образом, проблему с трудным подростком удалось решить.

Случалось, что и само Общество обращалось за помощью в решении судеб беженцев-галичан. Так, в начале июня 1917 г. было направлено обращение во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны (в который был преобразован Татианинский комитет). В письме сообщалось о том, что в 1916 г. «помещен на излечение в Сестрорецкую санаторию Колачевских галичанин Н. Заклинский 11 лет. В настоящее время... он должен быть взят обратно как считающийся выздоровевшим, но так как в распоряжении Галицко-русского общества нет решительно никаких средств на содержание Заклинского, то Правление обращается в Комитет с покорнейшей просьбой поместить Заклинского в один из имеющихся в распоряжении Комитета приютов для детей беженцев»⁵⁶.

15 июня 1917 г. Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны заявил, что не «будет субсидировать других национальных и беженских организаций, каковым организациям для получения нужных им кредитов на вторую половину текущего 1917 года надлежит обращаться непосредственно к Особому совещанию»⁵⁷. К числу таких организаций относилось и Галицко-русское благотворительное общество. Несмотря на то, что это решение практически полностью лишало Общество финансирования, оно продолжало свою деятельность, и последним за 1917 г. документом (от 18 октября 1917 г.) о его деятельности является сообщение об утверждении Комитетом сметы расходов на Бердянский приют. После октябрьских событий 1917 г. Галицко-русское благотворительное общество прекратило свое существование.

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 465 (Галицко-русское благотворительное общество).

РГИА. Ф. 1276. (Совет министров).

⁵⁵ Там же. Л. 49.

⁵⁶ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 39. Л. 49.

⁵⁷ Там же. Л. 8.

Бобринский В.А. Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. СПб.: типография Т-ва «Свет», 1909. 127 с.

Галицко-русское благотворительное общество в С-Петербурге. СПб.: [б. и.], 1904. 16 с.

Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 год. Пг.: [б. и.], 1915. 104 с.

Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1915 год. Пг.: [б. и.], 1916. 16 с.

Устав Галицко-русского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб.: [б. и.], 1913. 48 с.

Короленко В.Г. Опыт ознакомления с Россией // Неизданный В.Г. Короленко: публицистика: в 3 т. Т. 1. М.: Пашков дом, 2011. С. 286–305.

Литература

Ахременко Д.А., Новикова И.Н. Галицко-русское благотворительное общество в начале XX в.: эволюция и взаимодействие с органами власти // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 255–261.

Ахременко Д.А. Влияние Российской империи на русофильское движение в Галиции и Закарпатье в XIX — начале XX в. // Новые исторические перспективы. 2018. № 1 (10). С. 6–12.

Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 262 с.

Клопова М.Э. Защита на Днестре и Сане. «Русское дело» и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88–93.

Надсадный Д.В. Помощь беженцам в Петрограде во время Первой мировой войны: деятельность городского самоуправления и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (1914–1917 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 162. С. 30–38.

References

Akhremenko D.A., Novikova I.N. Galitsko-russkoje blagotvoritel'noje obshchestvo v nachale XIX v.: evoliutsiia i vzaimodeistviye s organami vlasti. *Voprosy istorii*, 2020, no. 6, pp. 255–261. (In Russ.)

Akhremenko D.A. Vliianiye Rossiiskoi imperii na rusofil'skoje dvizheniye v Galitsii i Zakarpat'je v XIX — nachale XX vv. *Novyye istoricheskije perspektivy*, 2018, no. 1 (10), pp. 6–12. (In Russ.)

Bakhturina A. Iu. *Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, AIRO-XX, 2000, 262 p. (In Russ.)

Klopova M. E. Zashchita na Dnestre i Sane. “Russkoje delo” i jeho sud’ba nakanune Pervoi mirovoi voiny. *Rodina*, 2010, no. 3, pp. 88–93. (In Russ.)

Nadsadnyi D. V. Pomoshch’ bezhentsam v Petrograde vo vremia Pervoi mirovoi voiny: deiatel’nost’ gorodskogo samoupravleniia i Vserossiiskogo soiuza gorodov pomoshchi bol’nym i ranenym voinam (1914–1917 gg.). *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2013, no. 162, pp. 30–38. (In Russ.)

Maria E. Klopova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

**Galician refugees in Russia
during the First World War
(based on the materials of the Galician-
Russian Charitable Society)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.04

Abstract: The article studies the activities of the Galician-Russian Charitable Society to provide assistance to the population of Galicia, who suffered from the hostilities during the First World War. One of the main directions of its work was the organisation of shelters for children left without parental care. Several shelters were established on the territory of Galicia, one was founded in Petrograd. The Galician-Russian Society also actively participated in organising trainings for Galician teachers in the capital of the Russian Empire. The main task was to train professional teachers proficient in the Russian literary language and familiar with the basic principles of teaching in Russia. After the retreat of the Russian troops from Galicia, most of the students of these courses either continued their education in Russian higher educational institutions, or entered the service in institutions or schools. The Galician-Russian Charitable Society also often provided assistance to individuals from among the Galician refugees who found themselves in difficult everyday circumstances.

Keywords: Galician-Russian Charitable Society, Galicia, refugees, shelter for children, trainings for teachers

Елена Юрьевна Борисёнок

доктор исторических наук
заведующая Отделом восточного славянства
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Национал-коммунист Иван Майстренко и межвоенная УССР сквозь призму «Истории моего поколения»

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.05

Аннотация: Статья посвящена украинскому ученому, писателю и публицисту Ивану Васильевичу Майстренко (1899–1984), о котором явно недостаточно пишут современные историки. И. В. Майстренко являлся участником революционных преобразований на украинских землях в XX в., национал-коммунистом, причастным к проведению советской политики украинизации в Украинской ССР, репрессированным в 1930-е гг. Дальнейшая его судьба была связана с Германией и эмиграцией, он долго работал в Украинском техническом хозяйственном институте в Мюнхене, занимался преподавательской, научной и общественной деятельностью, журналистикой и публицистикой, оставил после себя ряд работ на исторические, экономические, социальные темы, последовательно критиковал национальную политику большевиков. Основное внимание в статье уделяется его биографии и воспоминаниям, над которыми И. В. Майстренко работал до самой смерти. Биография этого деятеля представляет несомненный интерес для исследователя событий на украинских землях в первой половине XX в., помогает оценить роль деятелей украинского движения в изменениях, происходивших в Российской империи и на Советской Украине.

Ключевые слова: И. В. Майстренко, биография, украинское движение, украинизация, СССР

Иван Васильевич Майстренко — украинский ученый, писатель и публицист — относится к тем деятелям XX в., о которых незаслуженно мало пишут в современной историографии. Еще в 1999 г. в «Украинском историческом журнале» появилась статья

О.П. Юренко¹, однако инициатива не была поддержана, и больших, фундаментальных работ о Майстренко не появилось. Не удивительно, что в вышедшем в 2017 г. очередном томе «Энциклопедии современной Украины» статья о Майстренко принадлежит перу того же автора².

Между тем этот деятель заслуживает большего внимания. Иван Васильевич Майстренко — представитель украинской диаспорной историографии, причем одновременно он национал-коммунист, участник революционных преобразований юго-западной части бывшей Российской империи, деятель советской политики украинизации. Б.А. Кравченко заметил, что Майстренко относится к поколению украинцев, принимавших участие в «национально-освободительной революции на Украине в 1917–1920 гг. в рамках украинских социалистических, революционных партий». «Он принадлежал не к поколению, которое стояло в верхах, в центре, а к младшему, которое действовало в низах, в волостях, поветах, частично губерниях и областях», — подчеркнул ученый во введении к книге воспоминаний Ивана Майстренко³. Действительно, биография этого деятеля не только весьма интересна и поучительна, но и помогает оценить роль деятелей украинского движения в бурных событиях первой половины XX в. Майстренко, хотя и не считал нужным в своей книге подробно разъяснять свои взгляды и убеждения, но представил происходившие на Украине изменения с точки зрения молодых «сознательных украинцев», жизнь и судьбу которых определила Великая война и революция в России. Свою работу Иван Васильевич так и озаглавил — «История моего поколения». К сожалению, Майстренко умер до того, как его мемуары увидели свет, однако он успел прочесть гранки⁴. Воспоминания Майстренко до сих пор остаются одним из основных источников для изучения его жизни и деятельности.

¹ *Юренко О.П.* Иван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 112–121.

² *Юренко О.П.* Майстренко Іван Васильович // Енциклопедія Сучасної України / Редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін. Київ, 2017. URL: <https://esu.com.ua/article-60545> (дата обращения: 07.04.2023).

³ *Кравченко Б.* Передмова // Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. IX.

⁴ Там же. С. XI.

Иван Васильевич Майстренко родился 16 (28) августа 1899 г., в местечке Опошня Зеньковского уезда Полтавской губернии. Перепись 1897 г. называет последнюю вполне малороссийской по этнографическому составу: почти 93 % населения губернии составляли малороссы, причем в основном они принадлежали к сельскому населению (почти 97 %), тогда как в городах их было только немногим более 57 %⁵. Прадед Ивана — Савва — был безземельным сельским ткачом, его сыну Якову удалось стать волостным писарем, а отцу Ивана, Василию, — занять должность распорядителя государственной водочной лавки («монопольки»), что позволило дать детям образование в гимназиях и семинариях. Возможность получить образование трудно переоценить: в 1897 г. в Полтавской губернии было только 16,9 % грамотных, причем среди малороссов грамотных было еще меньше — 14,6 %⁶.

Судьба Ивана Васильевича Майстренко стала отражением глобальных перемен на юго-западе бывшей империи Романовых. Семья отца была «малороссийской» (Майстренко это слово употребил в кавычках), «хотя в доме господствовал украинский народный язык»⁷. Сам Майстренко принадлежал к поколению, стоявшему «на переломе старой предреволюционной и новой послереволюционной жизни». По его собственному признанию, ситуация в семье была «типичной для всей Украины»: старшие братья Ивана (а у него было девятеро братьев и сестер) были «старорежимниками» и «закрепили в себе предреволюционную ментальность» и русскую культуру, а младшие стали революционным поколением. «Старший брат Петр сочувствовал деникинцам, сестра Маруся — петлюровцам, а я был украинским коммунистом, т.е. отстаивал советскую, но самостоятельную Украину»⁸, — писал Иван Майстренко.

В Опошне работали три школы, обучение велось на русском языке⁹. Закончив обучение в одной из них, в 1914 г. Иван поступил

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1899–1905. [Вып.] XXXIII: Полтавская губерния. СПб., 1904. С. XVIII–XIX.

⁶ Там же. С. XXX.

⁷ *Майстренко І.* Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. С. 9.

⁸ Там же. С. 1–2.

⁹ Там же. С. 5.

в учительскую семинарию им. Н. В. Гоголя в Великих Сорочинцах на Полтавщине, где и втянулся в революционную деятельность.

Первые кружки революционной украинской ученической молодежи на Полтавщине появились во время революции 1905–1907 гг. До этого времени, как признавал специалист по украинскому движению на Полтавщине В. Я. Ревегук, организовать украинское движение в полтавских гимназиях пытались члены Революционной украинской партии (РУП) — первой украинской партии на юго-западе Российской империи. Проект программы РУП в виде манифеста «Самостийная Украина» написал Н. И. Михновский, причем в первый раз он обнародовал его в феврале 1900 г. на собрании тайной украинской общины, которая возникла в Полтавской духовной семинарии. Но в 1901 г. создать школьные общины в полтавских гимназиях не удалось. Как считал полтавский историк, «среди их учеников или не оказалось национально сознательных украинцев, или они боялись репрессий властей, поэтому из этого ничего не вышло»¹⁰. В 1906 г. в великосорочинской учительской семинарии возник эсеровский кружок из 12 человек, которым, помимо двух номеров журнала «Рассвет», удалось издать даже один номер украиноязычного журнала для молодежи под названием «Розваги». Накануне Первой мировой войны украинские ученические кружки и группы существовали в Полтаве, Кременчуге, Лубнах, Миргороде, Кобеляках, Великих Сорочинцах и др.¹¹

В семинарии Майстренко стал участником подпольного кружка социалистического направления, а с 1917 г. — членом Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). После февральской революции украинское движение в родных местах Майстренко активизировалось. В Великих Сорочинцах часто проводились массовые демонстрации «с красными и желто-голубыми флагами», открылась «Просвита», «вспыхнула украинская национальная жизнь»¹². В Опшине «активную украинскую жизнь» вели учителя и учащиеся, а также мелкая интеллигенция — фельдшеры, агрономы и пр.¹³ Если учителя и ученики полтавских профессиональных школ (садоводства,

¹⁰ Ревегук В. Я. Перші українські юнацькі організації Полтавщини на початку ХХ століття // Рідний край. 2011. № 2. С. 189.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Майстренко І. Історія мого покоління. С. 18.

¹³ Там же. С. 20.

ремесленной, фельдшерской, семинаристы), некоторые гимназисты и студенты, специалисты низшего уровня (фельдшеры, землемеры и т. п.) составляли опору «Просвиты», то основная масса гимназистов и студентов держалась в стороне. Майстренко считал, что причиной тому было их происхождение «из состоятельных слоев, которые склонялись к российской кадетской партии и игнорировали украинское возрождение»¹⁴.

В Опошне Майстренко стал одним из организаторов местной группы УПСР и Крестьянского союза (*укр.* Селянська спілка). Причем, как вспоминает Майстренко, в последний «записывались поголовно все крестьяне, надеявшиеся получить от революции землю»¹⁵. Еще одной «организованной политической группой» были кадеты. Майстренко считал, что в Опошне кадеты были немногочисленны и состояли из семейных людей старшего поколения — состоятельных хлеборобов и предпринимателей (собственников паровых мельниц, кожевенных и гончарных мастерских, винных и кондитерских предприятий). В царское время они были настроены оппозиционно и возглавляли местные кооперативные организации, вспоминал Майстренко. При этом он подчеркивал, что все они были чужды, если не враждебны, украинскому движению и говорили на русском языке с сильным украинским акцентом, а дома — по-украински. «Других организованных политических групп после Февральской революции 1917 г. в Опошне не было»¹⁶, — утверждал Майстренко. Впрочем, «остатки царского монархизма» скрывались среди православных священников, дворян, крупных купцов и крестьян-землевладельцев; «отдельные украинские интеллигенты и служащие, вернувшиеся из городов, чтобы жить в Опошне, составляли неорганизованную группку украинских социал-демократов»; российским социалистическим партиям «сочувствовали единицы из интеллигентов». Большевиков же было мало, но «под зиму 1918 г. солдаты с фронта принесли в Опошню большевистские идеи»¹⁷. Майстренко вынужден был признать, что большевики обладали влиянием в Опошне, но эти «пробольшевистские настроения были сезонными, пока большевики отстаивали мир на фронте и делили землю». В 1919 г. настроения

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 21–22.

поменялись — все украинское село восстало, и советская власть существовала только в городах и между городами на железной дороге¹⁸.

Семинарию Иван Майстренко закончил в 1918 г., вскоре вступил в партию боротьбистов, созданную на основе левого крыла УПСР. В выпускном классе большинство учащихся стали «сознательными украинцами», один пошел добровольцем в армию Деникина, один «связался с анархистами», а двое стали «активными большевиками»¹⁹. При этом Майстренко настаивал, что на Украине левая национальная сознательная украинская интеллигенция не поддерживала большевиков, а к красноармейцам под командованием М. Муравьева зимой 1918 г. присоединялись русские интеллигенты, «которые боялись украинского “сепаратизма” и ненавидели украинское национальное возрождение». По мнению Майстренко, «сколько Ленин ни придавал этой войне против УНР классовый характер, все же она объективно превращалась в войну национальную — России против Украины», и именно так ее воспринимали «некоторые русские элементы на Украине»²⁰.

«Украинская национальная революция, которую большевики все время игнорировали, стояла стеной между украинскими массами и большевиками, — не без предвзятости подчеркивал Майстренко. — Посредника, украинской интеллигенции, не было. Потому что интеллигенция сплошь стояла на стороне украинской национальной революции. Только короткое время, во время украинизации 1920-х гг., украинские национальные силы пробовали мирить крестьянство с большевистским режимом, пока сталинизм не разгромил и украинские национальные силы, и украинское крестьянство голодом 1933 г.»²¹.

Вступив в партию боротьбистов, Майстренко стал активным ее членом, участником антигетмановского подполья. В феврале 1919 г. Майстренко был выбран главой Драбиновского сельсовета, членом Кустоловского волостного исполкома, а в конце лета воевал против Деникина, был политкомиссаром сформированного боротьбистами полка Кобеляцкого уездного исполкома. Не один раз Майстренко переходил фронт, налаживая связи с антиденикинским подпольем.

¹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹ Там же. С. 26–27.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Там же. С. 38.

После отступления деникинцев с Полтавщины в декабре 1919 г. Майстренко возглавил уездную организацию боротьбистов в Кобеляках²².

Весной 1920 г. Майстренко вместе с частью боротьбистов вступил в КП(б)У, где поддержал фракцию федералистов, но уже летом этого же года, под влиянием национал-коммунистических идей В. Шахрая, Ю. Лапчинского, А. Речицкого, перешел к укапистам — в Украинскую коммунистическую партию (УКП). Акция эта была резонансной: в Кобеляках Майстренко активно участвовал в переходе из КП(б)У в УКП 22-х партийцев. В 1920–1921 гг. Майстренко работал в Харькове и Донбассе, в трех центрах УКП — в Луганске, Енакиеве и Бахмуте²³. Но в декабре 1921 г., вернувшись в Харьков, вышел из УКП: он, в отличие от основной части партии, считал новую экономическую политику единственным выходом для революции. После возвращения с Донбасса в Харьков Майстренко решил заняться своим образованием и поступил на экономический факультет Харьковского института народного хозяйства. В 1923 г. он даже сумел получить стипендию от филиала Промбанка в УССР — 30 рублей в месяц, что составляло тогда, как вспоминал Майстренко, рядовую зарплату советского работника²⁴.

Однако окончательного разрыва с укапистами не произошло. В 1923 г., после XII съезда РКП(б), объявившего о курсе на коренизацию, в УКП выделилась левая фракция. Майстренко вошел в состав фракции и отстаивал линию на самоликвидацию УКП и вхождение ее членов в состав КП(б)У. В 1925 г., после ликвидации партии укапистов, Майстренко вновь стал членом КП(б)У²⁵.

Сам Майстренко признавал, что побывал «во всех течениях коммунизма на Украине: среди боротьбистов, в КП(б)У, во фракции федералистов (группа Лапчинского), в КП(б)У, УКП, наконец, снова в КП(б)У»²⁶. «Мне позднее было стыдно за такую юношескую изменчивость, — вспоминал Майстренко. — Но теперь я считаю, что иначе

²² Юренко О.П. Иван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина. С. 113.

²³ Майстренко І. Історія мого покоління. С. 171.

²⁴ Там же. С. 182–183.

²⁵ Юренко О.П. Иван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина. С. 114–115.

²⁶ Майстренко І. Історія мого покоління. С. 195.

и не могло быть. Я искал, говоря языком Винниченко, всестороннего освобождения украинского народа — национального и социального»²⁷.

Вновь став членом КП(б)У в 1925 г. (в этом же году он окончил институт), Майстренко довелось потрудиться на ниве украинизации, правда, не на высоких постах: преподавать на курсах украинизации, поработать в редакции различных газет и даже украинизировать «Одесские известия», побывать заместителем директора и профессором Всеукраинского коммунистического института журналистики и др.

О своей работе в качестве «украинизатора» — преподавателя украинского языка в советских учреждениях Харькова²⁸ — Майстренко пишет довольно подробно, подчеркивая, что она была весьма выгодна, поскольку «занимала у меня восемь часов в неделю, а заработок давала больший, нежели у моих коллег, которые закончили со мной институт»²⁹. Действительно, в апреле 1925 г. КП(б)У возглавил Л. М. Каганович, сразу же показавший себя рьяным украинизатором, сторонником перевода делопроизводства на украинский язык. В условиях украинизации для большевиков необходимость изучения чиновниками языка большинства населения советской республики была очевидной: из 25 854 работников советского аппарата высшего уровня, которые были обследованы в это время, только 8302 человек (32 %) были готовы работать на украинском языке. Абсолютно не владели языком 17 548 человек (68 %) ³⁰.

Рассказывая о своем опыте преподавания на курсах, Майстренко отмечал, что молодые украинцы, особенно из харьковских предместий, изучали украинский язык хорошо, «даже с сознательным отношением к украинизации». Но эта группа была немногочисленна, а «большинство украинцев... были старыми царскими специалистами-малороссами», которым «было очень тяжело усваивать украинский язык»³¹. «Настоящих русских, не малороссов», на курсах было мало, причем «русские считали украинизацию сезонным несерьезным делом»³², хотя и относились к ней лояльно. «Самыми

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 183.

²⁹ Там же. С. 197.

³⁰ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 77.

³¹ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 183.

³² Там же. С. 184.

способными и старательными в украинизации были евреи, — писал «украинизатор». — Восторга от украинизации в них не было, но и враждебности тоже»³³. Но такая оценка относилась только к беспартийным, а вот евреи — члены компартии, по наблюдениям Майстренко, «были менее благосклонны к украинизации»³⁴. Вообще всех членов КП(б)У — выходцев из Бунда Майстренко считал «большими или меньшими противниками украинизации»³⁵.

Сторонниками украинизации Майстренко считал украинских интеллигентов, которые «были не против вступить в КП(б)У и подталкивать украинизацию в среде Компартии». Украинская интеллигенция, по мнению мемуариста, «видела агрессию великодержавничества и, чтобы усилить украинизацию, тянулась к КП(б)У, не будучи в принципе враждебной к социализму как программе народного благополучия»³⁶.

Заметим, что к противникам украинизации Майстренко причислял целые парторганизации. Согласившись с тем, что «по поручению Сталина Каганович активно проводил украинизацию», Майстренко не преминул отметить, что «большевистский Екатеринослав не дал ни одного активного деятеля украинизации, но дал не одного активного противника»³⁷, а харьковский обком заслужил еще более резкую оценку. По мнению Майстренко, именно там «гнездились» «организованный отпор русских украинизации». К числу «укаиножеров» он причислил главу харьковской парторганизации в 1926–1930 гг. П. П. Постышева и руководителя агитпропа Д. Марченко³⁸.

Майстренко вынужден был признать, что «общественно-политическая жизнь в столице УССР была национально русская»³⁹. С его точки зрения, «Харьков был исключительным городом», поскольку «его корни гнездились в России, в частности в Курщине», а «харьковские купцы были не просто русские, а настоящие кацапы». «В этом смысле даже русифицированный Донбасс, где русские были в основном шахтеры, был больше украинским, нежели Харьков. Не говорю

³³ Там же. С. 183.

³⁴ Там же. С. 184.

³⁵ Там же. С. 208.

³⁶ Там же. С. 190.

³⁷ Там же. С. 189–190.

³⁸ Там же. С. 207.

³⁹ Там же. С. 205.

уже о Днепропетровске или Одессе»⁴⁰, — писал Майстренко. Следует заметить, что по данным 1923 г. население Донецкой губернии составляло 2 518 010 чел., из них: украинцев — 1 609 723, русских — 655 962. Однако 52,4 % русских проживало в городах, тогда как 73,3 % украинцев — в сельской местности. Население городов, рудничных и фабрично-заводских поселков отличалось вариативностью. Например, если украинцы в Дебальцево составляли 76,3 %, то в г. Шахты 90,2 % были русскими. В городах процент русского населения колебалось от 18,8 % (Старобельск) до 59,9 % (Сталино)⁴¹.

Вспоминая о Харькове периода украинизации, Майстренко подчеркивал, что «украинство было островком, который, однако, быстро рос», и прежде всего за счет украинского студенчества, поскольку «украинизация харьковских вузов и школ увеличивала в столице кадры украинской интеллигенции». Украинцы поступали в институт народного образования, медицинский, сельскохозяйственный и ветеринарный институты. Мало украинской молодежи, по наблюдениям Майстренко, было в технологическом институте и в институте народного хозяйства. Еще одним источником пополнения украинства Майстренко считал промышленные предприятия: «На заводы также приходила из села молодежь, которая училась в украинской школе, хотя новые заводы тогда еще не строились»⁴². Майстренко был прав: к 1928 г. число украинцев среди студентов вузов достигло 54 %, техникумов — 63 %, к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше — 62,8 %, в 1930 г. — свыше 70 %⁴³. При этом в постановлении от 19 декабря 1931 г. Наркомпроса УССР говорилось об обязательности изучения украинского языка для всех студентов вузов и техникумов, а не только для тех, кто его не знает⁴⁴.

Тем не менее русский язык в пролетарской среде Харькова не сдавал свои позиции. По переписи 1926 г., в УССР проживало 23 218 860 украинцев, причем 1 288 879 из них признали своим родным языком

⁴⁰ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 206.

⁴¹ История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общей ред. Л. Г. Шенко, В. Н. Никольского. Донецк, 2018. С. 407–408.

⁴² *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 205.

⁴³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 94, 96, 102.

⁴⁴ *Ефіменко Г. Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 146, 181.

русский⁴⁵. По имеющимся данным о разговорном языке рабочих и служащих Украины в 1926 г., на украинском говорили 33,2%, русском — 66%, еврейском — 7,5%, на других — 3,1%. Из всего количества грамотных рабочих на украинском языке читали 40,2%, русском — 91,2%, еврейском — 7,1%, на других языках — 6,2%⁴⁶.

Весьма примечателен в данном отношении рассказ Майстренко о семье своей избранницы (женился Иван Васильевич в 1924 г.)⁴⁷. Жена Ивана Майстренко — Зина Редько — была дочерью харьковского рабочего-механика. «Это была русифицированная украинская семья, как почти весь харьковский рабочий класс, но с определенными “малороссийскими” традициями: мой тесть охотно посещал украинские театры (только украинские) во время их спектаклей в Харькове (театр Кропивницкого и другие). Семья была певучая, и тесть с братьями хорошо исполняли украинские песни. Но язык в хате был русским»⁴⁸, — вспоминал Майстренко. Жена Майстренко, Зина, «хотя и зачитывалась украинской литературой (ее излюбленным писателем был Хвелевой), однако говорить по-украински так и не стала». Причиной тому Майстренко называл ее «украинскую флегматичность и неповоротливость». Более того, «когда она пошла работать на село врачом, то письма мне писала по-русски, а я ей отвечал по-украински, не раз упрекая ее за хохлацкий флегматизм». Как считает Майстренко, именно это обстоятельство спасло Зину после его ареста: «Во время моего ареста энкаведисты забрали и мою переписку с женой — ее письма на русском, мои — на украинском языке, с упреками ей, что она до сих пор пишет мне по-русски. Следователи НКВД обвиняли меня, что я такой “националист”, а к моей жене относились с особым пристрастием. Врачи тогда были преимущественно неукраинцы и в их среде царил русский язык»⁴⁹.

⁴⁵ Всесоюзный перепись людности 1926 р. Т. XI: Українська Соціалістична Радянська Республіка. Підсумки по Республіці. Полісся: національність, рідна мова, вік, письменність. М., 1928. С. 8.

⁴⁶ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (укр. Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 53 об.

⁴⁷ *Майстренко І. Історія мого покоління*. С. 182.

⁴⁸ Там же. С. 202.

⁴⁹ Там же. С. 203.

В семью Майстренко стремился внести «твердую украинскую линию»⁵⁰. Весьма интересен пример проблемы на «украинизационной» базе, возникшей в семье Майстренко. «И вот пришло время, когда жена окончила медицинский институт и ей нужно было ехать в деревню и отбывать врачебную практику. А у нас родился сын и ему нужна была няня. Почти монопольным поставщиком харьковской прислуги была близкая к Харькову русская деревня Курской губернии, — писал Майстренко. — Украинское село давало меньше рабочей силы в украинские города. Моя теща, не входя в украинскую политику, нашла русскую женщину постарше, опытную няню из Курской губернии. Как няня она была идеальна, ловка, трудолюбива, умела рассказывать детям сказки и т. д. Но я, зная, как важны для ребенка первые жизненные впечатления, хотел няню обязательно из украинского села. Но дело было спешное, украинской няни не нашлось, и жена должна была ехать в деревню с этой русской няней. Я смирился только потому, что мой ребенок еще не говорил и язык няни не был еще столь важным. Вскоре я отпустил эту няню, и дальше в доме были только украинские девушки. А когда сын подрос, то послал его именно в украинский садик, а позже в украинскую школу, даже на Донбасе, где преобладала русская школа»⁵¹.

О «твердой украинской линии» Майстренко свидетельствует еще один любопытный эпизод, имевший место в Одессе, где он работал в созданной на базе «Одесских известий» газете «Черноморська комуна». В 1930 г. в город на гастроли приехала русская труппа, в которой принимала участие артистка Зеркалова⁵². «Как редактор газеты я взял линию критично отнестись к гастролям Зеркаловой. Пошел в русский театр на постановку пьесы Успенского (забыл название), в которой главную роль играла Зеркалова. Играла она хорошо, но я посвятил рецензию не игре Зеркаловой, а пьесе. О пьесе я написал: “В такое бурное время, как наше, Зеркалова не нашла лучшей возможности прославиться, как воспеть мещанский уют”»,⁵³ — вспоминал Майстренко. Он не скрывал своей необъективности: «Для

⁵⁰ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 203.

⁵¹ Там же.

⁵² Майстренко именует ее Зинаидой, на самом деле известную актрису Зеркалову звали Дарьей Васильевной. Она была родом не из Винницы, как писал Майстренко, а из Анатольевки Одесской области.

⁵³ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 242.

меня важной была не абстрактная “справедливость”, а возмещение для столетиями подавляемой великодержавностью украинской культуры. Сама талантливая девушка из Винницы — Зеркалова — была символом этого подавления. В разговорах я ссылался на Ленина, который в предсмертных письмах писал, что в нерусских республиках необходимо создавать такую несправедливость для великодержавников, которая компенсировала бы вековую несправедливость России для нерусских народов»⁵⁴.

Майстренко описывал себя в воспоминаниях как человека принципиального. Ивану Васильевичу довелось работать в редакции газеты «Селяньска правда» и в одноименном издательстве. В качестве руководителя последнего у Майстренко вышел конфликт с коллегой по работе Остапом Вишней. Известный фельетонист ходатайствовал о выдаче журналисту В. Радышу⁵⁵ аванса в 300 руб. Майстренко не соглашался, поскольку такая сумма равнялась двухмесячной зарплате ответственного партийного работника, а Радыш писал статьи не в его газету, а в «Вісті ВУЦВК», и «не был каким-то особым автором, рядовой журналист (возможно, даже и непрофессиональный журналист)». Остап Вишня пожаловался начальству, и Майстренко был уволен. Его хотели направить работать в редакцию другой газеты, «Радянське село», но Иван Васильевич решил отказаться, поскольку был недоволен «репутацией уволенного», и ушел преподавать на партийные курсы⁵⁶.

Работа в Одессе у Майстренко тоже шла не без сложностей. В качестве главы художественно-политического совета украинского Театра революции Майстренко следил за репертуаром, что стало причиной конфликта с художественным руководителем театра М. С. Терещенко. Последнего Иван Васильевич называл «полнейшим ничтожеством», который брал не способностями, а «интригами и подхалимством». Терещенко предпочитал ставить пьесы И. К. Микитенко, а Майстренко, по его словам, «защищал театр от микитенковской монополии», желая видеть на сцене произведения Н. Г. Кулиша и Л. С. Первомайского⁵⁷. О том, что надо «ставить в театре все

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Радыш Василий Георгиевич (1889–1958) — советский киносценарист, писатель, режиссер.

⁵⁶ *Майстренко І. Історія мого покоління*. С. 201.

⁵⁷ Там же. С. 243–244.

лучшее, что имеет украинская литература», давать дорогу другим авторам, Майстренко заявил и самому драматургу: Микитенко приехал в Одессу через пару недель после конфликта. Через несколько недель из ЦК КП(б)У пришло постановление об отзыве Майстренко из Одессы в распоряжение ЦК КП(б)У⁵⁸. Майстренко упоминал, что «ЦК КП(б)У в лице руководителя агитпропа Андрея Хвыли и секретаря ЦК по культурным делам Панаса Любченко (оба бывшие боротьбисты) поддерживали Микитенко как “генерального секретаря” ВУСПП (пролетарские писатели)»⁵⁹.

Майстренко признавал, что у него не сложились отношения и с секретарем Одесского горкома А. Р. Вайновым. «В душе он (Вайнов. — Е. Б.) стопроцентно разделял позиции той одесской партийной элиты, которая ненавидела украинизацию и меня, как ее представителя»⁶⁰, — отмечал редактор украинской газеты. Вайнова Майстренко тоже считал интриганом: «Например, ему нужно было убрать из Одессы руководителя черноморского торгового флота, и для этого газета должна подобрать против этого руководителя материалы, которые бы компрометировали его. Я такие материалы не искал, не печатал, и это раздражало Вайнова. Теперь, когда меня отзывал из Одессы сам ЦК КП(б)У, Вайнов был счастлив и даже хотел пришить какой-то грех. В издательстве был организован контроль, который проверил, куда я тратил деньги. Было установлено, что я выдал авансы украинским писателям на сумму одиннадцать тысяч рублей (до этого я и не знал, сколько именно я выдал авансов). Но Вайнов, зная, что эти одиннадцать тысяч не мое личное злоупотребление, а “украинизационные” траты, был в этом вопросе очень осторожен, не цеплялся к этим деньгам»⁶¹.

В Харьков Майстренко приехал в 1931 г., и ЦК КП(б)У первоначально планировал использовать его украинизаторские способности в другой газете. «Ходили разговоры, чтобы послать меня украинизировать последнюю большую русскую газету на Украине “Диктатуру труда” в Сталино (теперь Донецк). Кроме нее, оставалась неукраинизированной еще одна большая русская газета на Украине в Мариуполе (забыл название) да пара районных газет на Донбассе. Все другие

⁵⁸ Майстренко І. Історія мого покоління. С. 246.

⁵⁹ Там же. С. 244. ВУСПП — Всеукраинский союз пролетарских писателей.

⁶⁰ Там же. С. 246.

⁶¹ Там же. С. 247.

областные и районные газеты в УССР были уже украинскими, — вспоминал Майстренко. — Я категорически настроился не ехать в Сталино — эту культурно-безрадостную провинцию, да еще ехать как наказанный редактор»⁶². Но в итоге «ЦК КП(б)У (Хвыля и Любченко) нашли, наконец, куда меня запихнуть — заместителем директора Всеукраинского коммунистического института журналистики (ВУКИЖ)»⁶³. Одновременно Иван Васильевич заведовал кафедрой и вел преподавательскую деятельность, причем «решил взяться преподавать такую науку, которая еще не была доступна партийному контролю» — западноевропейскую литературу⁶⁴.

Воспоминания о 1930-х гг. полны резких отрицательных оценок происходивших событий. «Это были времена разворачивания Сталинских контрреволюционных преступлений», — писал Майстренко, упоминая «разгром идейных революционеров (троцкистов, бухаринцев и коммунистов нерусских наций); разгром украинизации и истребление украинской интеллигенции; истребление голодом миллионов украинских крестьян и жителей исторических украинских городов Левобережной Украины»⁶⁵. Майстренко упоминал также о якобы существовавших планах «отрыва от УССР и присоединения к РСФСР юго-промышленного района — Донецко-Криворожского бассейна, Харьковской области с Полтавщиной, которая входила тогда в Харьковскую область», для чего предполагалось «освобождение» от украинского населения этих местностей и заселение их переселенцами из РСФСР. Однако каких-либо документальных подтверждений автор не привел. «Целые эшелоны русских крестьян прибывали на юг Левобережья Украины и заселяли опустевшие от голода украинские села. Об этом много писали в эмиграции, — негодовал Майстренко. — Эта идея растерзания Украины, которую выдвинул постышевский партийный аппарат, была отвергнута Сталиным, который считал такое демонстративное растерзание Украины небезопасным и противопоставил ему постепенную русификацию всей Украины. Немногочисленные украинцы в постышевском аппарате спешили противопоставить этому переселению из РСФСР другое переселение на Левобережье — украинских

⁶² Там же. С. 251.

⁶³ Там же. С. 251.

⁶⁴ Там же. С. 252–253.

⁶⁵ Там же. С. 253.

крестьян с перенаселенного Подолья, Житомирщины». Майстренко с усмешкой заметил, что успевшие переехать русские крестьяне «убежали назад»⁶⁶.

Майстренко называл Сталина «предателем революции» и решил донести до студентов свое мнение опосредованно: «...читать в институте лекции о Шекспире, чтобы навязать слушателям сравнение со Сталиным, о Бальзаке, чтобы его негативные персонажи связать с негативными образами сталинского времени. Включал я и Гоголя, и другие произведения мировой украинской и русской литературы»⁶⁷. «Принимая во внимание, что в обкоме КП(б)У или в НКВД никто в западной литературе не разбирался, к моим лекциям никто из начальства так и не прицепился»⁶⁸, — вспоминал Майстренко.

С разворачиванием широкой кампании против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения, под угрозой оказались бывшие члены небольшевистских партий. В 1933 и 1935 гг. во время чисток вставал вопрос об исключении Майстренко из ВКП(б). В декабре 1936 г он был арестован, а весной следующего года был осужден по статье 54-10 Уголовного кодекса УССР (контрреволюционная агитация) и приговорен к четырем годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Судила Майстренко особая коллегия Харьковского областного суда⁶⁹. Иван Васильевич вспоминал, что судьей был галичанин, и суд шел на украинском языке⁷⁰. После суда жена Майстренко через адвоката подала кассационную жалобу в Верховный суд УССР⁷¹, и ждать отправки в лагерь Майстренко пришлось еще год в харьковской пересыльной тюрьме на Холодной горе⁷². Весной 1938 г. он был отправлен в Томско-Асинский исправительный лагерь недалеко от станции Тайга Томской области, где отсидел, по его собственному признанию, «от звонка до звонка»⁷³, до конца 1940 г.: к сроку лагерной ссылки были причислены и полтора года харьковской

⁶⁶ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 253.

⁶⁷ Там же. С. 254.

⁶⁸ Там же. С. 256.

⁶⁹ Там же. С. 281.

⁷⁰ Там же. С. 283.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 284.

⁷³ Там же. С. 315.

тюрьмы. После освобождения Майстренко отправился в г. Славянск, где жили его жена и сын.

Известие о начале Великой Отечественной войны застало Майстренко на Донбассе, в Славянске, где он работал на заводе Машчермета руководителем экономического бюро при механическом цехе⁷⁴. Мобилизации он не подлежал, поскольку, кроме судимости, он был «поражен в правах» на два года. «Словом, не имел права воевать “за родину, за Сталина”, — вспоминал Майстренко. — Это развязало мне руки... Я пошел в военный комиссариат и выписался с воинского учета»⁷⁵. Жену Зину он проводил на восток в эвакуацию (больше ее он не видел⁷⁶), а сам вместе с сыном Левко перебрался зимой 1942 г. в оккупированный Киев. В городской управе он, как бывший сибирский ссыльный, получил комнату и был назначен на должность «инспектора снижения цен на базарах и ресторанах»⁷⁷. По словам Майстренко, такие инспекторы должны были следить за ценой на продукты и, если она была выше нормы, заставлять продавать дешевле⁷⁸. Затем Майстренко согласился занять должность директора капеллы бандуристов. По его словам, эта капелла никак не была связана с немецкой властью, «наоборот — репертуаром исторических и народных песен она будила национальное сознание украинцев и поэтому немцы относились к ней с подозрением»⁷⁹. Вместе с капеллой он отправился на Волынь, побывал в Ровно, в селах Луччины. В местечке Жидычин под Луцком перед концертом Майстренко выступил с речью, в которой «призвал украинцев не доверять никаким освободителям, а строить собственную независимую жизнь». Эти слова послужили причиной санкций: капелла получила распоряжение вернуться в Киев. Майстренко считал, что донесли на него присутствовавшие на концерте «местные поляки, которые враждовали с украинцами». Но основной причиной был, как считал Майстренко, успех бандуристов на Волыни⁸⁰. Вместе с капеллой Майстренко был депортирован в Германию в один из гамбургских штрафных лагерей для «остарбайтеров».

⁷⁴ Там же. С. 325.

⁷⁵ Там же. С. 329.

⁷⁶ Там же. С. 331.

⁷⁷ Там же. С. 338.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 341.

⁸⁰ Там же. С. 345.

«Некоторые бандуристы меня проклинали, говоря, что это я своим выступлением в Жидычине вызвал высылку капеллы бандуристов на тяжелые работы в Германию, — вспоминал Майстренко. — Я молчал, считая, что в тех упреках есть определенная доля правды, хотя в письмах из Украины до нас доходили слухи, что даже Эрих Кох (рейхскомиссар Украины) сказал о бандуристах такое: “Нам нужно не бречание бандуры, а звон косы”. Мол, украинцы должны не музыкой заниматься, а трудом в сельском хозяйстве, давать Германии еду. Ясно, что здесь моя речь в Жидычине никакой роли не играла. Да кого-то же надо было винить в нашей беде, и виноват был я»⁸¹. Через несколько месяцев участников капеллы освободили, и они стали выступать в лагерях остарбайтеров. Осенью 1943 г. пути Майстренко и капеллы разошлись: он решил не ехать с концертами по галицким селам⁸². Во Львове Майстренко прожил до весны следующего года, а перед наступлением Красной армии перебрался сначала в Кенигсберг, потом в Плауэн, а затем — в Байройт, в лагерь для перемещенных лиц в американской зоне. Работать Майстренко довелось в редакциях разных газет и изданий, в украинской редакции радио в Кенигсберге.

В 1945 г. Майстренко стал одним из организаторов Украинской революционно-демократической партии, а после ее раскола вошел в руководство так называемой левой УРДП, редактировал ее печатный орган под названием «Вперед»⁸³. Левая УРДП настаивала на необходимости общественной собственности на средства производства, плановой экономики и строительства бесклассового общества, обвиняя правых в неолиберализме и нереволуционности. Майстренко и его единомышленники говорили о необходимости антибольшевистской революции в СССР, ликвидации существовавшей там системы государственного капитализма. Майстренко отрицал целесообразность диктатуры и политической монополии одной партии. Иван Васильевич пытался установить контакты с подпольем ОУН-УПА на Украине, дискутировал с его идеологами, осуждая гегемонистские претензии ОУН и ее экстремизм в отношении других украинских партий и организаций⁸⁴.

⁸¹ Там же. С. 352.

⁸² Там же. С. 366.

⁸³ Издание выходило до декабря 1959 г. См.: Там же. С. 399.

⁸⁴ *Юренко О.П.* Иван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина. С. 118.

Перебраться за океан Майстренко не удалось: американские спецслужбы не пропустили его. Вероятно, причиной этому послужили доносы⁸⁵. С 1963 г. Иван Васильевич работал в Украинском техническом хозяйственном институте в Мюнхене, в том числе был его ректором. В эмиграции Майстренко был известен как ученый и публицист⁸⁶, его перу принадлежит ряд работ на исторические, экономические, социальные темы, в которых последовательно критиковал национальную политику РКП(б) — ВКП(б) — КПСС⁸⁷. Он подчеркивал, что «не раз говорил и писал, что украинский коммунизм был прошлым этапом, был идеологией диктатуры пролетариата на Украине», «а диктатура пролетариата во всем СССР была раздавлена сталинизмом и поворот к ней... был уже невозможен»⁸⁸. «Для нас, выходцев из СССР, было ясно, что в СССР нет никакого коммунизма, а есть новое классовое эксплуататорское общество»⁸⁹, — утверждал Майстренко, отстаивая необходимость антибольшевистской революции в СССР.

Умер Иван Васильевич Майстренко в Мюнхене 18 ноября 1984 г. Свои воспоминания он решил закончить такими словами: «Я горд тем, что в свои восемьдесят лет не правею, не “протрезвляюсь”, как всякие старики, а, наоборот, дальше ищу новые пути на базе развития событий в СССР. Сегодня я отрицаю все течения социализма и коммунизма, которые существуют в мире, потому что они являются продуктом предоктябрьской или первых лет Октябрьской революции. Программа борьбы за освобождение человека от всякой эксплуатации будет создана только на базе итогов разгромленной сталинизмом (большевизмом) народной революции в СССР»⁹⁰.

⁸⁵ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 383–384.

⁸⁶ Многие работы он писал под псевдонимами Корсун, Гребинко, Авгур, Котляр, Батыр и др. См.: *Юренко О. П.* Иван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина. С. 119.

⁸⁷ *Bolshevist Bonapartism.* Geneva, 1948; *Borotbism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism.* New York, 1954; Кризові процеси в советській економіці. 1955; Аграрна політика більшовиків за п'ятдесят років революції. Мюнхен, 1967; Національна політика КПРС в її історичному розвитку. Мюнхен, 1978; Історія Комуністичної партії України. Мюнхен, 1979.

⁸⁸ *Майстренко І.* Історія мого покоління. С. 399.

⁸⁹ Там же. С. 400.

⁹⁰ Там же. С. 406.

Источники

Всесоюзный перепис лудности 1926 р. Т. XI: Українська Соціалістична Радянська Республіка. Підсумки по Республіці. Полісія: національність, рідна мова, вік, письменність. М.: Видання ЦСУ Союзу РСР, 1929. 210 с.

Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон: Канадський Інститут Український Студій, 1985. 416 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. [Вып.] XXXIII: Полтавская губерния. 1904. XXXVI, 315 с.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1: Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг.

Литература

История (история Донбасса от древности до современности): учебное пособие / под общ. ред. Л. Г. Шепко, В. Н. Никольского. Донецк: ДонНУ, 2018. 693 с.

Кравченко Б. Передмова // Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон: Канадський Інститут Український Студій, 1985. С. IX–XI.

Ревезук В. Я. Перші українські юнацькі організації Полтавщини на початку XX століття // Рідний край. 2011. № 2. С. 189–195.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.

Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001. 304 с.

Юренко О. П. Іван Майстренко: життя, наукова і публіцистична спадщина // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 112–121.

Юренко О. П. Майстренко Іван Васильович // Енциклопедія Сучасної України / Редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк та ін. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2017. URL: <https://esu.com.ua/article-60545> (дата обращения 07.04.2023).

References

Iefimenko H. H. *Natsional'no-kul'turna polityka VKP(b) shchodo Radians'koï Ukraïny (1932–1938)*. Kyiv, Instytut istoriï Ukraïny, 2001, 304 p. (In Ukr.)

Istoriia (istoriia Donbassa ot drevnosti do sovremennosti): training manual, eds. L. G. Shepko, V. N. Nikol'skogo. Donetsk, DonNU, 2018, 693 p. (In Russ.)

Iurenko O.P. Ivan Maïstrenko: zhyttia, naukova i publitsystychna spadshchyna. *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, 1999, no. 6, pp. 112–121. (In Ukr.)

Iurenko O.P. Maïstrenko Ivan Vasyl'ovych. In: *Entsyklopediia Suchasnoi Ukraïny*, eds. I. M. Dziuba, A. I. Zhukovs'kyi, M. H. Zhelezniak et al. Kyiv, Instytut entsyklopedychnykh doslidzhen' NAN Ukraïny, 2017. URL: <https://esu.com.ua/article-60545> (accessed: 07.04.2023). (In Ukr.)

Kravchenko B. Peredmov. Maïstrenko I. *Istoriia moho pokolinnia. Spohady uchasnyka revoliutsiïnykh podii v Ukraïni*. Edmonton, Kanads'kyi Instytut Ukraïns'kyi Studiï, 1985, p. IX–XI. (In Ukr.)

Revehuk V. Ia. Pershi ukraïns'ki iunats'ki orhanizatsii Poltavshchyny na pochatku KHKH stolittia. *Ridnyi kraj*, 2011, no. 2, pp. 189–195. (In Ukr.)

“Ukrainizatsiia” 1920–30-kh rokiv: *peredumovy, zdobutky, uroky*, ed. V. A. Smoliï. Kyiv, Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny, 2003, 392 p. (In Ukr.)

Elena Yu. Borisenok

Dr. Sci. (History)
Head of the Department of Eastern Slavic Studies
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

**National Communist Ivan Maistrenko
and the Interwar Ukrainian SSR through
the Prism of “The History of My Generation”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.05

Abstract: The article is dedicated to the Ukrainian scholar, writer and publicist Ivan Vasilyevich Maistrenko (1899–1984), whose personality is widely marginalised by contemporary scholars. He was a participant of the revolutionary transformations in the Ukrainian lands in the 20th century, a national communist who played a significant role in the Soviet policy of Ukrainization in the Ukrainian SSR. He survived the repressions in the 1930s and later emigrated to Germany. In exile, he was for a long time engaged in teaching, scientific and social activities at the Ukrainian Technical Economic Institute in Munich, and he was also active as a journalist and publicist. He prepared several works on historical, economic, and social topics, permanently criticising the national policy of the Bolsheviks. The main attention of the article is focused on his biography and memoirs, on which I. V. Maistrenko worked until the end of his life. His personal activities concerning the study of Ukrainian history of the first half of the 20th century are of particular interest. In this regard, the study evaluates the role of the figures of the Ukrainian movement in the dramatical changes that took place in the Russian Empire and in Soviet Ukraine.

Keywords: Ivan V. Maistrenko, biography, Ukrainian movement, Ukrainization, Ukrainian SSR

Кирилл Дмитриевич Ананько

аспирант
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
Республика Беларусь, 230023, Гродно, ул. Октябрьская, д. 5
E-mail: kirixan@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8217-6674

«Спрытгурмисты и гайсаки»: скаутское движение в белорусских гимназиях межвоенной Польши*

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.06

Аннотация: В статье описывается деятельность скаутов в белорусских гимназиях, существовавших на западнобелорусских землях в составе Польши в межвоенный период. Эти учреждения, где обучение велось на белорусском языке, стали центрами национально-культурного развития белорусов в условиях политики полонизации. В Польше также создавались скаутские отряды — «харцеры». Чтобы подчеркнуть свое отличие от харцеров, белорусские скауты придумывали собственные названия для своих дружин — «спрытгурмисты» и «гайсаки». По мнению автора, первый скаутский отряд возник при Гродненской белорусской гимназии, а не в Несвижской, как было принято считать в историографии. Свою деятельность белорусские скауты продолжили в Виленской, Радомской и Клецкой гимназиях. Точно неизвестно, существовали ли такие отряды или дружины в Новогрудской белорусской гимназии. В белорусское скаутское движение включались не только юноши, но и девушки. Автор приходит к выводу, что оно повлияло на популяризацию белорусской национальной идеи в молодежной среде, противодействовало языковой и культурной ассимиляции местного населения, способствовало воспитанию духовных и нравственных ценностей, развитию физических способностей участников.

Ключевые слова: скауты, скаутское движение, белорусские гимназии, Западная Беларусь, межвоенный период

Скаутское движение появилось в Англии благодаря лорду Р. Баден-Пауэллу. В августе 1907 г. на острове Браунси в южной части Великобритании впервые был организован палаточный лагерь для 22 юношей, пребывание в котором было рассчитано на восемь дней.

* Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ Г24МП-012 «Белорусские гимназии в межвоенный период: общественно-политический и культурный аспекты».

Скауты ежедневно изучали основы выживания и поведения в чрезвычайных ситуациях, а также первой медицинской помощи. Обучение проводилось в игровой форме; большое внимание уделялось физической культуре, а также гражданскому и патриотическому воспитанию. В начале 1908 г. Р. Баден-Пауэлл на основе своего практического опыта подготовил книгу «Scouting for boys» («Скаутинг для мальчиков»). В переводе с английского *scout* буквально означает «разведчик», поэтому в русском варианте книга получила название «Юный разведчик». Основой для российского скаутского движения послужили созданные при частях русской армии так называемые «потешные» полки, в которых школьники обучались военному строю и гимнастике. Первый скаутский отряд в Российской империи появился 30 апреля 1909 г. в Павловске, около Царского Села. Возглавил его штабс-капитан О. И. Пантюхов. В декабре 1910 г. Р. Баден-Пауэлл посетил Санкт-Петербург, где встретился с «юными разведчиками» России. На белорусских землях, в Гомеле, уже в 1915 г. действовало несколько отрядов русских, польских и еврейских скаутов. Приблизительно в это же время в Могилеве была организована скаутская дружина. Однако с приходом большевиков к власти скаутское движение подверглось радикальной реорганизации. В 1919 г. на II Съезде Российского коммунистического союза молодежи деятельность скаутов была запрещена, однако методы скаутизма впоследствии использовались при организации пионерского и комсомольского движения².

В результате польско-советской войны 1919–1921 гг. и подписания Рижского мирного договора в марте 1921 г. этнические белорусские земли были разделены на две части — восточную, вошедшую в состав Советского Союза на правах отдельной республики, и западную, которая была включена в состав Польши. Инкорпорация западнобелорусских земель в состав польского государства обусловила необходимость консолидации белорусских национальных сил и противодействия политике полонизации. Одним из главных элементов подготовки национальных кадров стали белорусские гимназии, известные в белорусской исторической науке как кузницы национальных кадров.

Это были средние образовательные учреждения, где обучение велось на белорусском языке, а учащиеся воспитывались в национальном духе. Полноценно на территории Западной Беларуси работали

² Лозка А. Беларускі скаўтынг. Мінск, 1997. С. 8–15.

гимназии в Вильно, Новогрудке, Клецке и Радошковичах. Также подобные учреждения открывались в Гродно, Городке и Несвиже, однако они были закрыты польскими властями в начале 1920-х гг.

Существенным элементом воспитательной работы в стенах этих учреждений стала организация скаутского движения. В польских учебных заведениях уже существовали свои скаутские дружины — харцеры, созданные по образцу английских бойскаутов. Главными задачами гимназического скаутства организаторы считали объединение белорусской молодежи и ее нравственное, патриотическое и физическое воспитание.

Деятельность скаутов в белорусских гимназиях освещалась в исследованиях белорусских историков В.П. Серпухова, В.В. Ляховского, А.Н. Вабищевича, А.Ю. Лозко, внимание которых было сосредоточено в основном на Виленской белорусской гимназии. Однако скаутское движение ею не ограничивалось. В работах А. Винницкого, Ю.А. Бачиши и А. Чемера (наст. имя А.С. Анищик) раскрываются особенности скаутского движения в Несвижской, Радошковичской и Новогрудской белорусских гимназиях. Отдельные моменты деятельности скаутов в белорусских гимназиях отражались на страницах прессы — в ученических журналах «Малое жыццё» («Молодая жизнь») и «Рунь» («Всходы»), общественно-политическом и культурном журнале «Шлях моладзі» («Путь молодежи») и еженедельной западнобелорусской газете «Беларуская крыніца» («Белорусский источник»).

Первый скаутский отряд на территории Западной Беларуси появился в 1920 г. в г. Гродно усилиями учителя Гродненской белорусской гимназии В. Курбского и офицера Белорусской военной комиссии Е. Шурпы. Гродненские скауты действовали при Гродненском кружке белорусской молодежи. Однако в начале 1921 г. под давлением польских властей отряд прекратил свое существование³. Первая же собственная гимназическая дружина скаутов была создана только в 1921 г. учителями И. Шнаркевичем и Г. Малойлой при Несвижской белорусской гимназии, в которую входили не только ученики данного учреждения, но и дети из близлежащих деревень Несвижского повета. Одним из руководителей был учащийся гимназии, будущий

³ У.Ш. Кароткая гісторыя, змест і заданні скаутства // Маладое жыццё. 1922. № 3. С. 9–11.

белорусский поэт С. Новик-Пяюн⁴. Несвижские скауты проводили различные культурные мероприятия (концерты, спектакли и т.д.), используя для этого театральную сцену в городской ратуше. Известно, что на этой сцене скауты декламировали стихотворение «Не загаснуць зоркі ў небе» («Не погаснут звезды в небе») Я. Купалы. Дружина просуществовала до закрытия Несвижской белорусской гимназии в 1924 г., после чего учреждение было перенесено в Клецк⁵.

В Виленской белорусской гимназии скаутский отряд был создан по инициативе педагогов и известных политических и общественных деятелей А. Луцкевича, А. Смолича, Ф. Алехновича, М. Горецкого⁶. Однако ключевую роль в организации скаутов сыграл учитель математики и физики С. Рак-Михайловский. Именно он в октябре 1922 г. начал подготовку к созданию скаутского отряда при гимназии в Вильно в целях нравственного и патриотического воспитания детей. В основу устава были положены переведенные С. Рак-Михайловским десять законов морального кодекса, которым должен соответствовать каждый скаут: «1) говорит правду и держит свое слово; 2) предан семье, народу, Отечеству и власти, честно исполняет свои обязанности; 3) всегда охотно помогает ближним; 4) друг всех людей доброй воли и брат каждого скаута; 5) чуткий, предупредительный и ведет себя по-рыцарски; 6) любит природу и защищает ее и ценные человеческие произведения; 7) слушается родителей, скаутских старшин и командиров; 8) всегда веселый, ласковый; 9) бережливый, имеет средства на “черный день”; 10) чист в мыслях, словах, поступках»⁷. Планировалось создать белорусскую организацию по образцу английских и американских бойскаутов, при этом менее военнизированной, чем польские харцеры. Небольшие скаутские отряды существовали на базе русских гимназий на западнобелорусской территории, однако их было крайне мало. В результате при поддержке общественного деятеля Б. Туронка 10 декабря 1922 г. при Виленской белорусской гимназии была организована первая белорусская

⁴ Лозка А. Беларускі скаўтынг. С. 20.

⁵ Віціцкі А. Беларускі скаўтынг // Запісы Беларускага Інстытута Навукі і Мастацтва. 2017. Т. 39. С. 14.

⁶ Сертухай У.П. Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі // Веснік Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2007. № 2. С. 32.

⁷ У.ІІІ. Кароткая гісторыя, змест і заданні скаўцтва. С. 9–10.

дружина скаутов из четырех разновозрастных отрядов, объединившая в общей сложности около 100 человек⁸, которую впоследствии возглавил ученик 8-го класса А. Прохоров. Практически сразу учитель В. Зенькович пожертвовал 100 тыс. польских марок на поддержку инициативы⁹. Белорусский художник и педагог Я. Дроздович, который примерно в это время хотел создать скаутскую дружину на Дисенщине (сегодня — Глубокский район Витебской области), предложил собственное название белорусских скаутов — «спрыт-гурмісты» (дословно переводится как «ловкая община»)¹⁰.

Виленские скауты, как и их предшественники в других учебных заведениях, вели культурно-просветительскую работу, занимались благотворительностью в пользу малоимущих учеников, организовывали концерты и спектакли, участвовали в спортивных состязаниях, хотели издать собственный журнал. Ученик Б. Каверда, принадлежавший к первой дружине, в 1923 г. в ученическом журнале «Рунь» описывал созданную гимназическими скаутами футбольную команду. Для нее был куплен соответствующий инвентарь. Однако футбольная активность в Виленской гимназии оказалась не слишком удачной: «...организация оказалась слабой и быстро развалилась. Футболом сейчас пользуется кучка учеников, которые захватили его в свои руки»¹¹.

В 1923 г. виленские скауты, несмотря на большой энтузиазм, столкнулись с проблемой финансирования, которого не хватало на приобретение необходимых вещей и обеспечение формой¹². К тому же в этом году польские власти запретили белорусский скаутинг, что заставило его на несколько лет организовать нелегальную деятельность в стенах гимназий.

После запрета скауты пытались продолжить свою деятельность. Они проводили экскурсии под руководством учителя географии И. Кончевского и издавали ученические журналы «Усход» («Восток»), «Зорка» («Звезда»), «Рунь», которые еще некоторое время были легальными. Одновременно учащиеся старших классов

⁸ Вініцкі А. Беларускі скаўтынг. С. 15.

⁹ Хроніка // Маладое жыццё. 1923. № 1. С. 21.

¹⁰ Каверда Б. Крыху аб скаўцтве // Рунь. 1923. № 3. С. 12.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Ляховіцкі У. В. Маладзёвы рух паміж дзвюма войнамі (1921–1939 гг.) // Спадчына. 2012. № 161. С. 75.

пропагандировали скаутское движение в своих деревнях во время каникул¹³. После 1925 г. активизировалось белорусское национальное движение. В частности, планировалось организовать молодежное крыло партии *Беларуская сялянска-работніцкая грамада* (Белорусская крестьянско-рабочая громада, БКРГ), которая объединяла бы подростков до 18 лет и имела похожую на скаутскую структуру¹⁴. Однако реализовать задуманное не удалось из-за противодействия польских властей.

Во второй половине 1920-х гг. активную работу на западнобелорусских землях вела миссия американских методистов. В 1926 г. в женском общежитии при Виленской белорусской гимназии была образована скаутская община девушек «Сёстры вогнішча» («Сестры костра») при поддержке миссионерок С. Браун и Броун. Американские методистки стремились воспитать подрастающее поколение в протестантском духе, также они обращали внимание на физическое воспитание и организацию белорусских культурно-просветительских мероприятий¹⁵. Известно, что 27 марта 1928 г. в «Сёстры вогнішча» вступили 20 гимназисток, а офицерами женских скаутов стали американки С. Браун и Рамбо. Кроме гимназии в Вильно, методисты организовали в феврале 1928 г. скаутскую общину для девушек в Радошковичской белорусской гимназии и курировали некоторые общежития. Так, они финансово поддерживали два общежития при Клецкой белорусской гимназии на 48 учеников¹⁶. Девичья скаутская община «Сёстры вогнішча» просуществовала до 1929 г. В результате мирового экономического кризиса американские протестанты свернули свою деятельность в Вильно, прекратив поддержку белорусских скаутов.

С 1928 г. основным направлением развития скаутского движения стало физическое воспитание. Белорусский военный и общественный деятель В. Козловский (псевд. Козловщик) собрал вокруг себя

¹³ *Вабішчэвіч А.М.* Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2002. № 18. С. 85.

¹⁴ *Вініцкі А.* Беларускі скаўтынг. С. 16.

¹⁵ *Ляхоўскі У.В.* Маладзёвы рух паміж дзвюма войнамі (1921–1939 гг.). С. 76.

¹⁶ *Бачышча Ю.* Дзейнасць царквы мэтадыстаў на ніве беларускага адраджэння ў 20–30-я гг. XX ст. // *Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць: зборнік матэрыялаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2014. С. 194–195.

Женский скаутский отряд «Сёстры вогнішча», действовавший в Виленской белорусской гимназии с 1926 по 1929 г. Эмиграционные коллекции Белорусского института науки и искусств

группу юношей и девушек из Виленской белорусской гимназии. Им же было подготовлено исследование «О физическом воспитании белорусов», в котором подчеркивалась значимость скаутинга и использование при работе с ним спортивных и народных игр¹⁷. Далее был подготовлен устав и гимн, придуманы правила и структура, разработаны символика и униформа. Новая скаутская гимназическая организация получила название «Гайсак», от белорусского слова *гойсаць*, что примерно означало рыскать, носиться, играть, соревноваться. Такое же название получила вновь образованная ученическая футбольная команда. В 1929 г. В. Козловский подал заявку в Варшаву на официальную регистрацию белорусской молодежной организации «Гайсак». Однако польские власти в регистрации отказали, посчитав ее деятельность нецелесообразной. Футбольная команда недолгое время участвовала в городских матчах, но затем также прекратила существование¹⁸.

¹⁷ Лозка А. Беларускі скаўтынг. С. 24.

¹⁸ Ляхойскі У. В. Маладзёвы рух паміж дзвюма войнамі (1921–1939 гг.). С. 76.

Хорошего уровня в физическом воспитании достигли учащиеся Новогрудской белорусской гимназии. Несмотря на отсутствие большинства спортивных принадлежностей, гимназисты активно проявляли себя в легкой атлетике, волейболе, боксе, лыжном спорте и шахматах. Очень хорошо развивался ученический футбол. Известно, что футбольная команда гимназии победила команду новогрудской городской полиции с преимуществом в три забитых мяча. В 1927 г. в состав футбольной команды гимназии в Новогрудке входили А. Руляк, М. Даманский, Б. Кит, С. Муха, Э. Ясюк, А. Вербицкий, Е. Гоцка, А. Самкович, В. Бахар¹⁹. К сожалению, точно неизвестно, существовала ли отдельная скаутская организация в новогрудской белорусской гимназии.

Общественно-политические процессы на рубеже 1920–1930-х гг. привели к закрытию белорусских гимназий в Радошковичах, Клецке и Новогрудке. Основной причиной этому послужило распространение леворадикальных идей и деятельность *Камуністычнага Саюза Моладзі Заходняй Беларусі* (Коммунистический союз молодежи Западной Беларуси, КСМЗБ), в который гимназисты активно вступали. Стремительно втягиваясь в политическую деятельность, ученики стали организовывать подпольные ячейки КСМЗБ, проводить школьные акции протеста, антиправительственные демонстрации и помогать белорусским политическим заключенным. Такая деятельность негативно повлияла на отношение со стороны польских властей²⁰. Учащиеся-комсомольцы крайне отрицательно относились к скаутам, считали, что последние были лояльными к правительству. Поэтому скауты в конце 1920-х — начале 1930-х гг. были не очень популярными в гимназической среде.

В 1932 г. Виленская гимназия стала белорусским филиалом польской государственной гимназии имени Ю. Словацкого, что привело к приостановке деятельности скаутов. Новая попытка организации виленских скаутов фиксируется в начале 1935 г., когда гимназисты-белорусы Вильно пытались создать автономную юношескую белорусскую дружину при «Виленской хоругви польских харцеров» (Виленский отдел польских скаутов)²¹. В переговорах со стороны

¹⁹ Чэмер А. Наваградская беларуская гімназія. Вільнюс. 1997. С. 42–43.

²⁰ Вабішчэвіч А.М. Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.). С. 86–88.

²¹ Хроніка. З беларускага жыцця. Скаўты ў Беларускай Гімназіі ў Вільні // Шлях моладзі. 1935. № 2. С. 15.

*Группа скаутов Виленской белорусской гимназии, 1936 г.
Фото из чехословацкого журнала «Skaut»*

белорусов выступали братья Паули. Польская сторона настаивала на признании белорусскими скаутами устава и главных принципов польских харцеров. В результате при активном участии старшеклассников Ч. Найдюка, А. Брезовского, Барановской, Громовой и других учащихся было образовано две дружины — юношей имени Ф. Богушевича под руководством учителя Н. Анцукевича и девушек имени св. Ефросинии Полоцкой под руководством А. Соколовой-Лекант — с несколькими подразделениями²². Были разработаны собственная символика и униформа, велась подготовка к изданию газеты «Беларускі скаўт» («Белорусский скаут»). Виленские скауты носили зеленую форму с погонами на рубашке и аксельбантами, на шею вместо платка надевали небольшой галстук, головным убором была или пилотка, или серая фуражка с треугольником и металлическим значком²³. В сентябре 1935 г. гимназические дружины приняли участие

²² Вніцкі А. Беларускі скаўтынг. С. 17–18.

²³ Лозка А. Беларускі скаўтынг. С. 24.

Скауты Виленской белорусской гимназии и их руководитель Н. Анцукевич, 1936–1937 гг. Центр исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа НАН Беларуси

в международном Всеславянском слете скаутов в местечке Спала в Лодзинском воеводстве²⁴.

В середине 1930-х гг. виленские скауты планировали образовать массовую белорусскую скаутскую организацию, которая бы охватила значительную часть западнобелорусской молодежи. Однако финансовое положение, организационные ресурсы и неблагоприятное отношение польской администрации к белорусам не давали возможности осуществить этот проект. В 1936 г. в Вильно был создан Кружок друзей белорусских скаутов. Возглавил эту организацию учитель католического Закона Божьего в Виленской гимназии ксендз С. Гляковский, а наиболее известными членами этого кружка были уже упомянутые В. Козловский, Ч. Найдюк, В. Манкевич, К. Крюк и Т. Верниковский. При кружке проводились экскурсии,

²⁴ *Серпухаў У.П.* Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі. С. 32.

культурно-просветительские мероприятия, специальные занятия по выживанию и физическому воспитанию. В гимназическом общении также проводились развлекательные мероприятия для учащихся²⁵. Благодаря С. Гляковскому издавался детский журнал «Пралескі» («Пролески»), в одном из номеров которого опубликованы правила белорусского скаута: не пить алкогольных напитков, не курить, помогать слабым, ценить природу, быть вежливым и не употреблять нецензурных выражений²⁶. 14 февраля 1937 г. председателем кружка был вновь избран С. Гляковский²⁷. Однако после 1937 г. сведения о деятельности белорусских скаутов в гимназиях теряются.

Несмотря на противодействие польских властей, а также организационные и финансовые трудности, организаторы белорусского скаутского движения внесли свой вклад в распространение национальной идеи в северо-восточных воеводствах межвоенной Польши. Они стремились к объединению молодежи, ее нравственному и патриотическому воспитанию. Большое внимание уделялось и физическому развитию учащихся. Участники белорусского скаутского движения активно занимались спортом, принимали участие в городских соревнованиях. Организации скаутов существовали в основном за счет энтузиазма учащихся и педагогов. Однако без внешней поддержки, особенно финансовой, скаутские организации постепенно угасали.

Источники

Малое жыццё. 1922–1923.

Рунь. 1923.

Шлях моладзі. 1935.

Беларуская крыніца. 1936–1937.

Літаратура

Бачышча Ю. Дзейнасць царквы мэтадыстаў на ніве беларускага адраджэння ў 20–30-я гг. XX ст. // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і

²⁵ З беларускага жыцця. Вечарына ў беларускіх скаўтаў // Беларуская крыніца. 1936. № 20. С. 3.

²⁶ Лозка А. Беларускі скаўтынг. С. 24.

²⁷ З беларускага жыцця. Сярод беларускае вучнёўскае моладзі // Беларуская крыніца. 1937. № 1. С. 3.

сучаснасць: зборнік матэрыялаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2014. С. 186–205.

Вабішчэвіч А.М. Беларускія гімназіі ў культурна-асветніцкім і грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі (1920–1930-я гг.) // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2002. № 18. С. 78–90.

Вініцкі А. Беларускі скаўтынг // Запісы Беларускага Інстытута Навукі і Мастацтва. 2017. Т. 39. С. 14–20.

Лозка А. Беларускі скаўтынг. Мінск: Полымя, 1997. 188 с.

Ляхоўскі У.В. Маладзёвы рух паміж двюма войнамі (1921–1939 гг.) // Спадчына. 2012. № 161. С. 3–115.

Серпухаў У.П. Дзейнасць вучнёўскіх гурткоў Віленскай беларускай гімназіі // Веснік Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2007. № 2. С. 28–34.

Чэмер А. Наваградская беларуская гімназія. Вільнюс: UAB Saverenas, 1997. 133 с.

References

Bachyshcha Yu. Dzeinasts' tsarkvy metadystaŭ na nive belaruskaha adradzhėnėnia ŭ 20–30-ia hh. XX st. In: *Evanhełskaia Tsarkva Belarusi: historyia i suchasnaści: zbornik materyialaŭ Mizhnarodnaŭ navukova-praktychnaŭ kanferėnsyi*. Minsk, Pazityŭ-tsentr, 2014, pp. 186–205. (In Bel.)

Chemer A. *Navahradskaja belaruskaja himnaziya*. Vil'nius, UAB Saverenas, 1997, 133 p.

Liakhoŭski U. V. Maladziovy rukh pamizh dzviumia voėnami (1921–1939 hh.). *Spadchyna*, 2012, no. 161, pp. 3–115. (In Bel.)

Lozka A. *Belaruski skaŭtynh*. Minsk, Polymia, 1997, 188 p. (In Bel.)

Serpukhaŭ U. P. Dzeinasts' vuchnioŭskikh hurtkoŭ Vilenskai belaruskai himnazii. *Vesnik Belaruskaha Dziarzhainaha Universiteta*. Ser. 3. Historyia. Filasofia. Psikhalohiia. Palitalohiia. Satsyialohiia. Ekanomika. Prava, 2007, no. 2, pp. 28–34. (In Bel.)

Vabishchėvich A. M. Belaruskii himnazii ŭ kul'turna-asvetnitskim i hramadska-palitychnym zhyttsi Zakhodniaŭ Belarusi (1920–1930-ia hh.). *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 2002, no. 18, pp. 78–90. (In Bel.)

Vinitski A. *Belaruski skaŭtynh. Zapisy Belaruskaha Instytutu Navuki i Ma-statstva*, 2017, vol. 39, pp. 14–20. (In Bel.)

Kirill D. Ananko

Postgraduate student
Yanka Kupala State University of Grodno
Republic of Belarus, 230023, Grodno, Oktyabr'skaya ul., build. 5
E-mail: kirixan@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8217-6674

The “Sprytgurmists and Haisaks”: the Scout Movement in Belarusian Gymnasiums of Interwar Poland

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.06

Abstract: The article reveals the activities of scouts in Belarusian gymnasiums that existed in the Eastern part of Poland during the interwar period. These institutions, where education was conducted in the Belarusian language, became centers of national and cultural development for Belarusians under the difficult conditions of the Polonization policy. The Polish state already had its own scouts — *harzers*. In order to distinguish themselves from the *harzers*, they invented self-names, such as *sprytgurmists*, and *haisaks*. The author points out that the first scout troop appeared at the Grodno Belarusian gymnasium, not in Nesvizh, as it was considered in the historiography. Belarusian scouts developed their activities in the Vilna, Radoshkovichi and Kletsk gymnasiums. Unfortunately, it is not known for certain whether such detachments or squads existed in the Novogrudok Belarusian gymnasium. Not only boys, but also girls were involved in the Belarusian scout movement. The author concludes that the movement has influenced the popularisation of the Belarusian national idea among young people, which counteracted the linguistic and cultural assimilation of the local population, facilitated the education of spiritual and moral values, and the development of physical abilities.

Keywords: scouts, scout movement, Belarusian gymnasiums, Western Belarus, interwar period

Игорь Игоревич Баринов

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А
E-mail: ingobarinov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

«Мое отношение к белорусскому делу неизменно»: личностная биография Андрея Боровского

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.07

Аннотация: В статье рассматривается биография Андрея Александровича Боровского, русского революционера, ставшего видным деятелем белорусского национального движения и возглавившим белорусскую дипломатическую миссию в Берлине. В силу ряда обстоятельств долгое время были известны лишь отрывочные сведения из его биографии, что не позволяло создать полную картину его жизни и деятельности. В определенном смысле биография Боровского стала слепком эпохи, в котором отразились общественно-политические изменения, свойственные поздней Российской империи и переломному революционному периоду. На примере личности Боровского можно проследить транзит идентичности от имперской к белорусской национальной, обусловленный рядом субъективных и объективных факторов и в целом характерный для описываемой эпохи. Статья основана на ранее неизвестных архивных документах.

Ключевые слова: Андрей Боровский, Белорусская народная республика, белорусское национальное движение

Андрей Александрович Боровский (1873–1945) не относится к числу деятелей белорусского национального движения, биографии которых были исследованы в научной литературе. Тем не менее в белорусской эмиграции своего времени он пользовался большим уважением и заслужил характеристику «верный сын белорусского народа». Действительно, Боровский участвовал в основных событиях белорусского национального движения первой половины XX в. — от революции 1917 г. до образования Белорусской центральной рады (БЦР) в 1943 г. Активный участник белорусских

внешнеполитических инициатив, Боровский долгое время возглавлял миссию Белорусской народной республики (БНР) в Берлине и оставался живым символом белорусской дипломатии даже после прекращения ее работы. К началу 1940-х гг. Боровский стал признанным дуаиеном белорусского сообщества в Германии. Этому способствовали его «доброе сердце» и «отзывчивая душа», о которых неизменно вспоминали соратники¹.

Подобный житийный подход к жизнеописанию Боровского заключал тот факт, что о нем практически ничего не известно. До сих пор из одной публикации в другую кочует информация о том, что Боровский учился в Юрьевском и Петербургском университетах и еще студентом примкнул к белорусскому движению². Ее источником является статья В. Соколовского, много работавшего с документами белорусской миссии в Берлине, которую возглавлял Боровский, однако автор не указывает, откуда он взял эти сведения. Из ранних лет будущего посла было известно лишь то, что он родился в Митаве. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка восстановить биографию Боровского и те обстоятельства, которые влияли на его жизненный выбор.

Андрей Боровский происходил из дворян Могилевской губернии. Отец будущего политика, Александр Иосифович Боровский (1847–1915), православного исповедания, получил домашнее образование и в возрасте 16-ти лет поступил на военную службу рядовым солдатом. По выслуге трех месяцев в январе 1865 г. Александр был принят унтер-офицером в 113-й пехотный Старорусский полк. В том же году он был направлен в Виленское пехотное юнкерское училище, которое окончил в августе 1867 г. по 2-му разряду с чином прапорщика. Следующие полтора года Боровский-старший прослужил в своей старой части, а в феврале 1869 г. был переведен в 114-й пехотный Новоторжский полк, стоявший в Митаве. 28 марта того же года состоялось производство в подпоручики³. 19 апреля 1870 г., когда полк находился на маневрах в районе Динабурга (совр. Даугавпилс), в городской Александрово-Невской церкви 22-летний подпоручик Боровский

¹ Архівы БНР. Вільня, 1998. С. 1111; Раница. 1945. № 7 (24.01).

² Сакалоўскі У.Л. Да вытокаў беларускай дыпламатыі: дзейнасць беларускай місіі ў Берліне // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2008. № 4. С. 218.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 24518. Л. 450.

заклучил брак с 17-летней дочерью коллежского регистратора Ольгой Александровной Николаевой⁴. На следующий день новоиспеченный супруг был произведен в поручики, а в декабре 1870 г. получил под командование роту. 28 ноября (10 декабря) 1873 г. в Митаве у Боровских родился Андрей — первый сын и второй по старшинству ребенок. 30 декабря того же года он был крещен в полковой Александро-Невской церкви⁵.

Основные вехи биографии Боровского-старшего говорят о том, что военная служба была для него скорее вынужденным шагом. Для отпрысков обедневших дворянских семей армия являлась, по сути, единственным социальным лифтом, дававшим некие гарантии благополучия. Низкие баллы в училище и многолетняя рутинная работа в ранге ротного командира — к 40 годам Боровский не поднялся в чинах выше капитана — в его случае говорят об отсутствии изначальных талантов к деятельности подобного рода. Усталость от строевой службы и необходимость содержать семью (кроме Андрея, в ней было еще пятеро детей) заставили Боровского-старшего вырваться из гарнизонного прозябания и перейти на бюрократическую работу. В июле 1886 г. он становится уездным воинским начальником в польском Серадзе, а в октябре 1890 г. возвращается на малую родину, в Могилевскую губернию. С того момента Боровский-старший последовательно занимал аналогичные должности в Сенно (до ноября 1904 г.), Орше (с ноября 1904 по июль 1907 гг.) и Могилеве (с июля 1907 г.). Как можно видеть, в этой роли Боровский-старший добился больших успехов. Награжденный всеми основными орденами, вплоть до ордена Св. Владимира 3-й ст., весьма высокого для обычного армейского офицера, в 1910 г. он вышел в отставку в чине полковника, отдав военной службе без малого полвека⁶.

Примечательно, что младшие сыновья Александра Иосифовича, в меньшей степени заставшие армейскую атмосферу, пошли по стопам отца и превзошли его. Так, Александр Александрович

⁴ Латвийский государственный исторический архив (LVVA). F. 232. Ap. 1. L. 64. Lp. 79 v.

⁵ Провинциальный архив Миккели (Mikkelin maakunta-arkisto). 114 Novotorzhskin jalkavärykmentin ortodoksinen sotilas seurakunta. Metrikka 1873 (I C:1). Ark. 4 v.

⁶ Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 414.

(1875–1939) окончил самое престижное в империи Павловское военное училище и Академию Генштаба в Петербурге, служил в гвардии. В годы Первой мировой войны Александр Боровский командовал полком, затем бригадой, и в итоге дослужился до генеральского чина⁷. Его брат, Сергей Александрович (1882–1968), окончил не менее престижное Александровское военное училище в Москве, в качестве полкового адъютанта отличился в русско-японской войне 1904–1905 гг. и лишь по причине болезни сердца был вынужден выйти в отставку в чине поручика⁸. Офицером стал и младший брат, Федор Александрович⁹. Выросший в гарнизоне Андрей Александрович, напротив, никогда не проявлял интереса к армейской службе. Его увлекающаяся натура с присущим ей благодушием не располагала, несмотря на природный ум, к систематической работе и даже не позволила Боровскому получить законченное образование. Жизненные обстоятельства при этом заставляли его, как и в свое время отца, заниматься тем, к чему у него изначально не было склонности.

Стоит отметить, что из-за постоянной перемены мест службы и жительства биография Боровского фрагментарна, и примерно восстановить ее удалось во многом благодаря случайным архивным находкам. Так, в Архиве г. Москвы обнаружилось личное дело Боровского — сотрудника Московской городской управы. В автобиографии он указывал, что «выбыл из 6-го класса Смоленской гимназии»¹⁰. История этого выбытия имела романтическую подоплеку. В начале 1896 г. выяснилось, что от Боровского ждет ребенка Каролина-Елизавета (Лина) Гейне, 28-летняя дочь купца из курляндского Гольдингена. Где гимназист познакомился со своей землячкой, к тому же на шесть лет старше себя, остается неизвестным. Как бы то ни было, уже 28 февраля 1896 г. Боровский получил по месту своей прописки в Сенно паспорт¹¹, и пара выехала в Москву. После лютеранского обряда оглашения, проведенного в Петропавловском соборе¹², Андрей

⁷ РГВИА. Ф. 409. П/с 19–601 (1916).

⁸ Там же. П/с 317–826 (1906).

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 233а (Особый отдел). Д. 2102. Л. 103.

¹⁰ Центральный государственный архив (ЦГА) Москвы. Ф. 179. Оп. 32. Д. 192. Л. 1 об.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 268. Л. 170 об.

¹² ЦГА Москвы. Ф. 1476. Оп. 2. Д. 13. Л. 163 об. — 164.

Боровский и Каролина Гейне 14 июля 1896 г. обвенчались в Ермолаевской церкви на Садовом кольце¹³. Ровно через три месяца, 14 октября, у супругов родился сын Андрей, который был крещен в Воскресенской церкви на Малой Бронной. Там же, в дешевом доходном доме Гирша, поселилась семья¹⁴. Впоследствии Боровский переехал на юго-запад Москвы и жил там до самого отъезда из города — вначале в Грибоедовом переулке (дом Бекез, квартира Волохонского), затем в Бутиковском переулке (дом Ульянова, квартира 14).

В автобиографии Боровский упоминает, что в это время работал в Московском обществе сельского хозяйства, занимаясь «текущей сельскохозяйственной статистикой». В начале 1897 г. Боровский присоединился к Экспедиции по исследованию степных областей, которая изучала территорию современного Казахстана на предмет дальнейшей колонизации. Имя Боровского упоминается в опубликованных отчетах экспедиции среди ее главных участников. Сам он указывал, что «заведовал самостоятельной партией по исследованию киргизского хозяйства»¹⁵.

Стоит отметить, что в ту пору занятия, связанные с земельным и крестьянским вопросами, часто шли рука об руку с интересом к общественным преобразованиям. В свою очередь профессии статистика и специалиста по сельскохозяйственной колонизации, набравшие популярность в преддверии столыпинской реформы, почти всегда означали социалистическую ориентацию их обладателя. При этом палитра политических взглядов была весьма обширной — от радикалов (эсеров и анархистов) до практически «системной» оппозиции в виде левых кадетов. Во время Степной экспедиции ближайшими сотрудниками молодого статистика не случайно были бывший народоволец Иван Уродков и будущий депутат 1-й Государственной думы от трудовиков Григорий Шапошников.

Примечательно, что биография Боровского как на более раннем этапе, так и позднее сильно напоминает жизненный путь другого белорусского активиста — Евсея Канчера. Точно так же не прошедший нужную школу, Канчер стремился возместить этот пробел изучением предмета на практике. Неутомимый организатор кооперации

¹³ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 402. Л. 251 об.

¹⁴ Там же. Д. 268. Л. 169 об. — 170.

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 32. Д. 192. Л. 1 об.

и сельского хозяйства, Канчер, как и Боровский, успел поработать на окраинах империи — на Кавказе и в Туркестане. Вместе с тем более энергичный Канчер активно занимался повышением квалификации на различных курсах и постоянно публиковался в профильных изданиях, чего нельзя сказать о Боровском. Их взгляды тоже различались: если собранный и методичный Канчер был по духу меньшевиком, то порывистый Боровский быстро эволюционировал от социал-демократов к эсерам. После революции оба деятеля по-своему осмыслили белорусскую составляющую своих политических взглядов. Так, Канчер рассматривал белорусские реалии скорее в рамках общероссийского контекста, пусть и с выраженными локальными особенностями, и в конечном итоге склонился к большевистскому централизму. Напротив, Боровский придавал большее значение местным проблемам. В итоге они оказались по разные стороны баррикад: Канчер в красном Петрограде, а Боровский — в стане «буржуазной» Белорусской народной республики.

Вернувшись из экспедиции в 1900 г., Боровский, по собственным словам, короткое время работал в оценочно-статистическом бюро Петербургского земства, а в 1902 г. вновь приехал в Москву, где «занимался коммерческой железнодорожной статистикой и исполнял обязанности коммерческого агента» в правлении Общества Московско-Казанской железной дороги. Как следует из личного дела, 15 января 1904 г. Боровский подал прошение на имя городского головы для предоставления ему занятий по благотворительному столу при Московской городской управе. Согласно резолюции от 9 февраля того же года Боровский был назначен на временные занятия «по собиранию сведений о бедных, обращающихся в городское попечительство, с окладом 50 рублей». Очевидно, сперва дела у него пошли хорошо — 1 марта 1905 г. его оклад был повышен до 75 рублей¹⁶. Тем не менее в скором времени Боровский пропал. В ноябре 1913 г. определением Петербургской духовной консистории брак Боровского с Каролиной Гейне был расторгнут по причине «безвестного более пяти лет отсутствия» супруга¹⁷.

Это исчезновение Боровского было напрямую связано с его «второй», скрытой жизнью. Как следует из документов Департамента

¹⁶ Там же. Л. 1 — 1 об.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 402. Л. 251а.

полиции, впервые он попал в поле зрения спецслужб еще в 1896 г., сразу после приезда в Москву — сосед Боровского по квартире оказался связан с революционерами. В следующий раз его имя всплыло в конце 1898 г., когда его вещи обнаружили у одного из членов Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса (ранней социал-демократической организации)¹⁸. Не случайно именно в это время Боровский спешно завербовался в экспедицию и уехал из Москвы.

О периоде жизни Боровского между 1905 и 1916 гг. мы узнаем из обширного досье, собранного на него в Департаменте полиции. Как выясняется, будущий дипломат был активистом эсеровской партии и участвовал в «организации боевых дружин и водворении оружия в г. Москву». В совершенно секретном сообщении Московского охранного отделения Боровский был назван «серьезным деятелем местной группы социалистов-революционеров». Другая характеристика именует его «личностью, крайне опасной для общества». После разгрома московской группы эсеров в июне 1905 г. он бежал за границу и осел в Берлине, однако уже 24 ноября того же года вернулся в Россию. В ночь на 4 февраля 1906 г. Боровский был арестован в доме Торопова на Малой Никитской улице и оказался в Московской губернской тюрьме (знаменитой «Таганке»). Уликами по делу стали «значительное количество нелегальной литературы и коробка с револьверными патронами». В ноябре того же года за намерение «заняться революционной деятельностью, направленной преимущественно в военную среду», он был первоначально приговорен к высылке на четыре года в Туруханский край. Прошения матери и жены Боровского на имя императора и министра внутренних дел о замене Сибири выдворением за границу остались без ответа. Тем не менее из-за «болезненного состояния» Боровского (хронический нефрит) наказание было заменено тремя годами ссылки в городке Тара Тобольской губернии. Примечательно, что за время краткого пребывания в Сибири, еще не получив развод от Каролины, Боровский женился второй раз — на Анне Михайловне Мосовой¹⁹.

Уже в апреле 1907 г. Боровский бежал из ссылки и вновь оказался за границей. До начала войны в августе 1914 г. он жил в Германии

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а (Особый отдел). Д. 2102. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 1–3, 37–38, 49; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 142 (4-е делопроизводство). Д. 1683. Л. 1, 10, 17, 60, 62, 79, 88 об.

(в частности, в Хеллерау близ Дрездена), после чего выехал в Швейцарию. По сообщениям зарубежной полицейской агентуры, Боровский имел в эмиграции «многочисленные связи и знакомства». Действительно, в его бумагах встречаются визитные карточки и письма самых разных людей. Среди них были видные деятели эмигрантской социал-демократии, такие как Григорий Алексинский и Максим Литвинов (будущий советский нарком), библиограф и писатель Николай Рубакин, один из лидеров эсеров, журналист Андрей Аргунов. Встречались среди контактов Боровского и люди искусства, такие как Сергей Дягилев и Лев Бакст, с которыми его, вероятно, познакомил брат Сергей, ставший после ухода из армии оперным певцом²⁰.

К этому же времени относятся контакты Боровского с Эмилем Жаком-Далькрозом, музыкальным педагогом, «отцом» ритмической гимнастики. Эта система эстетического воспитания в то время была очень популярна в Европе и России. Среди прочего, она предполагала формирование человеческой личности нового типа путем достижения гармонии психического и физического. В 1911 г. Далькроз открыл в Хеллерау, где жил Боровский, Институт ритма. Увлеченный его концепцией, Боровский стал редактором-издателем русской версии ежегодников института и участвовал в организации его мероприятий. Активно интересовался Боровский еще одной модной в ту пору идеей города-сада, заключавшейся в создании своеобразной гармонии города и деревни, где бы близость к природе благотворно влияла на человеческие взаимоотношения. Впоследствии Боровский указывал, что «состоял членом товарищества первого в Германии города-сада» в Хеллерау²¹. Как можно видеть, в этот период социалистические воззрения Боровского в определенном смысле приобрели утопические черты.

Оказавшись в Швейцарии, Боровский стал уполномоченным Бюро по розыску военнопленных русского-германского фронта. Официально оно было призвано собирать сведения о местонахождении австро-германских пленных в России в обмен на такие же сведения о русских пленных в Центральных державах. В Департаменте полиции считали, что это всего лишь прикрытие, благодаря которому Боровский, пользующийся доверием в социалистических кругах,

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а (Особый отдел). Д. 2102. Л. 88–90.

²¹ Там же. Оп. 142 (4-е делопроизводство). Д. 1683. Л. 97.

будет выполнять партийные поручения и станет «передаточной инстанцией социалистов-революционеров и социал-демократов». Боровский же, судя по всему, был слугой всех господ, выполняя поручения самого разного рода. Так, Департаменту полиции стало известно, что он привез с собой в Россию полученную из вторых рук русскую дипломатическую почту из Берна. При этом ранее Боровский был замечен там же в контактах с тайным германским агентом²². Учитывая круг его знакомств, он мог выполнять функции связного и курьера для кого угодно.

24 сентября 1915 г. Боровский кружным путем (через Англию, Норвегию и Швецию) прибыл в Петроград, откуда через Москву намеревался выехать в Могилев — официально для улаживания дел после смерти отца. После почти двухмесячного наблюдения, 11 ноября, полиция, наконец, решила арестовать его. 21 декабря 1915 г. Боровский прибыл по месту своей «старой» ссылки и был заключен в Тюменскую уездную тюрьму, но уже 4 января 1916 г. был освобожден из-под стражи и отправился в Москву²³.

С чем было связано столь быстрое освобождение Боровского? На этот вопрос может ответить прошение, поданное его братом, Александром Александровичем, на имя товарища министра внутренних дел Белецкого в конце ноября 1915 г. Из него следовало, что Боровский, несмотря на свое революционное прошлое, после начала войны «намерен был вернуться в Россию, дабы вступить в ряды защитников родины добровольцем», однако, «опасаясь быть задержанным, от этого воздерживался». Теперь же, находясь под арестом, он «во всем раскаивается» и «желал бы послужить чем-либо в такое тяжелое для Отечества время»²⁴. В это же время сам Боровский отправил телеграмму на имя министра внутренних дел Хвостова, где отмечал, что в эмиграции «занимался разработкой вопросов городского хозяйства»²⁵. Действительно, в 1911 г. Боровский упомянут в качестве «корреспондента из Москвы» на 3-м Международном конгрессе по жилищной гигиене в Дрездене. В том же году он назван «представителем от России» в репортаже о прошедшем там же 21-м конгрессе

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а (Особый отдел). Д. 2102. Л. 41–43.

²³ Там же. Л. 92, 101 об, 131.

²⁴ Там же. Оп. 142 (4-е делопроизводство). Д. 1683. Л. 96 — 96 об.

²⁵ Там же. Л. 97.

Союза немецких земельных реформаторов²⁶. Мы не знаем, получил ли Боровский какую-то должность в рамках заявленных интересов. Тем не менее снова выехать за границу, как он изначально намеревался, ему не позволили.

У нас нет сведений о том, чем занимался Боровский в революционный период с 1917 по 1921 гг. Вместе с тем в это время его имя впервые упоминается в белорусском контексте среди руководства Центрального союза потребительских обществ Белорусского края²⁷. В 1919 г. Боровский уже является членом Белорусского национального комитета в Вильне в качестве представителя белорусских эсеров и «активно участвует в развитии сельскохозяйственных и потребительских кооперативов в Виленском крае»²⁸. Наряду с прояснением деталей этого периода его биографии, больший интерес здесь вызывает вопрос, что заставило Боровского примкнуть к белорусскому движению. Его симпатии к левым, несомненно, проявились еще до революции. Тем не менее, в отличие от других белорусских социалистов, дворянин Боровский, выросший в русско-имперском (и частично имперско-немецком) окружении, очевидным образом не имел духовной связи с «белорускостью». Можно предположить, что осознание своей «малой» могилевской родины у Боровского произошло еще во время Степной экспедиции. Ее руководитель, Федор Щербина, который в свое время участвовал еще в «хождении в народ», впоследствии стал кубанским, а позже и украинским активистом. Подобное сочетание социальных и национальных лозунгов в принципе было свойственно политикам в аграрных регионах, таких как Украина, Кавказ, белорусские и частично балтийские губернии. Кроме того, революционные изменения нередко приводили «общероссийских» левых к мысли о необходимости преобразований на национальных территориях и в местных сообществах. В этом отношении социалистическая и националистическая ориентации не просто не входили в противоречие, но и дополняли друг друга.

²⁶ Hopf F.E. Bericht über den III. internationalen Kongreß für Wohnungshygiene in Dresden vom 2. bis 7. Oktober 1911. Dresden, 1912. S. 27; Sächsische Volkszeitung. 1911. № 128 (07.06). S. 1.

²⁷ Сакалоўскі У.Л. Да вытокаў беларускай дыпламатыі: дзейнасць беларускай місіі ў Берліне. С. 208.

²⁸ Пашкевіч А. Адзін «этап» Юр'я Сабалеўскага // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. 2008. № 31. С. 219.

Интересным моментом является и (ре)белорусизация Боровского. В условиях крушения старой общественной системы и связанной с ней духовно-интеллектуальной среды в ряде случаев мог произойти отход от русского как общепринятого языка образованного класса к национальным языкам. Своеобразный «возврат к корням», нередко происходивший в неполном или непоследовательном виде, тем не менее формировал новые паттерны идентичности, столь необходимой в изменившейся реальности. Личные письма Боровского лидерам БНР начала — середины 1920-х гг. написаны по-русски с вкраплением отдельных белорусских слов и выражений наподобие «сябры» и «грамадзяне». Более того, в начальный период берлинской жизни Боровский еще надеялся на возвращение к «старой» русской жизни. Так, в 1921 г. он вместе с юрисконсультom белорусской миссии Бруно Миллером стал одним из основателей русскоязычного издательства «Фаланга», выпускавшего различную печатную продукцию из «области военной науки»²⁹. Среди прочего, оно печатало журнал «Война и мир», «вестник науки и техники», основанный группой бывших офицеров русского Генштаба и идейно близкий к сменовеховцам. В сентябре того же года Боровский участвовал в вечере памяти Александра Блока, организованном «Союзом русских журналистов и литераторов в Германии»³⁰. В марте 1926 г. Боровский передал архив берлинской миссии БНР на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге, за что получил суровую отповедь от бывшего главы правительства БНР В. Ластовского³¹. Со временем Боровский, насколько можно судить, погрузился в белорусскую жизнь. Ничего не известно о его контактах с русской эмиграцией в 1930-е гг. В годы Второй мировой войны Боровский исполнял должность «корректора текстов» в белорусской редакции службы «Винета» Имперского министерства пропаганды³².

Взаимоотношения Боровского и белорусских активистов носили характер взаимовыгодного сотрудничества. Несомненно, белорусам, находившимся в политической изоляции, были к стати

²⁹ Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941. Berlin, 1999. S. 516.

³⁰ Ibid. S. 75.

³¹ Литовский центральный государственный архив (LCVA). Ф. 368. Ар. 1. В. 30. Лр. 2 — 2 в.

³² Вініцкі А. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі у Нямеччыне у 1939–1951 гг. Мінск, 1994. С. 17.

коммуникативные навыки Боровского и его способности. В ту пору дипкурьеры БНР сновали между государствами, доставляя документы и деньги, и формировали незримую сеть между белорусскими политическими центрами. Вполне возможно, что некоторое время Боровский исполнял именно такие функции. Для Боровского, в свою очередь, участие в развитии и поддержании белорусской идеи было связано с целой палитрой ощущений. Здесь, безусловно, была и романтика малой родины, и повседневно-бытовые интересы, связанные с улучшением своего общественного и материального положения, однако, как представляется, они не были решающими. В личности Боровского сочетались прагматизм и одухотворенность социалиста-утописта. И в том, и в другом русле он стремился к улучшению окружающего мира — недаром он выбирал для работы те сферы, которые были призваны содействовать этому (земельные отношения, благотворительность, деятельность в области литературы и искусства). Для Боровского БНР была прежде всего уникальным проектом общества равных. Ему импонировали социалистические взгляды ее руководителей и их программа, реализация которой могла бы стать примером для других народов.

Основная деятельность Боровского как белорусского политика связана с его пребыванием во главе миссии БНР в Берлине, форпосте международной политики белорусского движения. Как следует из документов, он получил назначение 4 апреля 1921 г. с месячным окладом в 3 тыс. марок, который уже в июле того же года был повышен до 4 тыс. марок³³. Боровский определенно стал наилучшей кандидатурой на эту должность. Так, он вырос еще в «старой», не знавшей русификации Курляндии, пронизанной балтийско-немецким духом, и не имел ни языкового, ни культурного барьера для работы в Германии. Свою роль, несомненно, сыграли предыдущий опыт пребывания в стране и талант завязывать знакомства.

Стоит отметить, что Боровский заступил на свой пост в непростое для белорусского движения время: уже был заключен Рижский мир между Советской Россией и Польшей, разделивший белорусские земли, а германское правительство рассматривало возможность установления контактов с Советской Белоруссией. Вероятно, Боровский осознал, что в текущих условиях рассчитывать

³³ ГА РФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4.

на политические успехи не приходилось, и сосредоточился на экономических вопросах — деятели белорусского движения тогда, как и прежде, остро нуждались в деньгах. Судя по сохранившимся документам, на появлявшиеся в немецких профильных изданиях объявления белорусских политиков, предлагавших поучаствовать в разработке природных богатств Белоруссии, было достаточно много откликов. Серьезным затруднением здесь было то, что правительство БНР не контролировало белорусскую территорию и, соответственно, сталкивалось с невозможностью предоставить доступ потенциальных инвесторов к рекламируемым богатствам. В частности, в июне 1921 г. в берлинскую миссию БНР поступило письмо из Кёнигсберга. Местный предприниматель, заинтересовавшийся белорусским лесом, просил назвать уполномоченный орган на месте, с которым следует связаться, и спрашивал, выдает ли миссия охранные грамоты «для ознакомительных поездок по территории Белоруссии»³⁴.

Наиболее крупным предприятием той поры стали взаимоотношения с фирмой IWEГ (Internationale Waren Export- und Import-Gesellschaft, Международное экспортно-импортное товарное общество). С ее помощью правительство БНР рассчитывало насытить промтоварами кооперативы Западной Белоруссии. Пытаясь играть на антипольских настроениях немцев, Боровский в меморандуме, подготовленном для IWEГ в августе 1921 г., отмечал, что Литва и Белоруссия, «столетиями составлявшие одно государство», и теперь экономически и политически связаны друг с другом, выступая в роли противовеса общему врагу — Польше. Литву Боровский описывал как «островок стабильности» на Востоке и обещал партнерам всяческие преференции, пусть и без монопольного права³⁵. Партнерство с IWEГ характеризовалась запутанной системой взаиморасчетов. Например, для быстрого получения денег предполагалось брать займы у третьей стороны, чтобы затем гасить их за счет денежных поступлений от фирм-посредников, реализующих товары IWEГ. Иногда для этих целей привлекались и физические лица, причем, чтобы снизить или обнулить комиссию по сделке, белорусская миссия кредитовала их еще не полученными деньгами, принимая под них

³⁴ Там же. Л. 30.

³⁵ Там же. Л. 5–8.

долговые расписки³⁶. О деловых качествах Боровского свидетельствует тот факт, что он мог запросто дать переписку с IWEG кому-то из контрагентов для ознакомления и потом долго требовать ее возвращения³⁷.

Насколько можно судить, в итоге просчитались обе стороны. Руководство IWEG не ориентировалось в актуальных белорусских реалиях. Заклячая эту сделку, оно, очевидно, намеревалось избавиться от неликвидных товаров, которыми был переполнен немецкий рынок. Белорусская сторона, в свою очередь, ожидала от правительства Литвы таможенных и транзитных льгот. Однако из-за обострения польско-литовских отношений западнобелорусский рынок, находившийся на подконтрольной полякам территории, оказался недоступен. Правительство БНР было вынуждено выплачивать неустойки и возвращать нереализованный товар немецким посредникам за свой счет³⁸. Последствия этой авантюры ощущались еще долго: даже в январе 1925 г. Боровский писал в Каунас, что материальное положение «совсем катастрофичное», и он живет «под постоянной угрозой судебного пристава»³⁹. Возможно, отчаянная денежная ситуация заставила Боровского продать архив бывшей миссии в Прагу.

Увлеченный финансовыми операциями, Боровский полностью забросил политическую работу. В марте 1922 г. министр иностранных дел А. Цвикевич писал главе правительства БНР В. Ластовскому: «В Берлине наше дело совсем заглохло. Нужно признать, что Андрей Александрович человек хоть и добрый, но как политический деятель — слабоват. Не дурак выпить и поболтать, но дальше этого обычно не идет. Его нужно подталкивать, ему нужно давать работу, так как у него самого мало инициативы»⁴⁰. Не способствовали нормальной деятельности миссии взаимное недоверие сотрудников и отсутствие нормальной организации ее деятельности. Как справедливо замечает В. Ляховский, политические лозунги на тот момент

³⁶ ГА РФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 11. Л. 24 — 25 об.

³⁷ Там же. Д. 10. Л. 10.

³⁸ *Ляховский В. В.* Несостоявшиеся проекты. Внешнеторговая деятельность белорусской политической эмиграции в 1919–1925 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6. 2019. № 2. С. 44.

³⁹ Архівы БНР. С. 1552.

⁴⁰ Там же. С. 1291.

«превзошли организационные возможности и людские ресурсы белорусского национального движения»⁴¹. Формально миссия прекратила свою работу в октябре 1925 г., после того как Цвикевич, возглавивший правительство БНР после Ластовского, передал его полномочия правительству БССР. Фактически же к тому моменту она уже почти год не функционировала.

После расформирования миссии Боровский до конца своих дней вел жизнь частного лица. Алесь Виницкий, собиравший сведения о белорусской эмиграции в Германии, указывал, что Боровский держал в Берлине бюро переводов⁴². Просмотр адресных книг Берлина за 1926–1943 гг., однако, не выявил Боровского ни среди владельцев таких организаций, ни среди зарегистрированных переводчиков. Скорее всего, он работал в различных организациях в качестве внештатного сотрудника. Так, в 1926 г. в берлинском издательстве «Айгенбрёдлер», которое специализировалось на выпуске художественной литературы, вышел сборник сочинений Льва Толстого в переводе Боровского⁴³. Любопытно, что во всех случаях, когда в справочнике встречается фамилия Боровского, его профессия указана как *Schriftsteller* («писатель», «литератор»)⁴⁴. Известно, что в хрестоматию «Родной край», изданную в 1946 г. в белорусском лагере для перемещенных лиц Ватенштет, был включен очерк Боровского «Беловежская пуца»⁴⁵.

Не позднее 1927 г. Боровский, до этого живший в центре Берлина⁴⁶, приобрел дом в районе Мальсдорф по адресу Брукзалерштрассе (Bruchsaler Str.), д. 38⁴⁷. Тогда, как и сейчас, это была восточная окраина города на границе двух земель (собственно Берлина и Бранденбурга), в ту пору еще малозастроенная. С 1936 г. по этому же адресу была зарегистрирована третья жена Боровского, Клара Самойловна Пергамс, уроженка Кёнигсберга, с которой он начал жить еще

⁴¹ Ляховский В.В. Несостоявшиеся проекты. С. 44.

⁴² *Вініцкі А.* Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі у Нямеччыне у 1939–1951 гг. С. 11.

⁴³ *Tolstoi L.* Wie die Liebe vergeht und andere Werke. Berlin, 1926.

⁴⁴ Berliner Adreßbuch 1943. S. 285.

⁴⁵ Беларускі і беларусаведны друк на Захадзе. Менск, 2003. С. 50.

⁴⁶ Адреса Боровского в Берлине: Вильгельмсхёэрштрассе, д. 17 (1912), Госслерштрассе, д. 20 (1922), Йоахимсталерштрассе, д. 4 (1923), Аугсбургерштрассе, д. 30 (1926).

⁴⁷ Berliner Adreßbuch 1928. S. 2052.

во времена первой эмиграции⁴⁸. Ее профессия сперва была указана как «мастерица», затем как «портниха». Фамилия супругов не имела устойчивого написания: в справочниках встречаются такие варианты, как *Borovskoy*, *Borowsky*, *Barovsky*. Примечательно, что Боровский не лукавил, когда писал Ластовскому, что его отношение к «белорусскому делу» неизменно⁴⁹. В 1932 г. два бывших виленских студента, Анатолий Шкутко и Михаил Москалик, поступившие в Высшую техническую школу в Шарлоттенбурге, поселились у Боровского. Тогда же они основали «Союз белорусских студентов в Германии». Дом Боровского в Мальсдорфе фигурировал как резиденция этой организации, а сам хозяин стал ее секретарем⁵⁰.

Вторая мировая война вырвала Боровского из его уединения. После поражения Польши на территории рейха оказалось большое количество белорусов из числа военнопленных. Ими занимались сразу две организации — Белорусское представительство (*Weissruthenische Vertrauensstelle*), созданное на рубеже 1939/1940 гг., и Белорусский комитет самопомощи, возникший при нем весной 1940 г. Роль Боровского в данном контексте остается неясной. Иногда в литературе встречается утверждение, что Боровский непродолжительное время был первым председателем Комитета⁵¹. В любом случае, достаточно быстро ведущие места в обеих структурах заняли представители молодого поколения белорусских активистов, в первую очередь Анатолий Шкутко, бывший квартирант Боровского, и Николай Абрамчик. Сам Боровский с 6 августа 1941 г. числился в белорусской редакции пропагандистской службы «Винета». Насколько велика была его нагрузка, или же речь шла скорее о синекуре, судить сложно. По крайней мере участие Боровского в работе БЦР было номинальным и ограничилось трехмесячным (с 16 октября 1944 г.) пребыванием в составе уставной комиссии Управления военных дел в качестве переводчика на гонорарной основе⁵².

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233а (Особый отдел). Д. 2102. Л. 146.

⁴⁹ LCVA. F. 368. Ap. 1. B. 30. Lp. 3.

⁵⁰ *Engelhardt E. von*. Weissruthenien: Volk und Land. Berlin, 1943. S. 216; *Biniūksi A.* Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гг. С. 11.

⁵¹ *Тушонак Ю.* Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943) // Беларускі гістарычны агляд. 2007. № 1–2. С. 87–88.

⁵² *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск, 2016. С. 323.

12 января 1945 г., когда Берлин сотрясали бомбардировки союзников, Боровский внезапно, на 72-м году жизни скончался. 17 января он был похоронен на ближайшем к его дому евангелическом кладбище, также известном как «Лесное кладбище на Рансдорферштрассе». Через несколько месяцев Мальсдорф вошел в состав советского сектора Берлина. К тому моменту белорусские политики уже покинули город. За могилой Боровского, очевидно, присматривала лишь его супруга. В конечном итоге бесхозное захоронение, как это принято в Германии, было ликвидировано, и на сегодняшний день его не существует.

* * *

Жизненный путь Андрея Боровского отразил в себе все основные этапы (пост)имперской истории, которые он успел застать. Выходец из благородного сословия, он на собственном опыте ощутил кризис и распад старого дворянского уклада, когда представители некогда главенствующего сословия становились заурядными служащими. Именно в пореформенную пору носители дворянского статуса столкнулись с проблемой, хорошо знакомой простолюдинам, — невозможностью в силу различных причин получить образование и заняться тем, к чему лежит душа. Фактическая утрата традиционных привилегий к концу XIX в. поставила перед российскими дворянами вопрос поиска новых коллективных идентичностей. В ряде случаев (особенно на национальных окраинах) у потомков дворянской элиты возникал интерес к региональной истории и осознанию себя в ней, что способствовало появлению локального патриотизма. При его сплавлении с политической активностью получались региональные активисты, которые нередко становились «отцами-основателями» местных национализмов. Подобный «возврат к корням» особенно рельефно ощущался в белорусском случае, где на начальном этапе протагонистами национального движения стали выходцы из сильно полонизированной / русифицированной шляхты.

Очевидно, такую эволюцию прошел и Боровский. Дворянин, превратившийся в разночинца, увлеченного социалистическими идеями, занимающийся популярным тогда делом (земской статистикой и кооперацией), он являл собой характерный для своего времени типаж. Юность, проведенная в Могилевской губернии, способствовала тому, что в ходе революционных потрясений он обратился к белорусской идентичности. Как представляется, белорусская идея не стала

для Боровского глубоким личным убеждением, как для многих его сотрудников. Он был скорее глубоким симпатизантом, чем пламенным борцом, в котором прагматизм сочетался с идеализмом и личной несобранностью. Несомненно, однако, что он сыграл немалую роль для белорусского политического представительства. В частности, Боровский старался как можно дольше поддерживать работу берлинской миссии БНР, а когда это стало невозможно — продолжал единолично символически представлять ее в Германии. Стоит отметить, что жизненная траектория Боровского не была нацелена на удержание старого социального статуса или обретение более высокого нового, как это часто бывало в ту пору. Особенности его личности и предыдущий образ жизни подтверждают искренность его порывов и заблуждений. Вероятно, именно эта изменчивость привела к тому, что со временем биография «патриарха» белорусского движения практически полностью забылась.

Источники

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1, кн. 2. Вільня: Наша Ніва, 1998. 870 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции), Р5782 (Белорусское бюро печати в Берлине).

Латвийский государственный исторический архив (LVVA). Ф. 232.

Литовский центральный государственный архив (LCVA). Ф. 368.

Провинциальный архив Миккели, Финляндия (Mikkelin maakunta-arkisto). Ф. 114.

Российский государственный военный исторический архив (РГВИА). Ф. 400, 409.

Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1 марта 1910 г. СПб., 1910. 1580 с.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 179, 203, 1476.

Berliner Adreßbuch. Berlin: Scherl, 1928. 7370 S.

Berliner Adreßbuch. Berlin: Scherl, 1943. 7062 S.

Sächsische Volkszeitung. 1911. № 128 (07.06).

Литература

Беларускі й беларусаведны друк на Захадзе. Менск: БІНІМ, 2003. 582 с.

Вініцкі А. Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі у Нямеччыне у 1939–1951 гг. Мінск: Тэхналогія, 1994. 231 с.

Гардзіенка А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск: Кнігазбор, 2016. 478 с.

Ляховский В. В. Несостоявшиеся проекты. Внешнеторговая деятельность белорусской политической эмиграции в 1919–1925 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6. 2019. № 2. С. 41–46.

Пашкевіч А. Адзін «этап» Юр'я Сабалеўскага // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі й Мастацтва. 2008. № 31. С. 144–260.

Раніца. 1945. № 7 (24.01).

Сакалоўскі У.Л. Да вытокаў беларускай дыпламатыі: дзейнасць беларускай місіі ў Берліне // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2008. № 4. С. 217–230.

Тушонак Ю. Дзейнасць групы Фабіяна Акінчыца (1939–1943) // Беларускі гістарычны агляд. 2007. № 1–2. С. 81–96.

Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941. Berlin: Akademie, 1999. 671 S.

Engelhardt E. von. Weissruthenien: Volk und Land. Berlin: Volk und Reich, 1943. 358 S.

Hopf F. E. Bericht über den III. internationalen Kongreß für Wohnungshygiene in Dresden vom 2. bis 7. Oktober 1911. Dresden: Buchdruckerei der Dr. Güntzschen-Stiftung, 1912. 970 S.

Tolstoi L. Wie die Liebe vergeht und andere Werke. Berlin: Eigenbrödler, 1926. 358 S.

References

Belaruski ŭ belarusavedny druk na Zakhadze. Minsk, BINIM, 2003, 582 p. (In Bel.)

Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941. Berlin, Akademie, 1999, 671 p. (In Germ.)

Engelhardt E. von. Weissruthenien: Volk und Land. Berlin, Volk und Reich, 1943, 358 p. (In Germ.)

Hardzijenka A. *Belaruskaja Tsentral'naja Rada (BTsR): stvarènne, dzeŭnasts', zaniapad, 1943–1995*. Minsk, Knihazbor, 2016, 478 p. (In Bel.)

Hopf F. E. *Bericht über den III. internationalen Kongreß für Wohnungshygiene in Dresden vom 2. bis 7. Oktober 1911*. Dresden, Buchdruckerei der Dr. Güntzschen-Stiftung, 1912, 970 p. (In Germ.)

Liachovskii V. V. Nesostoiavshiesia projekty. Vneshnetorgovaia deiatel'nost' belorusskoi politicheskoi emigratsii v 1919–1925 gg. *Trudy BGTU*, ser. 6, 2019, no. 2, pp. 41–46. (In Russ.)

Pashkevich A. Adzin "этап" Iur'ia Sabaleŭskaha. *Zapisy Belaruskaha Instytutu Navuki ŭ Mastatstva*, 2008, no. 31, pp. 144–260. (In Bel.)

Ranitsa, 1945, no. 7 (24.01.1945). (In Bel.)

Sakaloŭski U. L. Da vytokaŭ belaruskaj dyplamatyi: dzeŭnasts' belaruskaj mi-sii ŭ Berline. *Satsyjal'na-ėkanamichnyia i pravavyya dasledavanni*, 2008, no. 4, pp. 217–230. (In Bel.)

Tolstoi L. *Wie die Liebe vergeht und andere Werke*. Berlin, Eigenbröddler, 1926, 358 p. (In Germ.)

Turonak Iu. Dzeŭnasts' hrupy Fabiiiana Akinchytsa (1939–1943). *Belaruski histarychny ahliad*, 2007, no. 1–2, pp. 81–96. (In Bel.)

Vinitski A. *Mataŕialy da historyi belaruskaj ěmihratsyi u Niamechchynе u 1939–1951 hh*. Minsk, Tėkhnalohiia, 1994, 231 p. (In Bel.)

Igor I. Barinov

PhD (History)

Senior Researcher

Institute of Slavic Studies

Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

“My Attitude towards the Belarusian Movement has not Changed”: The Personal Biography of Andrei Borovsky

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.07

Abstract: The article examines the biography of Andrei Aleksandrovich Borovsky, a Russian revolutionary who became a prominent figure in the Belarusian national movement and head of the Belarusian diplomatic mission in Berlin. Due to various circumstances, only fragmentary information about him and his life was available, not allowing to create an adequate picture of his life and activities. Thus, the reassembled biography of Borovsky provides a broader reflection on the socio-political changes in the late Russian Empire and during the revolutionary period. Using the example of Borovsky's personality, one can trace the transit from Russian imperial to Belarusian national identity, conditioned by a number of subjective and objective factors and a general characterisation of the described period in Russian history. The article is based on previously unknown archival sources.

Keywords: Andrei Borovsky, Belarusian People's Republic, Belarusian national movement

Андрей Владиславович Ганин

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32-А
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

**«Украина в 1919 г. представляла кипящий котел...» Полковник Н. Ф. Соколовский
о белом подполье на Украине
в 1919 году: показания 1922 года**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.08

Аннотация: Статья представляет собой публикацию показаний бывшего белого подпольщика в Киеве полковника Н. Ф. Соколовского, данных на следствии в Москве в 1922 г. Н. Ф. Соколовский в 1919 г. по заданию антибольшевистского подполья вступил в ряды Красной армии и передавал белым различные сведения. Впоследствии он перешел на сторону белых и представил белому командованию доклад о своей работе с подробным описанием достигнутого. Позднее доклад попал к красным, а сам Соколовский после Гражданской войны вернулся в Советскую Россию из эмиграции и был отдан под суд. На суде с привлечением советских военных экспертов его доклад рассматривался на предмет достоверности. Показания Соколовского по этому вопросу представляют большой научный интерес и раскрывают прежде неизвестные подробности работы Киевского центра Добровольческой армии и некоторые особенности Гражданской войны на Украине в 1919 г.

Ключевые слова: белое подполье, Украина, Советская Россия, Киевский центр Добровольческой армии, Н. Ф. Соколовский

После завершения в 1920 г. широкомасштабной Гражданской войны в России в руки победителей попало немало интересных для оценки прошедшего конфликта документов. Часть материалов могла представлять в том числе и оперативный интерес для органов госбезопасности.

К таким материалам, например, относился доклад белого подпольщика в красном Царицыне, начальника штаба Северо-Кавказского

военного округа бывшего генерала А.Л. Носовича командованию Добровольческой армии¹. В 1922 г. закордонная часть Иностранного отдела Государственного политического управления (ГПУ) обнаружила и направила заместителю начальника Особого отдела ГПУ А.Х. Артузову копию этого документа². В результате Особый отдел ГПУ вернулся к изучению дела о заговорах в Царицыне летом 1918 г. (скорее всего, это было связано с подготовкой процесса над эсерами). Чекистами для видного работника ГПУ С.М. Шпигельгласа был составлен список всех персоналий, упомянутых в документе в качестве белых подпольщиков или французских представителей³.

Этот случай не был единичным. Иногда чекистам попадались не только документы, но и сами бывшие белые подпольщики. Именно такой эпизод связан с возвращением из эмиграции в Советскую Россию бывшего полковника Николая Федоровича Соколовского (26.02.1884–19.08.1938), который в 1919 г., будучи военспецом Красной армии и занимая ответственные посты, тайно работал на белых в красном Киеве.

Н. Ф. Соколовский был высокообразованным офицером, выпускником Императорской Николаевской военной академии. С марта 1919 г. он служил начальником 2-го отделения административной части, затем (с мая 1919 г.) начальником административной части Киевского губернского военного комиссариата, позднее работником штаба внутреннего фронта и (с конца мая 1919 г.) помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба Народного комиссариата по военным и морским делам Украинской ССР (УССР). Затем он вновь оказался в губвоенкомате в распоряжении военного комиссара, непродолжительное время работал в оперативном отделении окружного военкомата и исполнял поручения по делам внутреннего фронта. При оставлении города красными он остался и перешел на сторону денikinцев. После того как Соколовский в начале

¹ Публикацию документа см.: *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / Под ред. А.В. Ганина. М.: СПб., 2021. С. 417–428.

² Архив Управления ФСБ России (УФСБ) по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063. Л. 189.

³ Там же. Л. 186. Также см.: *Ганин А.В.* «Носович и Ковалевский — люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 5–13.

1922 г. вернулся на родину, его арестовали. Он содержался в Москве, во внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке, но в том же году Соколовского освободили. Расстреляли его позднее, в 1938 г., в период Большого террора.

К моменту возвращения Соколовского в Советской России уже имелась копия его доклада 1919 г. на имя полковника Р.К. фон Баумгартена (представителя белого командования) о подпольной работе⁴. Этот документ, равно как и обстоятельства тайной службы офицера, потребовали тщательного расследования с привлечением военных экспертов и участников событий в районе Киева в 1919 г. Материалы расследования сохранились в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ).

Для понимания того, что на самом деле происходило в киевском белом подполье в 1919 г., чрезвычайно важны показания самого Соколовского по этому вопросу, данные в 1922 г. Ниже впервые публикуются шесть показаний белого подпольщика. Следует учитывать, что это крайне сложный исторический источник, относиться к которому нужно с осторожностью, поскольку вполне откровенным на допросах арестованный быть не мог. Показания касались как непосредственной работы Соколовского на Украине, так и его прошлого — происхождения, прежней службы, взглядов. Соколовский рассказал на допросах о своей тяжелой жизни в старой России, когда с детства приходилось зарабатывать на кусок хлеба. Искренне или пытаясь заискивать перед следователем, он утверждал, что придерживался либеральных взглядов и сочувствовал революции, опасаясь лишь того, как революционные потрясения отразятся на фронте и на возможности России одержать победу в Первой мировой войне.

Соколовский признал факты своего сотрудничества с белыми подпольщиками в Киеве. Он также отметил, что один из руководителей киевского белого подполья полковник А.В. Станиславский, скрывавшийся под псевдонимом Антонович, предлагал ему вступить в Главное управление Генерального штаба Украинской народной республики, чтобы осведомлять белое командование о планах

⁴ Публикацию документа см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20. Интересно, что одна из копий доклада Соколовского имеется и в упомянутом выше деле о белом подполье в Царицыне (Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063. Л. 231–233).

руководства войск Директории. Якобы соответствующее приказание было дано Соколовскому чуть ли не за подписью верховного руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева. Однако это невозможно хронологически, поскольку Директория пришла к власти уже после смерти Алексеева. В других показаниях Соколовский отметил, что речь шла лишь об общем приказе Алексеева о задачах русского офицерства и особенно Генштаба. Как бы то ни было, Соколовский на украинскую службу, видимо, попасть не успел, так как Киев 5 февраля 1919 г. был взят частями Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). Вслед за этим руководство Киевского центра Добровольческой армии предложило Соколовскому вступить для осведомления белых уже в РККА.

Арестованный утверждал, что присоединился к подпольщикам из-за угроз с их стороны, а за сотрудничество ему якобы обещали реабилитацию перед белыми в будущем. Однако вынужденная секретная работа представляется малопродуктивной — едва ли такой сотрудник будет вполне надежным, добросовестным и инициативным. Вполне возможно, что Соколовский на допросах в Москве скрыл от следователей то, что примкнул к подпольщикам по идейным соображениям. Тем более никаких противоречий во взглядах между ними не прослеживается.

Если верить показаниям арестованного, уже на службе в РККА он понял, что красные не столь страшны, как их рисовала антибольшевистская пропаганда. Думается, это честное признание. Вместе с тем это и проговорка относительно мотивов сотрудничества с подпольем. Судя по всему, главной причиной такого сотрудничества было резкое неприятие большевиков, в том числе за организацию красного террора. Соколовский свидетельствовал, что стал предоставлять белым безобидные сведения об РККА, но, чтобы исключить саму возможность продуктивной работы на белых, старался уклоняться от назначений на ответственные посты, позволявшие получать более ценную информацию. Эти свидетельства не выглядят правдоподобными и противоречат другим утверждениям самого же офицера, а также фактам его службы на ответственных должностях. В своем докладе белому командованию в 1919 г. Соколовский, наоборот, старался показать, что вел в РККА огромную подрывную работу. Кроме того, если Соколовского смогли внедрить в Красную армию угрозами или шантажом и он боялся своих кураторов из Киевского центра,

непонятно, почему он вдруг преодолел страх и стал поставлять им маловажные сведения. Якобы он сам смог запугать руководителей подполья полковников Станиславского и Н. В. Ерарского, сообщив им, что красные их разыскивают. После этого Ерарский и Станиславский скрылись.

Далее — еще одно противоречие в показаниях. Если прежние кураторы скрылись, неясно, каким образом вдруг объявился и вышел на связь новый руководитель в лице однокашника Соколовского по старой академии полковника Р. К. фон Баумгартена. Следовательно, возможность выхода центра на агента сохранялась. Под угрозами со стороны Баумгартена Соколовский продолжил подпольную работу. Однако подобные утверждения представляются вымыслом — угрозы своему товарищу были предосудительным поступком и явным нарушением корпоративной этики выпускников академии того времени. При эвакуации красными Киева Соколовский неожиданно встретил в некоем лесу Станиславского и вновь сообщил тому какие-то данные. Такое свидетельство выглядит уже откровенной насмешкой над квалификацией следователей — встреча двух знакомых в лесу без договоренности сама по себе маловероятна, а в данном случае произошла случайная встреча двух белых подпольщиков. Если же встреча была не случайной, значит, Соколовский продолжал работать на белое подполье. Наконец, Соколовский упомянул и о своем тяжелом семейном положении (больная супруга и двое малолетних детей), якобы вынуждавшем идти на любые компромиссы.

Свой доклад белому командованию он охарактеризовал как сплошную подтасовку фактов, чтобы обезопасить себя и своих сослуживцев при разбирательстве у белых. Едва ли это было так (на суде доклад признали недостоверным на $\frac{3}{4}$, что не менее странно). Разумеется, любой агент старается представить свою работу в максимально выигрышном свете. Поэтому, вполне возможно, доклад Соколовского содержал преувеличения относительно размаха его тайной работы. Тем не менее, на наш взгляд, он выглядит правдоподобно.

Что же показал Соколовский? Он утверждал, что не мог препятствовать мобилизационным мероприятиям на Украине, не мог тормозить формирование частей, вносить путаницу, так как лишь ведал регистрацией бывших офицеров. Далее, однако, Соколовский признал, что по должности помощника начальника отдела обороны наркомата по военным и морским делам УССР через него проходили

документы о новых формированиях⁵. В следующих показаниях содержались признания, что создание новых частей Соколовский все-таки тормозил⁶, предоставлял белым сведения о регистрации бывших офицеров, в том числе данные из анкет о политических настроениях, характеристики командного состава РККА и руководящих украинских советских военных работников⁷. Эта информация была уже вполне значимой для белых спецслужб и командования.

Соколовский отметил, что добросовестно боролся с бандитизмом и петлюровщиной. В последнем случае, возможно, он и не кривил душой, так как основная масса генштабистов старой школы, будучи по своему мировоззрению русскими националистами, воспитанными в имперском духе, считала украинский национализм враждебным явлением.

Свидетельства Соколовского о том, что он не имел дела с указанными в докладе лицами, как минимум сомнительны. В частности, на допросе 6 июня 1922 г. он отрицал какое-либо взаимодействие с упомянутым в документе В. Б. Можаровским, служившим помощником начальника штаба в оперативном отделе киевского окружного военного комиссариата. Однако в показаниях от 12 июля того же года читаем: «С гр[ажданином] Можаровским я познакомился в конце июля 1919 г. в Киеве. Можаровский был на внутреннем фронте и действовал против банд в районе Киев — Триполье. Это был очень преданный советской власти человек, и я слышал о нем хорошие отзывы»⁸. Позднее, уже в 1920 г., Можаровский стал доверенным лицом Соколовского в серьезной операции по сдаче красным армии генерала П. Н. Врангеля⁹. В заявлении самого Можаровского начальнику специального отделения ВЧК от 24 января 1921 г. отмечено: «Дальнейшая же моя деятельность на территории белых, укрывательство от службы у них и работа в противоврангелевской организации быв[шего] полковника Соколовского Николая Федоровича, где я на каждом шагу рисковал жизнью, чистая идейность и бескорыстие

⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-28574. Л. 31 об.

⁶ Там же. Л. 44 об.

⁷ Там же. Л. 45 — 46 об., 59.

⁸ Там же. Л. 87.

⁹ Подробнее см.: Ганин А.В. Свергнуть Врангеля и сдать его армию красным! // Родина. 2023. № 7. С. 102–107.

в этой работе, все это может быть удостоверено самим Соколовским»¹⁰. Конечно, все это происходило позднее анализируемых событий, но чтобы стать доверенным лицом в вопросе, за ошибку в котором можно было поплатиться жизнью, требовался определенный стаж сотрудничества. В этой связи можно предположить, что Соколовский и Можаровский действительно вместе работали в белом подполье в 1919 г.

6 июня 1922 г. Соколовский вскользь упомянул об имевшихся у него симпатиях к белым: «Издали из Киева идея Добрармии очень заманчива была мне, старому офицеру... Нужно было сильно переболеть и в итоге излечиться от той белой идеи, которая в грязных руках стала тем, что от нее отвернулось все честное, все любящее свою родину Россию и ее народ»¹¹. В показаниях от 13 июня читаем: «Будучи кадровым офицером и имея 16 лет службы в старой армии, я не мог не относиться сочувственно к идеям восстановления России и поэтому разделял тогдашние замыслы генерала Алексеева»¹². Таким образом, нет никаких противоречий в том, что сторонник белых добросовестно и активно работал на антибольшевистское подполье, находясь на ответственных постах в РККА. Неясны лишь масштабы и эффективность такой работы.

Быть может, в дальнейшем Соколовский действительно разочаровался в белых, что привело его сначала к попытке сдать армию Врангеля красным, затем к сотрудничеству с советской агентурой в эмиграции, а позднее к возвращению в Советскую Россию. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

В 1922 г., чтобы избежать возможного расстрела, Соколовский придумал множество оправданий, которые могли бы, в его представлении, смягчить приговор и уменьшить вину. Следовательно, заместитель председателя Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК большевик В. В. Сорокин ему не поверил и 9 июня 1922 г. попросил восстановить доклад 1919 г. по памяти «без всяких комментариев, пояснений и оправданий», на что Соколовский ответил отказом за давностью лет¹³. В итоге избранная им тактика сработала. Во всяком случае Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК, судившая

¹⁰ ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 79.

¹¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 23.

¹² Там же. Л. 58 об.

¹³ Там же. Л. 43.

Соколовского 26–27 сентября 1922 г., приговорила его к лишению свободы на три года, но по амнистии освободила от наказания в зале суда.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

№ 1

Ответы Н. Ф. Соколовского на заданные ему вопросы

Ответы на вопросы

I. Происхожу из мещан Гродненской губ.¹⁴ Отец служил в экономике Скидель Четвертинских¹⁵. Службу занимал помощ[ника] [скидельского эконома. Никакого имущества земельного у родных не было.

В 8–9 лет, лишившись родителей, я воспитывался у своей сестры и тетки родительницы до 12 лет (Сувалкская губ., дер. Лаповичи).

В 12 лет меня взяла к себе на воспитание другая моя сестра, замужняя в гор[оде] Поневеж Ков[ельской] губ. Здесь я начал готовиться в реальное училище и поступил во 2-й класс. Круг знакомства исключительно мои сверстники, в большинстве случаев — литовцы-крестьяне.

С 3-го класса мне пришлось зарабатывать самому на свою жизнь, так я дотянул до 6-го класса, учился средне, иногда хорошо. Не имея никаких средств, я решил пойти на воен[ную] службу, почему в 1902 году поступил в Вил[енское] воен[ное] учил[ище]¹⁶, где окончил курс отлично. В 1905 г. военная служба меня захватила, и я решил дальше продолжать свое образование. Выйдя в 89[-й] Белом[орский] полк в гор[од] Ревель, я с первого дня начал готовиться в академию. Знакомства были крайне ограничены, т[ак] к[ак] не было времени на это. Я много учился, посещал театр, жил для службы, для солдата.

¹⁴ По документам Н. Ф. Соколовский происходил из мещан Ковенской губернии, но был уроженцем Гродненской губернии.

¹⁵ Скидель — пригород Гродно, усадьба князей Четвертинских.

¹⁶ Здесь и далее правильно — Виленское пехотное юнкерское училище. Переименовано в военное в 1910 г.

II. В 1902 году поступил в Вил[енское] воен[ное] учил[ище]. В 1905 г. окончил. Вышел в 89[-й] пех[отный] Беломорский полк — Ревель. До 1909 года в строю в роли младшего офицера. В 1909 г. поступил в Воен[ную] академию, каковую кончил в 1912 году¹⁷.

С 1912 по 1914 года отбывал ценз командования ротой. С января 1915 г. по окт[ябрь] 1916 г. — старший адъютант Генштаба в штабе 23[-й] пех[отной] дивизии, с ноября 1916 г. по 1 июня 1917 года штаб-офицер для поручений в VII Сиб[ирском] корпусе. С июня¹⁸ 1917 по ноябрь 1917 г. — нач[альник] штаба 13[-й] Сиб[ирской] дивизии. С начала ноября 1917 г. по март 1918 г. наштакор¹⁹ VII Сибирского, с этой должности и демобилизовался.

III. Я всегда был либеральных взглядов, политика меня мало интересовала, хотя я много читал. Считал всегда, что свой либерализм лучше всего доказать на своем ближнем — солдате, поэтому, не заискивая перед ним, я всегда был любим как начальник за свой ровный характер, справедливость.

Наступление революции меня не поразило, я знал, что рано или поздно она будет, это было слишком ясно.

Одного я боялся, чтобы война или вернее возможность закончить ее, не пострадали бы от революции. Как либерал я вполне сочувствовал освобождению Родины. Для меня на первом плане было величие Родины и народа, а это, казалось, достигалось революцией. От революции я не пострадал, а продолжал так же честно служить до конца.

IV. Октябрьскую революцию я встретил как следствие бессилия Врем[енного] пр[авительст]ва. Кто-то должен более умелый и сильный взять власть в руки — это сделали большевики, и я продолжал одинаково служить. Я был избран наштакором VII Сиб[ирского] и до последней минуты демобилизации остался служить. Ушел последний солдат, ушел и я. Никакого противодействия я не оказывал. С апреля 1918 г. по сентябрь 1918 г. я жил со своей семьей в Могилеве губернском, где работал как грузчик, маляр и т.д. С сентября 1918 г. по март 1919 г. я был в Киеве, м[естечко] Боярка и служил в ликвид[ационной] комиссии Ю[го-]З[ападного] фронта — первые месяцы 1919 г. я был безработным.

¹⁷ Соколовский окончил академию по 2-му разряду.

¹⁸ По служебным документам — с 14 августа 1917 г.

¹⁹ Здесь и далее — начальник штаба корпуса.

VI²⁰. В марте 1919 г. я поступил в Киев[ский] губ[ернский] комис[сариат], где служил до июня 1919 г. Поступил я по своему желанию. В Киеве я служил в комиссариате по должности нач[альника] отделения администр[ативной] части. Последний месяц был в должности н[ачальни]ка адм[инистративной] части.

С июня 1919 г. согласно приказа по Наркомвоен Украины все быв[шие] офицеры Генштаба должны были быть переведены в Наркомвоен. Я перешел туда на должность одного из 3-х помощ[ников] начальника отдела обороны (нач[альник] отдела Шидловский²¹, нач[альник] управл[ения] т.²² Шапошников²³, нач[альник] штаба т. Соковнин²⁴), до конца июля я был на этой должности. Затем по сокращении штатов Наркомвоен откомандирован в Киев[ский] губ[ернский] комиссариат, где помогал военруку по ликвидации банд. Непосредственного участия не принимал, а был советником.

В первых числах августа был взят в Окрвоенком[ат]²⁵, в оператив[ное] отделение — там пробыл не более 10–12 дней. Затем исполнял разные поручения в Окрвоенком[ате], преимущественно по мероприятиям борьбы на внутр[еннем] фронте. Нач[альником] штаба внутр[еннего] фронта был т. Берзин²⁶, я же таковой не занимал, так как мне и не назначали²⁷. В последние 2–3 дня я был у тов. Павлова²⁸ (комис[сар] губ[ернского] военкомата) Киевского²⁹) в роли совет-

²⁰ Так в документе.

²¹ Правильно — Шидловский. Шидловский Евгений Александрович (21.11.1889–27.05.1952) — бывший капитан, военный специалист РККА, начальник отдела обороны Народного комиссариата по военным делам УССР.

²² Здесь и далее — товарищ.

²³ Шапошников Борис Михайлович (20.09.1882–26.03.1945) — бывший полковник, военный специалист РККА. Первый помощник начальника штаба наркомата по военным делам Украинской ССР (с 04.03.1919).

²⁴ Соковнин Михаил Алексеевич (18.10.1863–21.01.1943) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Начальник штаба Народного комиссариата по военным делам УССР.

²⁵ Окружной военный комиссариат.

²⁶ Берзин Рейнгольд Иосифович (04.07.1888–11.03.1938) — член РКП(б). Начальник штаба внутреннего Украинского фронта.

²⁷ Так в документе.

²⁸ Павлов Павел Андреевич (19.02.1892–18.07.1924) — военный специалист РККА, член РКП(б). Киевский губернский военный руководитель и военный комиссар. Командовал правобережной группой войск 12-й армии (08.1919).

²⁹ Текст документа уходит в переплет дела.

ника, т[ак] к[ак] ни штаба, ни управления у нас не было. Мы просто «болтались». В Красной армии я не служил³⁰.

VII. Жена и дочь 5 ½ лет живут в Москве, переехали сюда с моим арестом в Севастополе по приезде из Константинополя. За границей никого из родных нет. Есть замужняя сестра в Сызрани, но с 1917 года известий не имею. Фамилия Салнис. Тетка умерла, младшая сестра умерла.

Н. Соколовский

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 16 – 17 об. Карандаш. Чернила.

№ 2

Показания Н. Ф. Соколовского. 6 июня 1922 г.

Показание гражд[анина] Соколовского Николая. 6 июня 1922

По окончательной демобилизации армии я с осени 1918 г. поселился в Киеве (дач[ное] мест[ечко] Боярка). Служил в ликвидационной комиссии складов Ю[го-]З[ападного] фронта. С падением Скоропадского и с началом власти Петлюры ко мне неоднократно обращался некто Антонович, оказавшийся впоследствии Генштаба полк[овником] Станиславским³¹ с предложением помочь генералу Алексееву³² (главком Добрармии³³) свергнуть Петлюру³⁴. Предложено мне было вступить в центр Добрармии Киева. На мое несогласие мне было заявлено, что мне грозит кара, что это отсутствие патриотизма и т. д. Увидев, что власть Петлюры действительно вредна России и народу, я согласился помочь. Тогда за подписью главкома мне дали приказание вступить в глав[ное] упр[авление] Генераль[ного] штаба Петлюры для того, чтобы привлечь служивших там быв[ших]

³⁰ По-видимому, речь о частях на фронте.

³¹ Станиславский Андрей Васильевич (30.11.1883–21.08.1941) — полковник. Видный деятель антибольшевистского подполья в Киеве.

³² Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10.1918) — генерал от инфантерии. Один из основоположников Белого движения на Юге России. Верховный руководитель Добровольческой армии (1918).

³³ Добровольческой армии. К тому времени генерал М. В. Алексеев, занимавший пост верховного руководителя Добровольческой армии, уже умер.

³⁴ Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) — лидер украинских националистов в период Гражданской войны. Глава украинской Директории (02.1919–11.1920).

офицеров Ген[ерального] штаба на сторону Добрармии. Я был лично у нач[альника] Ген[ерального] штаба Бронского³⁵, и он согласился принять меня на службу, но приход Сов[етской] власти, падение Киева и Петлюры вновь развязали³⁶ мне руки.

Из кого в то время состоял центр Добрармии Киева, я не знал, впоследствии мне известно было, что во главе стоял некто Орлов (по-видимому, вымышл[енная] фамилия³⁷), полк[овники] Ерарский³⁸ и Баумгартен³⁹.

Встречался я только с Антоновичем, жившим в то время в Боярке. Наступил март 1919 года. Регистр[ация] бывших офицеров была объявлена. Я должен был тоже регистрироваться. Вот в это-то время ко мне начал вновь приходить Антонович и уговаривать поступить на сов[етскую] службу, дабы давать о ней некоторые сведения. За это мне гарантировалась в будущем реабилитация перед ожидаемым русским правительством. Не давая положительного ответа, я 4 марта 1919 г. поступил на сов[етскую] службу в Киев[ский] губ[ернский] комиссариат. Поступая, я был самого превратного понятия о службе. О власти советской носились самые нелепые слухи. Все это вместе в совокупности с той идеологией, которая была впитана в меня 14-летней службой, заставило меня предвзято судить о сов[етской] власти.

Но первые месяцы службы столкнули меня с такой действительностью, которой я не ожидал.

Власть большевиков оказалась не столь страшной, как об этом говорилось. Внимание ко мне со стороны моего начальства окончательно

³⁵ Бронский Вячеслав Михайлович (24.03.1876 — конец февраля 1919 (до 26.02.1919)) — генерал-хорунжий армии Украинской народной республики. Начальник украинского Генерального штаба (15–31.12.1918; 22.01–02.1919). Умер от тифа.

³⁶ В документе несогласованно — развязало.

³⁷ Киевским центром Добровольческой армии в 1918–1919 гг. руководили генералы А. М. Драгомиров и П. Н. Ломновский (с 18.11.1918), полковники Н. В. Ерарский (с 02.1919), В. П. Барцевич, А. В. Станиславский и Р. К. фон Баумгартен. Полковник Н. З. Неймирок считался начальником штаба центра (по данным на конец 1918 г.).

³⁸ Ерарский Николай Владимирович (30.10.1887–05.04.1966) — полковник. Участник Белого движения на Юге России. Руководитель Киевского центра (1919).

³⁹ фон Баумгартен Роман Карлович (28.05.1887–28.10.1963) — полковник. Участник Белого движения на Юге России. Заведующий оперативной частью разведывательной организации «Азбука» в Киеве (конец 1918 — 08.1919). Представитель Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) в Киеве (конец августа 1919).

обезоружило меня. Что делать? Эти колебания были замечены Антоновичем, и он принял другую политику. Началось запугивание меня. В свою очередь и я стал вести свою линию. Давал Антоновичу самые безобидные сведения в устной форме, я старался отделаться от него. Работал я в это время в комиссариате добросовестно, работал сколько позволяло сил. Мне начали давать [?] повышения по службе, мне предлагали перейти в Наркомвоен, где возможно использовать всю мою опытность. Чтобы не давать возможности Антоновичу требовать от меня сведений, я боялся занимать ответственные должности и предпочел остаться на старой службе в губ[ернском] комиссариате в административной части. Так продолжалось до июня месяца. В это время приказано было всех бывш[их] офиц[еров] Генштаба перевести в Наркомвоен — я должен был перейти туда на должность одного из 3-х помощ[ников] начальника отдела обороны. Это была новая причина Антоновичу приставать ко мне с новыми требованиями давать сведения. Я несколько раз дал кое-какие сведения маловажного характера, но одновременно я узнал, что в Антоновиче скрывается офиц[ер] Генштаба Станиславский. Чтобы избавиться от него, я передал ему, что его фамилия известна в Киеве и его разыскивают. Каждый день он может быть арестован. Об Ерарском я дал такие же сведения. Мои слова были приняты за действительность, и Станиславский с Ерарским скрылись. В это время я поехал на 3–4 недели в поездку с поездом тов. Подвойского⁴⁰ и, казалось, все было кончено. Но события на Южном фронте следовали с особенной быстротой. Наступление Деникина⁴¹ развивалось, с начала августа 1919 г. пошли разговоры об уходе сов[етской] власти из Украины. В подтверждение сего началась эвакуация имущества, учреждений. Наркомвоен сократился до минимума, и меня вновь перевели в губ[ернский] ком[иссариат], где я занимал должность советника по борьбе с бандитизмом и крестьянскими восстаниями.

Предложение занять пост начштаба я отвергнул, т[ак] к[ак] в это время вновь появился новый полк[овник] Баумгартен, которого я знал еще по академии. Баумгартен уже в категорической форме

⁴⁰ Подвойский Николай Ильич (04.02.1880–28.07.1948) — революционер, член РКП(б), советский военный, партийный и государственный деятель. Народный комиссар по военным и морским делам УССР (01–09.1919).

⁴¹ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий ВСЮР (1919–1920).

требовал сведений и грозил тем, что мой отказ даст ему возможность сделать мне великое зло. Реакционные силы начали в это время сильно подымать голову. Да и действительно положение было чрезвычайно тяжелое для сов[етской] власти. Вновь стал вопрос, куда идти? Но события сами решили. Противник появился у Киева. Я проработал до последней минуты и решил скрыться на некоторое время в районе Боярки. Уничтожив все документы в помещении, где находился окр[ужной] воен[ный] ком[иссариат] (оставлены были карты, книги, документы, дела), я пошел в последнюю минуту на Пуще Водицу в лес, но был встречен Станиславским, который мне предложил дать ему сведения о последних событиях. Здесь же Станиславский прибавил, что мои опасения напрасны были, так как Сов[етская] власть свергнута и Добармия уже вступает в город Киев.

Положение мое было крайне тяжелое. Семья с двумя детьми 2 ½ лет и ½ года и больной женой заставили⁴² пойти на все компромиссы. Меня через 5–6 дней вызвали в штаб Бредова⁴³, где мне Баумгартен, Ерарский и Станиславский предложили написать доклад о деятельности, причем мне предложено было побольше и шире написать, «размазать» так, чтобы показать посерьезнее всю работу. Оказалось, что за все время с мая по август киевскому центру не удалось послать ни одного донесения в Добармию, поэтому решено было нажать на будто бы произведенную внутреннюю работу. На общем совещании (Ерар[ский], Станисл[авский], Баумгартен) мы составили программу доклада. Я написал его на имя Баумгартена. Доклад этот весь написан, основываясь на подтасовке фактов, не имевших ничего общего с моей службой. Все вопросы формирований, все дела по мобилизации доходили до меня только как материал для составления приказа или распоряжения. Никакого вреда не причинял, да и не мог причинить, т[ак] к[ак] фактическое дело самой работы формирований было в руках частей. Все вопросы по делу борьбы с бандами я решал с полным вниманием и честностью, т[ак] к[ак] прекрасно знал, что это дело наносит удары общерусскому делу. Петлюра же для меня был всегда врагом России, поэтому и советы военного характера я давал самые целесообразные. Против же Добармии в операциях я не участвовал, т[ак]

⁴² В документе несогласованно — заставило.

⁴³ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (30.10.1873 — после 1944) — генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Начальник 7-й пехотной дивизии.

к[ак] это дело было в руках командарм[а] 12 Семенова⁴⁴. Помещение в докладе, что я советовал переводить больше войска на правый берег Днепра и защищать Киев сильнее, чем против Добрармии, есть тоже подтасовка. Удержание города Киева как центра Украины требовало, конечно, сначала поражения Петлюры, а затем Добрармии. Петлюра грозил самому городу, а Добрармия отделялась рекой. Кроме того, я все время советовал губ[ернскому] комиссару Павлову строить мосты для отхода по западному берегу Днепра в случае неудачи. По приходе в Киев штаба Бредова собрались все офицеры Ген[ерального] штаба для отправки в Таганрог. Вот здесь и начались просьбы защитить их в случае суда. Меня просили в своем докладе упомянуть некоторые фамилии, которые будто бы мне помогали и сочувствовали Добрармии. Я категорически утверждаю, что фамилии Скворцова⁴⁵, Можаровского⁴⁶, Яковлева⁴⁷ и других, которых даже не помню, совершенно случайно попали. Я никогда с ними никакого дела не имел, и только угроза суда и просьбы их заставили меня поместить их фамилии. Дальнейший суд в Таганроге дал новый материал и оборот делу. Мне было предъявлено обвинение, что я слишком много работал для Сов[етской] власти, и мой доклад есть подтасовка. Пребывание под судом продолжалось до января 1920 года (более 4 мес[яцев]). Я был реабилитирован или вернее амнистирован. Но своим докладом я сделал одно — я спас очень многих офицеров от тяжелой кары, я защищал их во всех судах как свидетель.

Ни суд Добрармии, ни 4-месячное мыкание по судам и комиссиям не изменили⁴⁸ мою психологию. Издали из Киева идея Добрармии очень заманчива была мне, старому офицеру. Но действительность показала

⁴⁴ Семенов Николай Григорьевич (12.04.1874–26.08.1938) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Командующий 12-й армией.

⁴⁵ Скворцов Юрий Всеволодович (23.12.1882–?) — бывший подполковник, военный специалист РККА. Однокашник Н. Ф. Соколовского по выпуску из Императорской Николаевской военной академии в 1912 г.

⁴⁶ Можаровский Всеволод Борисович (1893–1924) — военный специалист РККА. Содействовал белым. Начальник штаба сводного отряда Трипольского направления. Перешел на сторону белых. Штабс-капитан.

⁴⁷ Яковлев Вадим Борисович (01.11.1889–28.01.1952) — советский военный деятель, военный специалист РККА. Командир сводного отряда Трипольского направления. Остался в Киеве при занятии его белыми, затем бежал к красным и вновь поступил на службу в РККА.

⁴⁸ В документе несогласованно — не изменило.

другое. Нужно было сильно переболеть и в итоге излечиться от той белой идеи, которая в грязных руках стала тем, что от нее отвернулось все честное, все любящее свою родину Россию и ее народ. С весны 1920 года я всеми силами старался уйти из Добармии, на это меня толкала еще и оставленная в России семья. Я решался на самые разнообразные поступки, чтобы вновь быть в России. Идея Родины и тоска по семье сделали свое дело. Я только как тяжело больной был эвакуирован из Крыма, иначе я в 1920 г. остался бы там. Будучи эмигрантом, я сделал все возможное, чтобы вернуться на Родину. Суды надо мной Врангеля, травля меня как инакомыслящего ускорили дело отъезда на Родину. Будучи и в Крыму, и в эмиграции (Конст[антинопольский] район), я всегда говорил о никчемности белой идеи, я боролся, насколько мог, с ней. Все, что возможно было, я сделал для моей Родины (доклад мой по приезде в Россию в январе 1922 года). Я вернулся — повторяю, на свою Родину, к своей семье — причины же этого только следующие:

- 1) Сознание ошибки служения в Добармии.
- 2) Окончательный порыв с той идеей «Белой», которая принесла одно только великое горе и Родине, и народу.
- 3) Лучше быть в тюрьме на Родине, чем «свободно» дышать среди эмиграции.

Я еще раз подчеркиваю, что за все время сов[етской] службы я ни с кем не говорил, и никого не подговаривал на службу в Добармии. Никого я не организовывал, а помещение фамилий в докладе сделано только для того, чтобы их реабилитировать, освободить от суда.

О моей службе и о том, что весь доклад есть простая подтасовка, могут дать заключения те, кто знал характер работы в губ[ернском] комиссариате и отделе обороны Наркомвоен. Мои бывшие начальники, возможно, находятся в Москве (Наркомвоен, т. Соковнин, т. Шапошников, Шидловский⁴⁹ и другие фамилии, которых не помню).

Гражд[анин] Николай Соколовский
Присутствовал В. Сорокин⁵⁰
6/6-[19]22

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 19–24. Карандаш.

⁴⁹ Правильно — Шидловский.

⁵⁰ Сорокин Василий Васильевич (1895–1961) — член РКП(б), заместитель председателя Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК.

№ 3

Показания Н. Ф. Соколовского. 7 июня 1922 г.

Показания гр[ажданина] Соколовского
по докладу, поданному им Баумгартену по занятии Киева белыми
в 1919 — авг[усте] мес[яце]

Весь доклад составлен из подтасовки фактов и событий. Составлялся он коллективно с Баумгартеном, Ерарским и Станиславским. Цель его была возможно тенденциознее и ярче изобразить не имевшую места работу означенных лиц и мою, а также защиту офицерства от суда. Для сего была рассмотрена вся сеть событий Совет[ской] власти на Украине и из комбинаций этих событий и мероприятий вылился доклад.

Так, например, в докладе указывается, что формирования тормозились, перепутывались, изменялись. Но, конечно, в этом не мог быть повинен начальник отделения администр[ативной] части губ[ернского] ком[иссари]ата, ведавший⁵¹ регистрацией быв[ших] военных. Тяжелое военное положение на Южном фронте создавало серьезную путаницу в формированиях. Все задания на формирования получались из Реввоенсовета Респуб[лики]. Изменения шли оттуда же. Но указываемое время на формирование дивизии 2–3 недели, конечно, создавало только путаницу, бросание и невыполнение приказа. При губ[ернском] комиссариате в мое время формировались два полка особого назначения, и за это формирование губ[ернский] комиссар и военрук получили благодарность.

В отделе обороны Наркомвоенком⁵² я занимал должность одного из помощников нач[альника] отдела — ведал текущей перепиской. Через отдел проходили, между прочим, только приказы о новых формированиях или изменениях. Никакого влияния на ход самого формирования отдел не имел — вся работа передавалась в окрвоенкомы или в специальный отдел по формированию интернац[иональных] частей.

Что путаница была — это действительно так — в Одесс[ком] окрвоенкоме без приказа начали формировать номера таких дивизий, которые уже формировались в двух других округах, и это делалось по инициативе местных властей.

⁵¹ В документе ошибочно — ведавшего.

⁵² Так в документе.

Украина в 1919 г. представляла кипящий котел и о какой-либо программной работе не могло быть речи. Иногда по 4–5 дней не было связи центра с местами. Кругом кишели банды. И нужно было иметь сверхчеловеческую силу, чтобы внести порядок в такую жизнь.

В отделе обороны, занимая малый пост, я работал, сколько мог. Моя работа ценилась. Во время поездки т. Подвойского по правобережной Украине ездил и я вместе с нач[альником] отдела Шиловским и другими. Здесь я работал по 18–20 часов, и т. Подвойский всегда был доволен работой и предлагал лучшие назначения и должности, от которых я принужден был отказываться силой обстоятельств⁵³.

По откомандировании меня обратно в губвоенком я занимал там должность при военруке в роли советника по борьбе с бандами.

2-недельная поездка по местам совместно с губ[ернским] комиссаром показала, что борьба с бандами получала особый успех, где появлялся он, где нуждались в совете и руководстве.

В августе 1919 г. т. Ворошилов⁵⁴ предлагал мне быть у него начштабом по борьбе на внутр[еннем] фронте, но назначен был т. Берзин как ранее [?] быв[ший] нач[альник] Пензенского укр[епленного] района, а я только помог формировать штаб и управления. Работал я безвыходно по 6–10 дней и дома совершенно не бывал. Работал по всем вопросам организационным, связи, оперативным. В таком положении я проработал около 10–12 дней, т.е. до самого падения Киева.

В докладе моем, кажется, есть место, где я указываю, что благодаря мне не взорван был киевский мост, т[ак] к[ак] я будто бы задержал повозку с взрывчатыми веществами. Это выдумка, т[ак] к[ак] мост должны были взорвать бронепоезда, а почему не выполнили работы, не знаю. В последнюю минуту оставался только Киев[ский] губ[ернский] комиссар и я — все остальное ушло на восточный берег Днепра и двигалось на Чернигов. Арьергард или вернее остатки разных частей должны были отходить на Дымер вдоль Днепра по западному берегу. С этими последними должен был уходить и я, здесь были заготовлены мо[сты?]. Всеми войсками управлял Реввоенсовет

⁵³ На полях два вопросительных знака, поставленных В. В. Сорокиным и другим читателем.

⁵⁴ Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) — революционер, член РКП(б), советский военный, партийный и государственный деятель. Командующий внутренним Украинским фронтом.

и командарм 12 Семенов. Я даже не отдаю себе отчета, что подчинялось губ[ернскому] комиссару и какая это была сила.

На совещаниях я указывал, что для сохранения Киева и удержания его нужно сначала бить Петлюру, а затем белых (слабее были) или же отойти к северу, дав возможность двум соперникам истребить друг друга из-за обладания Киевом. Мое предположение оправдалось. Все остальное есть только подтасовка.

Н. Соколовский

В. Сорокин

7/6-[19]22

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 31 – 32 об. Карандаш.

№ 4

Показания Н. Ф. Соколовского. 9 июня 1922 г.

Обвиняемому Соколовскому

На сделанное Вам словесно предложение возобновить в письменной форме Ваш доклад на имя Баумгартена Вы ответили общими фразами и предложенного не выполнили.

Поэтому вторично предлагается:

восстановить в памяти текст названного доклада и без всяких комментариев⁵⁵, пояснений и оправданий передать этот текст в его подлинной редакции со всеми отдельными предложениями, определениями, именами и датами.

Объяснения по существу доклада и доказательства в его подтасовке будут представлены Вами дополнительно.

Сейчас же от Вас требуется исключительно восстановление текста доклада, что в целях ускорения следствия по делу Вам и предлагается сделать.

9/6 В. Сорокин

Показания гр[ажданина] Соколовского

Возобновить текст доклада, отдельные предложения, определения, имена и даты я не в состоянии. Три года прошло с того времени, текст составлялся коллективно и написать его вновь при всем своем

⁵⁵ Так в документе.

желании я не в состоянии. Может быть восстановлено только то, что сохранилось у меня в памяти, но оно представляет обрывки, которые я уже написал.

Я постараюсь в несколько дней вспомнить суть доклада, но сегодня я не в состоянии его воспроизвести в памяти.

Н. Соколовский

**ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 43. Вверху машинопись, далее —
рукопись Соколовского.**

№ 5

Показания Н. Ф. Соколовского. 12 июня 1922 г.

Показания гр. Соколовского

12 июня 1922 [г.]

Доклад, поданный на имя Баумгартена, писался в дни занятия Киева денкинскими войсками, сент[ябрь] 1919 года. Доклад писался коллективно при участии самого Баумгартена, Ерарского и Станиславского. Все, что я в состоянии вспомнить, я излагаю:

«Согласно письменного приказа от имени ген. Алексеева мне через Антоновича было предложено поступить в Глав[ное] управл[ение] Ген[ерального] штаба Петлюры (дек[абрь] 1918 — янв[арь] 1919 г.) для того, чтобы выяснить все намерения и мероприятия Украины против Добровольческой армии.

В феврале 1919 г. я побывал в Глав[ном] упр[авлении] у Бронского (нач[альник] Генштаба), и он предложил, вернее, согласился принять меня в управление, но предупредил, что положение крайне тяжелое и возможен уход украинских войск из Украины. Мобилизация всех быв[ших] офиц[еров] Генштаба была объявлена. Петлюра ушел, Киев был занят красными украинскими войсками. На Украине была новая украинская совет[ская] власть.

Согласно новых распоряжений сов[етской] власти на Украине была объявлена регистрация всех офицеров. Ко мне вновь обратился Антонович (оказавшийся впоследствии Станиславским) и предложил мне использовать мое поступление в одно из учреждений советских гор[ода] Киева на пользу русской Добровольческой армии. Я должен был это исполнить и поступил в администр[ативную] часть губвоенкомата в отделение регистрации.

Антонович требовал встреч с ним для бесед. За март и апрель я встретился с ним 2–3 раза, и здесь он меня спрашивал о том, как работает губвоенком, сколько офицеров явилось на регистрацию, кто из них предлагает свои услуги. Какие идут формирования при губвоенкоме. То, что я знал, я в беседе передавал ему. При губвоенкомате формировались два полка особого назначения и караульные полки для Киева.

В мае я был назначен начальником административной части губвоенкомата и, состоя на этой должности, тормозил формирование указанных частей. В конце мая — начале июня согласно приказа Наркомвоен Украины, я перешел в отдел обороны Наркомвоен на должность одного из 3-х помощников нач[альника] отдела. Согласно инструкций Антоновича-Станиславского я тормозил формирование частей и давал ему сведения о ходе формирований. В начале июля я на 3 недели уехал в поездку, сопровождая Наркомвоен т. Подвойского по Украине.

Совместно ездил нач[альник] отдела т. Шиловский, помощ[ник] Величковский⁵⁶ и до 50–60 сотрудников по разным отраслям. Поездка имела целью контроль на местах и личное воздействие т. Подвойского на упорядочение дел на местах. По окончании поездки я передал в беседе Баумгартену свои впечатления о поездке и о делах на местах. Я указал на хаос, который царил повсюду, на сильное повстанческое движение, на порчу повстанцами путей, средств связи, на погромы еврейского населения. После поездки я вынес убеждение, что справиться с хаосом-анархией украинская власть не может. Я дал характеристику некоторым деятелям украинской власти (фамилий всех не могу вспомнить): командир еврейского полка Клефнер — провизор г. Одессы — совершенно не подготовлен для командования. Организация еврейских специальных полков — колоссальный вред на Украине, где тогда антисемитские настроения были сильно развиты среди населения. Начальник Фастовского района — еврей без всякой военной подготовки, в Умани, Жмеринке — тоже начальники без всякой подготовки. Управления войсками никакого, связь отсутствовала. Формирование частей из рабочих Жмеринского жел[езно]

⁵⁶ Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) — бывший подполковник, военный специалист РККА. Содействовал белым. Перешел на сторону белых при оставлении частями РККА Киева. Впоследствии — полковник.

дор[ожного] узла встретило препятствия и сильное дезертирство. Только под угрозой применения воинской силы рабочие кое-как начали вооружаться и организовываться. Желез[но]дорожники лучше настроены, но материально они угнетены. Т. Подвойский в Жмеринке лично репрессивными мерами приводил в порядок как части войск, так и рабочих.

В борьбе с повстанческим движением было мало успеха потому, что дело это было поручено лицам или совершенно не подготовленным к этому или мало знающим воинское дело. Не было особого центра, ведавшего делом борьбы с повстанчеством и бандами.

Существовала целая серия отдельных отрядов, не имевших ни объединения, ни связи. Сведения, поступающие с мест о повстанчестве, были сильно преувеличены. Каждый неудачник — начальник карательного отряда приписывал свое поражение преимуществу сил на стороне банд.

В Киеве создавалась картина сильно преувеличенная, и борьба требовала массу войск. Это был плюс для внешнего фронта Добровольческой армии. Но в деле для России повстанчество являлось великим злом, почему мои советы по организации борьбы были нужны и целесообразны.

Т. Подвойский даже предлагал мне быть начальником штаба у него, но я отказался в пользу т. Шиловского как начальника отдела обороны. Борьба с повстанчеством и Петлюрой было общерусское дело. Украинская республика с самостийными тенденциями была тоже неприемлема. Общее положение было обрисовано в таких тонах.

По возвращении с поездки с т. Подвойским я составлял отдел особого описания деятельности Наркомвоен на Украине, как в отношении создания армии, так и караульных, особых частей. Об этом печатном труде я говорил Баумгартену. Ему же передавал, что московское правительство крайне недовольно деятельностью Украины, что был получен ряд телеграмм, требующих более интенсивной работы.

Я дал характеристику личности т. Подвойского, где указывал, что это крайне энергичный, работоспособный человек с великой честностью, но ударившийся в мелочи. Это не «военный министр», а потому и дела идут неважно. Нападки Москвы имели почву. Т. Подвойского считали чуть ли не контрреволюционером. В конце июля согласно особого приказа Наркомвоен должен был быть сокращен, оставались только самые незначительные кадры.

Т. Подвойский отзывался в Москву, а на его место назначали «военного специалиста», бывшего шт[абс]-капитана гвардии т. Дзевялтовского⁵⁷.

По моему желанию и просьбам, меня откомандировали вместо Красной армии в губвоенкомат, где я был в распоряжении военного комиссара в роли военного советника. На 8–10 дней я поехал в поездку с военкомом по Украине: Фастов, Бел[ая] Церковь, Бобринская⁵⁸, Умань, Винница, Киев. Цель поездки была организация более планомерной борьбы с бандами и указания на местах. Но борьба приняла другой оборот — банды опирались уже на Петлюру, Тютюнника⁵⁹, которые начали движение от границы вглубь Украины. Во время поездки я еще более убедился, что власти на Украине не удержаться — движение было очень сильное. Одновременно требовалось удержать и бороться с натиском деникинских войск. В этот тяжелый момент началась реорганизация украинской армии. По-видимому, общерусские тенденции взяли верх над самостийностью Украины. Армия украинская становилась общерусской, нумерация общая 45, 46, 47 и др[угие] дивизии (составили 12[-ю] армию). Общее подчинение главноверху России. Эта реорганизация сыграла в руку не только Деникину, но и Петлюре. Импровизации перед лицом пр[отивни]ка, изменения в организации армии — величайшая близорукость.

Одновременно с этим на пополнение фронтовых частей, на их снабжение, на обмундирование и снаряжение обращалось мало внимания. Весь лучший людской материал, лучшие технические средства шли на формирование «особых» и других внутренней охраны частей.

Командиры таких частей были «бошками», они отбирали лучшее, они требовали, они даже угрожали. Все взоры были обращены на внутреннюю жизнь, а этим прозевали внешнего врага — Петлюру и Деникина.

⁵⁷ Дзевялтовский (Дзевалтовский) Игнатий Леонович (02.07.1888–30.05.1935) — революционер, член РКП(б). Заместитель народного комиссара по военным и морским делам УССР, народный комиссар по военным и морским делам УССР.

⁵⁸ Станция Бобринская находилась возле местечка Смела.

⁵⁹ Тютюнник Юрий Осипович (20.04.1891–20.10.1930) — военный специалист РККА. Начальник штаба 6-й Украинской советской дивизии (1919). Один из руководителей антибольшевистского восстания. Вместе со своим отрядом совершил рейд по Правобережной Украине и присоединился к армии Украинской народной республики. Генерал-хорунжий армии Украинской народной республики.

Август месяц — вторая половина — был агонией власти в Киеве. Вместо одного сильного лица появилась целая категория полномочных лиц, «троек», комфронтов. Разрушали одно, формировали другое. У всех было много желания, но мало умения.

За 10 последующих дней до ухода из Киева я побывал в 3-х управлениях, штабах, ведавших внутренней борьбой с бандами и Петлюрой. Внешний фронт был в руках Реввоенсовета и командарма 12. Новая двойственность власти перед лицом пр[отивни]ка вновь сыграла в руку врагов. Я последние дни находился в Окровоенкомате, где являлся сотрудником в штабе внутреннего фронта. Здесь собрались все главные начальники, разделявшие судьбу внутреннего фронта, здесь же ничего не делал и губвоенком т. Павлов, т[ак] к[ак] ему не доверяли за сильные самостийные тенденции. За последние 10 дней я не покидал штаба совершенно, т[ак] к[ак] никого из сотрудников никуда не посылали и не пускали. Я видел весь хаос.

Участь Киева решилась. Интернациональные части и курсанты не могли сдержать Петлюру. Командующий важнейшим направлением Киев — Фастов некто молодой человек 20–21 года потерял все: и войска, и связь, и явился в Киев в штаб только один. Отовсюду являлись какие-то большие начальники без войск, и штаб сделался лагерьем. Большинство думало только об эвакуации и требовали мест на пароходах.

В тяжелую минуту борьбы на два фронта против Петлюры и Деникина в городе маршировала целая бригада пензенцев, кому она подчинялась, кого она охраняла — никто не знал. 3000–4000 штыков и хороших только являлись зрителями происходившего боя. Последнюю минуту в штабе остался т. Павлов, двое из его личной охраны и я. Все сотрудники разбежались, т[ак] к[ак] Петлюра был уже в городе. Подошла к штабу повозка с двумя саперами. Они должны были взорвать железнодорожный мост. Повозку отправили на переправу, где проходили все войска. В этот день последний Киеву я говорил, что Петлюра является большей угрозой для Киева, что его нужно сначала разбить, а потом Деникина, так как он был слаб у Киева — в районе Дарницы. Деникинцы отделялись преградой — р. Днепр, а Петлюра имел открытый фронт.

Отход рекомендовал я на Дымер — Гомель по западному берегу Днепра. Но войска без управления стихийно шли на мост и уходили на Дарницу — Чернигов. Правительство ушло с ними. Пензенская

бригада как бы составляла охрану. Я остался в Киеве. В Киеве остались 99 % б[ывших] офицеров и служащих. В Киеве советская украинская власть оставила своих комиссаров — Жуковского⁶⁰, помощника губкома, и еще несколько лиц, фамилий которых не помню. Через 6–7 дней о последних часах Киева я сказал Баумгартену и вместе с ним, Ерарским, Станиславским составили указанный проект доклада.

Гр[ажданин] Соколовский

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 44- — 49 об. Карандаш. Автограф.

№ 6

Протокол допроса Н. Ф. Соколовского. 13 июня 1922 г.

Протокол

допроса обвиняемого Соколовского 13 июня 1922 г.

Со Станиславским (Антоновичем) я познакомился в конце 1918 года в м[естечке] Байрана в поисках зимней дачи.

Разговоры на полит[ическую] тему у нас велись обычно на переезде между м[естечком] Байрана и Киевом, а также по дороге от станции (вокзала) до дачи.

Конкретное предложение о поступлении в один из штабов Петлюры, показав при этом подлинный приказ ген. Алексеева о задачах русского офицерства и особо Генштаба, я получил от Станиславского примерно в феврале м[еся]це 1919 года и недели за две до ухода Петлюры из Киева.

В силу этого никакой определенной должности я занять у Петлюры не мог.

По уходу Петлюры, примерно в начале марта 1919 г. в разговоре с тем же Станиславским я получил от него предложение о поступлении в один из штабов Красной армии с тем, чтобы способствовать патриотическим планам Добармии, но я не согласился пойти дальше

⁶⁰ Жуковский Семен Борисович (14.12.1896 — 25.01.1940) — бывший прапорщик, член РКП(б). Заместитель Киевского губернского военного комиссара (03 — 08.1919). По имеющимся сведениям, в Киеве при белых Жуковский не оставался, а продолжил службу в 4-й армии Туркестанского фронта (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 192).

губвоенкомата и, ответив Станиславскому отказом в поступлении в Наркомвоен и один из штабов Кр[асной] армии, поступил в губвоенкомат на должность н[ачальни]ка 2-го отделения административной части.

Будучи кадровым офицером и имея 16 лет службы в старой армии, я не мог не относиться сочувственно к идеям восстановления России и поэтому разделял тогдашние замыслы генерала Алексеева.

Впервые я давал Станиславскому сведения о ходе регистрации офицеров и о тех анкетных ответах, которые освещали их отношение к политической стороне.

В своем докладе я конкретно указал, что первое предположение я получил от Станиславского о поступлении в Главное упр[авление] Генштаба (Петлюры), но никоим образом не в штаб Кр[асной] армии.

Это предложение (о поступлении в штаб Кр[асной] а[рмии]) было сделано Станиславским после ухода Петлюры из Киева.

Данное место доклада я хорошо помню и сейчас.

О Подвойском я отозвался в докладе, как о честнейшем человеке, но плохом «военном министре»!

Эта характеристика Подвойского (о его честности) была поставлена мне на вид в суде Деникина, но я должен был поддержать это мнение и там.

Со взятием Екатеринослава Добрармией⁶¹ находившиеся на одесском участке советские дивизии должны были быть, безусловно, уведены оттуда, дабы не подвергнуться окружению!

О том, что я принимал меры к задержанию этих дивизий на одесском участке для их окружения, должен ответить отрицательно.

Об этом я, безусловно, не писал и мер подобных не принимал.

Как мне припоминается, дивизии с одесского (румынского) участка ушли своевременно и в порядке.

Советов о том, чтобы правительство оставалось до последнего момента в Киеве, я не давал и о том в докладе своем не писал.

Это я помню хорошо.

О том, чтобы я писал в своем докладе, что давал указания и советы о необходимости переброски накануне падения Киева лучших красных частей на правый берег Днепра, заведомо зная, что это клонится

⁶¹ Екатеринослав был взят частями ВСЮР 30 июня 1919 г.

в пользу Добармии, вспомнить не могу и ответить конкретно, имеется ли это место в моем докладе, не в состоянии.

Фамилии лиц, включенных в мой доклад, попали туда с целью реабилитации этих лиц перед Добармией и включались по просьбе их самих или через посредство Баумгартена и Станиславского, а также по просьбам близких родственников указанных сослуживцев, ряд которых я даже и не знал до того в лицо.

Упомянутый в докладе Величковский одного со мною выпуска по Генштабу.

Какую должность занимал тогда Величковский, не помню.

Медведева⁶² я знаю, как командовавшего одной из сводных частей в направлении Фастова и впервые встретил его накануне сдачи Киева, куда он приехал для доклада о положении на вверенном ему участке и находился, как мне хорошо помнится, в очень беспомощном состоянии.

Н. Соколовский

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 58- — 60 об. Чернила. Автограф.

Источники

Архив Управления ФСБ России (УФСБ) по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063.

Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-28574; Р-49369.

Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

Литература

Ганин А. В. «Носович и Ковалевский — люди политически ненадежные»: воспоминания С. С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 5–13.

Ганин А. В. Свергнуть Врангеля и сдать его армию красным! // Родина. 2023. № 7. С. 102–107.

⁶² Медведев Михаил Евгеньевич (01.10.1898–17.06.1937) — советский военный деятель. Командующий группой войск Проскуровского направления 12-й армии (08.1919). Начальник 1-й сводной стрелковой дивизии 12-й армии (08–09.1919).

Носович А.Л. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 576 с.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М.: Звенья, 1999. 504 с.

References

Ganin A. V. “Nosovich i Kovalevskii — liudi politicheski nenadezhnyje”: vospominaniia S. S. Ioffe o rabote vysshei voennoi inspeksii na Iuge Rossii v 1918 godu. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.)

Ganin A. V. Svergnut' Vrangelia i sdat' jego armiiu krasnym! *Rodina*, 2023, no. 7, pp. 102–107. (In Russ.)

Nosovich A. L. *Belyi agent v Krasnoi armii: vospominaniia, dokumenty, stat'ji*, ed. by A. V. Ganin. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2021, 576 p. (In Russ.)

Petrov N. V., Skorkin K. V. *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941: spravochnik*. Moscow, Zven'ia, 1999, 504 p. (In Russ.)

Andrey V. Ganin

Dr. Sci. (History)
Lead Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

**“Ukraine in 1919 Was Like a Boiling Pot...”
Colonel N. F. Sokolovsky on the White Underground
Movement in Ukraine: A Testimony of 1922**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.08

Abstract: This article presents the testimony of the former White-underground activist in Kiev, Colonel N.F. Sokolovsky, given during the investigation in Moscow in 1922. On the instruction of the anti-Bolshevik underground, N.F. Sokolovsky 1919 joined the ranks of the Red Army and passed various information on to the Whites. Subsequently, he defected to the White side and presented a report on his work to the White command with a detailed description of what had been achieved. Later, when the report got into the hands of the Reds, Sokolovsky himself returned from emigration to Soviet Russia after the Civil War and was put on trial. At the trial, with the involvement of Soviet military experts, his report was examined for reliability. Sokolovsky's testimony on this issue is of great scientific interest as it reveals previously unknown details of the activities of the Kiev Volunteer Army Center and some features of the Civil War in Ukraine in 1919.

Keywords: White Underground, Ukraine, Soviet Russia, Kiev Volunteer army Center, N.F. Sokolovsky

Леонтий Владимирович Ланник

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119034, Москва, Ленинский пр-т, 32-А
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
ORCID: ID 0000-0003-4313-5557

**О драме украинского нациестроительства
(Парфирьев Д. С. Украинское движение
в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны.
Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918 гг.
М.: Центрполиграф, 2023. 223 с. (Новейшие
исследования по всеобщей истории))**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.09

Аннотация: Новейшая монография посвящена истории украинского национального движения на территории Австро-Венгрии в годы Великой войны. Автор последовательно рассматривает условия и особенности функционирования ряда националистических организаций в контексте противостояния на Восточном фронте, оказавшегося особенно переменчивым в Галиции. Расстановка сил и представления о приемлемых вариантах переустройства Восточной Европы, а в особенности будущей Украины неоднократно и драматически менялись, в том числе из-за иллюзии скорой победы Центральных держав. Распад нескольких империй не только не облегчил достижения поставленных украинскими активистами целей, но и значительно осложнил судьбу создаваемой государственности. Изложение основано преимущественно на украинских материалах (архивах и публицистике), что обуславливает особенности монографии. Трансфер новых источников и уточнение ряда фактологических нюансов соседствует с недооценкой более широкого контекста событий, имперской логики развития процессов, к которым приходилось подстраиваться основным объектам исследования, а масса затронутых военно-политических проблем нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Первая мировая война, украинское движение

Предлагаемая вниманию монография Д. С. Парфирьева «Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914–1918 гг.» вышла в 2023 г.

в издательстве «Центрполиграф» в серии «Новейшие исследования по всеобщей истории». Молодой исследователь предпринял попытку показать, «как могло случиться, что украинское движение в Австро-Венгрии, которое полвека демонстрировало лояльность имперскому центру и не вынашивало сепаратистских планов, 1 ноября 1918 г. заменило прежний лоялизм знаменем национальной государственности» (с. 10). Для этого он попытался разрешить ряд актуальных научных вопросов: «Какую же политику реально вели на протяжении войны украинские деятели Галиции и Буковины в отношении монархии Габсбургов? Какие цели и задачи они считали для себя первоочередными и жизненно важными? Как, когда и под влиянием каких факторов и событий они переориентировались на независимость? Наконец, какими средствами и методами украинское движение пополнило свои ряды и расширяло свое влияние?» (с. 10–11).

Сложность поставленной автором задачи в том, что эта тематика находится на грани деисторизации, т. е. полного возвращения в пространство политической, а не академической дискуссии. Д. С. Парфирьев демонстрирует высокие темпы апробации новых материалов и тезисов. Впрочем, наряду с несомненными достоинствами работы, повышенная научная востребованность исследования определяет его особенности, в том числе рассуждения о базовых дефинициях, например, об определении «украинский» и нюансах термина «оккупация». Тем важнее оказывается исследовательская методология в подборе исторической фактуры и изложение выстроенной на ее основе концепции — ведь только с помощью целенаправленных усилий можно избежать политизации истории более чем вековой давности и добиться ее возврата в русло академической дискуссии.

Монография представляет собой адаптированную для печати версию кандидатской диссертации автора, подготовленную в одном из ведущих центров отечественной славистики — на кафедре южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, под руководством профессора Г. Ф. Матвеева. Актуальность выпущенной книги — без оглядки на конъюнктуру — очевидна как из-за недостатка современных российских исследований на данную тему, так и в связи с особенностями подготовки работы (изучение первичных источников во Львове). Уже во введении Д. С. Парфирьев затрагивает нюансы терминов «идентичность» / «идентификация» и «национальный» / «националистический» и задает общие рамки

рассматриваемого процесса, который он описывает как «организованную попытку обрести атрибуты полноценной нации» и ход мобилизации ресурсов для нее. В монографии представлен традиционный, но при этом достаточно емкий обзор сложившихся подходов к истории украинского движения в Галиции, приводятся базовые их черты без напрашивающихся оценок. Общие выводы о состоянии изученности проблемы достаточно лапидарны, с указанием лакун, сильных сторон, особенностей подхода того или иного исследователя.

Первая глава «Украинцы империи к началу войны: объекты и субъекты национальной мобилизации» посвящена оценке общей ситуации в Галиции к началу Первой мировой войны, потенциалу украинского национального движения и условиям, в которых оно находилось. Обращает на себя внимание периодическое отсутствие ссылок при работе со статистическими данными либо использование данных, взятых у авторов, вызывающих как минимум подозрение в пристрастности¹. Впрочем, подобные «объективные» показатели всегда были инструментом политических манипуляций, и именно на галицийском материале это показано в специальных работах, автору вполне известных². Учитывая ссылки на труд М. Гурного, Д. С. Парфирьев с ними знаком, поэтому представляется необходимым более критически отнестись к некоторым авторам (например, к С. Рудницкому). Обзор основных этапов становления украинского национального самосознания действительно важен, но занимает в книге место, которое вполне можно было отвести для детализации изначально избранного хронологического периода, как в случае с удачным описанием действий украинского политикума в недели Июльского кризиса. Заменить такую практически энциклопедическую справку (в том числе с пояснениями об устройстве австрийского парламента) можно было двумя-тремя ссылками на богатую литературу по данному вопросу. Использованные автором книги редкие и ценные украинские источники, особенно архивные, стали бы в данном контексте особенно репрезентативными. Отдельные нюансы, не растворяясь в достаточно общем полотне событий, от этого только бы выиграли, что

¹ См., напр.: *Історія Львова: у 3-х тт.* Т. 2. Львів, 2007.

² См., напр.: *Савченко В. Н.* Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995; *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

было продемонстрировано автором не только в рецензируемой книге, но и в ряде статей³. Большой интерес представляют дискуссии о соотношении численности русофилов и их оппонентов среди галицийских русин. Не менее любопытны, хотя и требуют отдельного рассмотрения, данные о динамике прихожан греко-католической церкви, о взаимодействии роста национального самосознания и соотношения национальной и религиозной идентификации. В выводах главы основное внимание уделяется позиции украинской стороны. В то же время весьма желательно было бы дополнить их анализом проводившейся до 1914 г. политики Вены, что представляется чрезвычайно интересным для исследования развития украинского движения после начала Первой мировой войны, неожиданного в том числе для жителей Галиции, как показывает Д.С. Парфирьев (с. 44–54). В таком случае размышления автора оказались бы полезным вкладом в дискуссию о шансах Дунайской монархии на уникальное решение национального вопроса, способное предотвратить множество трагедий XX в.

Вторая глава «“Эмиграция”, “оккупация” и фронт: украинцы Австро-Венгрии осенью 1914 — весной 1915 года» уже начиная с заголовка (где «оккупация» взята в кавычки, как и «эмиграция») выделяется проблемной постановкой вопроса. Автор применяет характерный для современной европейской историографии подход — отказ от погружения в собственно военную историю при описании явлений повседневной жизни гражданского населения, напрямую связанных с перипетиями боевых действий. Вместо этого подробно описывается одна из центральных для украинской публицистики тем — трагедия лагеря «Талергоф», которая лишь частично связана с рядом других знаковых событий, в том числе с формированием украинских сечевых стрельцов (УСС, «усусов»), а также первым результатом их боевого применения. Этим сюжетам посвящены специальные исследования, использованные автором достаточно скупно. Анализируя борьбу польских и украинских агентов влияния за внимание не только австро-венгерских, но и германских инстанций, автор склонен переоценивать степень довоенного знакомства кайзеровских

³ См., напр.: Парфирьев Д.С. «Музыкальная» обструкция украинских политиков в Галицийском сейме // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки. М.; СПб., 2019. С. 39–45.

ведомств с украинской проблемой, а потому заявления о «победе» поляков в схватке за симпатии Берлина выглядят неточными: вплоть до Великой войны о реальной конкуренции речь не шла. Однако для оценки соотношения сил имело бы смысл обратиться к специальным работам о германо-украинских отношениях, учитывая, что таковых более чем достаточно, в том числе на русском языке⁴.

Ряда интересных результатов можно было бы достичь за счет вписывания материалов, цитируемых автором, в контекст совместных усилий Центральных держав и становления их коалиционной стратегии. Это касается, в том числе, вопросов использования военнопленных и национальных активистов для «революционизирования» державы Романовых. Определенные подходы к этой тематике автор демонстрирует (с. 75), но, очевидно, не считает это своим приоритетом, ведь Великая война и военные усилия в ней Германии и ее союзников, как и подробности установления «русской военной оккупации» (в тексте для написания этих терминов использованы кавычки) для него остаются внешними обстоятельствами анализируемых процессов, что порой вызывает недоумение. Между тем, как правильно показывает Д. С. Парфирьев, перипетии кампании 1915 г., многие знаковые события которой произошли именно в Галиции, играли важнейшую роль в поиске компромиссов между имперскими акторами и национальными активистами.

Становление и динамика национальных движений, особенно в неоднородных в этноконфессиональном отношении регионах, всегда являются предметом мифологизации, при этом порой они мифологизированы целиком. В особенности это касается истории национально-ориентированных вооруженных сил. Поэтому внимание автора к «усусам» поистине оправдано. Более того, с элементами сравнения масштабов данного явления с Польскими легионами можно только согласиться, как и с соотносением двух этих проавстрийских военизированных проектов, а также их роли в качестве кузницы кадров. С некоторыми высказываниями автора, например о «провале

⁴ Например, несмотря на ряд оговорок, по-прежнему популярна работа Федишина (с ошибкой переводчика в фамилии), написанная с большим вниманием к германскому фактору в становлении независимой Украины: *Федишин О.* Украинская революция 1917–1918 / пер. Л. А. Игоревского. М., 2007. Разумеется, абсолютно не заслуживает игнорирования громадный труд Ф. Гольчевски: *Golczewski F.* Deutsche und Ukrainer 1914–1939. Paderborn u.a., 2010.

похода на Поднепровскую Украину» в августе — сентябре 1914 г., похода, который — как и множество других «походов» из украинской национальной мифологии — имел место лишь в воображении ряда публицистов, или об авторитете «усусов» у соплеменников, вряд ли стоит согласиться. Используемые Д. С. Парфирьевым источники требуют критического анализа. Было бы весьма интересно проследить намеченный сразу в нескольких хронологических отрезках, но не развитый автором сюжет с ролью УСС в развитии Украинской галицкой армии (УГА), ролью выходцев из «сечевиков» в армиях Украинской народной республики (УНР) и Украинской державы.

Крайне интересна глава третья «“Украинизация” набирает обороты: июнь 1915 — ноябрь 1917 г.», связанная с переходом украинского проекта Центральных держав на новый уровень. В связи с откровенной несамостоятельностью Австро-Венгрии в решении острейших вопросов военного противостояния на нескольких фронтах украинские национальные активисты естественным образом переориентировались на главную державу в коалиции, несмотря на почти полное отсутствие довоенного опыта на данном направлении у берлинских ведомств. Об отношении австрийских (но не венгерских) и германских инстанций, в том числе командных, автор судит по украинским и польским источникам (номенклатура и жанр последних значительно уже первых), что едва ли оправданно. Впрочем, соответствующие мемуары и немногочисленные истории воинских частей, которым довелось сражаться бок о бок с УСС, действительно почти не введены в научный оборот (за исключением работ С. Г. Нелиповича и В. Б. Каширина)⁵.

Верно отмечая разделение центров украинского движения на «эмиграцию», «тыл» и «фронт», автор неравномерно освещает динамику всех трех групп, что во многом объяснимо. Нередко в повествовании делается акцент на личных амбициях отдельных лидеров, что подчеркивает субъективные, а не «объективно-национальные» факторы в принятии и имплементации многих решений о сотрудничестве с ведомствами и штабами армий Центральных держав. Менее оправданным выглядит отсутствие дальнейших выводов о причинах,

⁵ *Нелипович С. Г.* Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе — октябре 1914 г. М., 2021; *Нелипович С. Г.* Русский фронт Первой мировой войны. Потери сторон 1915 г. М., 2022; *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка. Незвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.

динамике, успехах и неудачах аналогичных колебаний между прогерманской и проавстрийской ориентацией как у польских, так и у украинских военных организаций. Материалы, использованные Д. С. Парфирьевым, постоянно выводят на такое направление анализа, оно развито главным образом в параграфе, посвященном реакции на декларацию Центральных держав от 5 ноября 1916 г. о восстановлении Польского королевства (с. 113–119).

Представляется, что расцвет разнообразного прожектерства и апеллений к австро-венгерскому командованию со стороны украинских националистов на рубеже 1915/16 г. был бы представлен более удачно, если бы автор упомянул не только Брусиловский прорыв, но и разгром «черно-желтого» наступления габсбургских армий на Волыни осенью 1915 г., а также оговорился о совершенно неадекватной оценке в Вене и Берлине боеспособности русской армии по итогам кампании 1915 г. Вполне возможно, что существенную роль в этом (а значит, и в последующих стратегических неудачах Центральных держав) сыграли именно сведения от украинских активистов и их заверения. Такой анализ вывел бы значимость поднятого автором материала на новый уровень, по-настоящему поставив его в контекст перипетий Великой войны. Влияние на автора тональности многих источников хорошо видно, например, по заголовку «Россия и другие альтернативы» (с. 106). В свою очередь использование терминов «освобождение» и «оккупация» нередко вызывает вопросы: переход территорий под контроль войск Центральных держав по обе стороны границ 1914 г. названо «освобождением», а их утрата влечет за собой «оккупацию», к оценке которой автор относится менее последовательно. Критика Д. С. Парфирьевым погруженной в иллюзии украинской публицистики (например, о ссылке в «сибирский» Курск) на таком фоне не получает необходимого звучания.

Глава четвертая «Украинское движение в империи на пути к независимости (декабрь 1916 — ноябрь 1918 г.)» хронологически соответствует вехам политической истории Австро-Венгрии. Это по-своему оправданно, однако динамика имперской политики по отношению к украинскому движению по меньшей мере с апреля 1917 г. диктовалась последствиями Февральской революции в России, что и следовало бы отразить в структуре главы. Тем более что содержательно значительная часть изложения автора сводится именно к фокусированию на эффекте от декларации 5 ноября 1916 г.

Специфика приоритетов автора отражается и в изложении важнейшей темы переговоров в Брест-Литовске, которые он освещает без базовых публикаций документов об этом форуме, сыгравшем важнейшую роль в истории украинской национальной государственности. Благодаря этому реакция украинских националистов и их односторонние требования — включая тех, кто долгое время или вовсе не был допущен к легальному участию в мирной конференции, — представлены более выпукло, нежели важные реалии обсуждения многогранного украинского вопроса державами-подписантами Брестских договоров. Показательно и то, что автор, столь подробно показав трагическое восприятие украинцами акта от 5 ноября 1916 г., практически полностью (не считая небольшого фрагмента на с. 167–168) воздержался от описания и анализа польской реакции на мирный договор от 9 февраля 1918 г. Между тем она имела огромное значение для хода кампании 1918 г. на Восточном фронте, для развития украино-польского конфликта на Холмщине и для судьбы польской государственности в целом (достаточно вспомнить об эпопее армии Халлера, будущий командующий которой решился на крайне опасный мятеж именно из-за возмущения польских военных Берестейским миром). Излишне доверяя украинским источникам, Д. С. Парфирьев не конкретизировал нюансы «обращения за военной помощью от УНР» и некоторые подробности столь героизированных действий так называемых «жупанных дивизий». Многих представителей отечественной историографии, безусловно, удивило бы и подчеркнуто сдержанное внимание автора к «всемирно-историческим» последствиям и реакции украинской общественности на приход большевиков к власти. Это, однако, при строгом соблюдении тематических рамок имеет основания, при условии должной критики имеющейся советской историографии революционного движения в Галиции.

В последнем параграфе основной части (с. 148–162) автор достаточно бегло описывает драматические последние месяцы австро-венгерской монархии и обстановку собственно в Галиции, хотя на динамику успехов и неудач украинского движения повлияли многие нюансы. Так, остро стоял вопрос с репатриировавшимися (в том числе с территории Украинской державы) или отказавшимися от этого военнопленными, разразился продовольственный кризис, о котором у автора почти ни слова, и появились многие другие проблемы. В том числе поэтому показанная автором взаимосвязь украинского движения в Галиции

и перипетий политического развития «Большой Украины» смотрится достаточно опосредованной или дистанцированной. Вероятно, это было бы желательным для официальных инстанций на территории Габсбургской империи, однако едва ли отражает реальное положение дел. Многие события, болезненные для украинского национального самосознания по обе стороны Збруча, автор показывает через призму местной публицистики, что затрудняет оценку их масштаба и истинной роли в сложном взаимодействии на «брестском» пространстве. Примерно те же проблемы проявляются и при описании кризиса оккупационного режима в Конгрессовой Польше в октябре 1918 г., хотя он немедленно перекинулся на Галицию и определил ход первого (и последнего) раунда схватки за Львов в ноябре 1918 г. В данном отношении предыстория этих событий, показанная с позиции становления украинских организаций, не вполне объясняет последующую драму украинцев Галиции, при том что известная «парламентская» сторона вопроса о зарождении украинской государственности в бывшем габсбургском королевстве показана достаточно хорошо. Общие выводы главы не вызывают возражений, кроме разве что излишнего доверия к «очарованию украинской идеей» авантюриста Вильгельма Габсбурга, который мог бы увлечься любой (не только украинской) идеей с целью получения трона. То же можно сказать и о сжатом заключении, которое, благодаря чисто авторскому изложению, значительно выигрывает в тональности и беспристрастности относительно основного текста.

Объем исследования достаточно компактен (около 200 страниц «чистого» текста), хотя поставленная тема действительно широка, как и почти любая аналогичная. Высокий темп событий в годы Великой войны (при том что вся первая глава посвящена, что вполне естественно, еще и довоенным реалиям) всегда подталкивает к наращиванию объема за счет подходящей фактуры. Желая отразить в равной степени и военную, и культурную, и внешнеполитическую, и ряд других сфер деятельности украинских организаций, исследователь неизбежно оказывается перед выбором между увеличением объема и диспропорцией в освещении сюжетов (оставляя их без дополнительных пояснений), иерархию важности которых установить довольно сложно. Автор идет по второму пути, что едва ли вызвано недостатком возможностей для исследования проблематики. Это отражается и на списке литературы. При соблюдении академической манеры изложения, учитывая обзор существующей историографии вопроса, даже

за вычетом безбрежной публицистики потребовался бы немалый объем. Список литературы (особенно на немецком языке или переведенной с немецкого), который мог быть использован Д. С. Парфирьевым, рискует получиться очень длинным. Тема, поднятая автором, затрагивает как военные усилия двух немецкоязычных великих держав, в том числе той, что была столь многонациональна, так и сюжеты многолетней оккупации целого ряда восточноевропейских территорий их войсками.

Иногда автор излишне лаконичен: даже введение начинается с описания событий вокруг появления Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) осенью 1918 г. Сюда же следует отнести и порой категоричные оценки и заявления, не верифицируемые вне мейнстрима украинской националистической мифологии, но не вызывающие сомнений при постоянном обращении к потоку украинской публицистики и эмигрантских воспоминаний. Это касается, например, приводимой (как версия) фразе о том, что Оттокар Чернин мог быть креатурой Николая Василько (с. 147), что на фоне реальной расстановки сил в высших кругах Австро-Венгрии при приходе к власти Карла I выглядит совершенно неочевидно.

Фиксация автора на региональной перспективе событий и источниках на славянских языках оставляет в тени логику имперских акторов, особенно из Центральных держав. Активное использование мемуаров деятелей украинского движения особенно бросается в глаза на фоне отсутствия воспоминаний представителей обеих империй, которые в подавляющем большинстве своем с немецкого языка никогда не переводились, хотя новейший из переводов (А. фон Крамона) автор оперативно учел⁶. Подобный подход несет с собой определенную опасность сближения с национальной (если не националистической) историографией, на неакадемические черты которой сам Д. С. Парфирьев справедливо указал во введении. Реконструировать целостную картину двустороннего конфликта исключительно на украинских и польских источниках достаточно сложно. Следует учесть, что имеются сведения и третьей стороны.

В отдельных аспектах применительно к ряду важных носителей украинской мысли, ресурсов украинского движения и объектов его

⁶ Крамон А. фон. С Австрией против России. Воспоминания немецкого представителя / пер. Н. А. Власова. СПб., 2022.

усилий на территории Австро-Венгрии значение немецкоязычных источников весьма велико. Особенно это касается темы украинцев-военнопленных, точнее, отбора таковых среди военнопленных имперскими военными инстанциями. Это имело определяющее значение для военной дееспособности любых украинских проектов — как на российской территории, так и на австро-венгерской, а впоследствии и для фиктивной независимости УНР и Украинской державы, существовавших в условиях почти непрерывной иностранной оккупации.

Подводя итог, следует повторить вывод о безусловной важности данной работы в современной российской историографии. Она задает ряд параметров для нового поколения исследователей и вводит в отечественный научный оборот значительное количество труднодоступных материалов. Хотелось бы, чтобы автор продолжил разработку проблематики для выхода на новый уровень уже в рамках докторской диссертации, не замыкаясь на регионе и языке источника.

Литература

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 388 с.

Історія Львова: у 3 т. / гл. ред. Я. Д. Ісаєвич. Т. 2. Львів: Центр Європи, 2007. 559 с.

Каширин В. Б. Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М.: Регнум, 2010. 388 с.

Крамон А. фон. С Австрией против России. Воспоминания немецкого представителя / пер. Н. А. Власова. СПб.: Евразия, 2022. 416 с.

Нелипович С. Г. Борьба за Галицию: сражения от Сана до Карпат в августе-октябре 1914 г. М.: Квадрига, 2021. 514 с.

Нелипович С. Г. Русский фронт Первой мировой войны. Потери сторон 1915 г. М.: Квадрига, 2022. 946 с.

Парфирьев Д. С. «Музыкальная» обструкция украинских политиков в Галицийском сейме // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 39–45.

Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веней, Берлином и Киевом. 1914–1918 гг. М.: Центр-полиграф, 2023. 223 с.

Савченко В.Н. Востоочнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: ИСБ, 1995. 195 с.

Федюшин О. Украинская революция, 1917–1918 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2007. 333 с.

Golczewski F. *Deutsche und Ukrainer 1914–1939*. Paderborn: F. Schöningh, 2010. 1085 S.

References

Bakhturina A. Iu. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoje upravleni-je i natsional'naia politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)*. Moscow, ROSSPEN, 2004, 388 p. (In Russ.)

Fediushin O. *Ukrainskaia revoliutsiia, 1917–1918*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007, 333 p. (Eng. ed.: Fedyshyn O. *Germany's drive to the East and the Ukrainian revolution, 1917–1918*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1971, 401 p.) (In Russ.)

Golczewski F. *Deutsche und Ukrainer 1914–1939*. Paderborn, F. Schöningh, 2010. 1085 p. (In Germ.)

Istoriia Lvova: in 3 vols., ed. by Ia. D. Isaevych. Vol. 2. Lviv, Tsentr Evropy, 2007, 559 p. (In Russ.)

Kashirin V.B. *Vziatije gory Makovka. Neizvestnaia pobeda russkikh voisk v-snoi 1915 goda*. Moscow, Regnum, 2010, 388 p. (In Russ.)

Kramon A. von. *S Avstrijei protiv Rossii. Vospominaniia nemetskogo predstavi-telia*. Saint Petersburg, Jevraziia, 2022, 416 p. (Germ. ed.: Cramon A. von. *Unser Österreichisch-Ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege*. Berlin, E.S. Mittler, 1922, 205 S.) (In Russ.)

Nelipovich S.G. *Bor'ba za Galitsiiu: srazheniia ot Sana do Karpat v avguste – oktiabre 1914 g.* Moscow, Kvadriga, 2021, 514 p. (In Russ.)

Nelipovich S.G. *Russkii front Pervoi mirovoi voiny. Poteri storon 1915 g.* Moscow, Kvadriga, 2022, 946 p. (In Russ.)

Parfir'jev D.S. “Muzykal'naia” obstruktsiia ukrainskikh politikov v Galitsiiskom seime. *Moskva i Vostochnaia Jevropa. Natsional'no-territorial'niye proble-my i polozheniye men'shinstv v stranakh regiona. Sobytiia. Fakty. Otsenki*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg, Nestor-Historia, 2019, pp. 39–45. (In Russ.)

Parfir'jev D.S. *Ukrainskoje dvizheniye v Avstro-Vengrii v gody Pervoi mirovoi voiny. Mezhdru Venoi, Berlinom i Kijevom. 1914–1918 gg.* Moscow, Tsentrpoligraf, 2023, 223 p. (In Russ.)

Savchenko V.N. *Vostochnoslaviansko-pol'skoje pogranič'je 1918–1921 gg. Et-nosotsial'naia situatsiia i gosudarstvenno-politicheskoe razmezhevanije*. Moscow, ISB, 1995, 195 p. (In Russ.)

Leontiy V. Lannik

Dr. Sci. (History)
Leading Researcher
Institute of World History
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4313-5557

About the Drama of Ukrainian Nation-Building
(Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии
в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином
и Киевом. 1914–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2023. 223
с. (Новейшие исследования по всеобщей истории))

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.09

Abstract: This recent monograph is devoted to the history of the Ukrainian national movement on the territory of Austria-Hungary during the Great War. The author consistently examines the conditions and features of the functioning of a number of nationalist organisations in the context of the confrontation on the Eastern Front, which turned out to be especially changeable in Galicia. The balance of power and ideas about acceptable options for the reconstruction of Eastern Europe, and especially future Ukraine, have repeatedly and dramatically changed, influenced by the illusion of an imminent victory of the Central Powers. The collapse of several empires not only did not make it easier to achieve the goals set by Ukrainian activists, but also significantly complicated the fate of the newly created statehood. The presentation is based mainly on unique Ukrainian journalism, which determines both the advantages and disadvantages of the monograph. The transfer of new sources and the clarification of a number of factual nuances is accompanied by an underestimation, or even ignoring, of the broader context of events, while the imperial logic of the development of processes, to which the main objects of research had to adapt, as well as the mass of military-political problems raised, require further consideration.

Keywords: Austria-Hungary, Great War, Ukrainian national movement

Екатерина Викторовна Байдалова

младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32-А
Москва, Российская Федерация
E-mail: kbaydalova@yandex.ru
ORCID: 000-0001-6263-8358

**Антология, получившая Национальную премию
имени Тараса Шевченко
(Назаренко М. Крім «Кобзаря». Антологія
української літератури 1792–1883: У двох
частинах. Київ: Laurus, 2021. 496+488 с.)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.10

Аннотация: В рецензии рассматривается получившая в 2023 г. Шевченковскую премию — главную государственную награду в гуманитарной сфере Украины — книга М. И. Назаренко «Кроме “Кобзаря”». Антология украинской литературы 1792–1883: В двух частях» (Київ, 2021). В ней представлены 139 текстов 48 украинских писателей XVIII–XIX вв. и 49 историко-литературно-критических эссе об этих авторах и их творчестве. Составитель антологии опубликовал и сопроводил развернутым историко-культурологическим комментарием произведения украинской литературы, редко или очень давно не печатавшиеся в литературных антологиях, авторов, выпавших из национального канона, а также по-новому взглянул на классиков украинской литературы XIX в. и их произведения, их вклад в национальную культуру. С полемичной точки зрения предлагает Назаренко рассмотреть творчество в том числе Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко, без которых невозможно представить обозначенный выше период литературы. Исследователь уделяет большое внимание вопросам текстологии. «Кроме “Кобзаря”» демонстрирует, как научное издание (с выверенным категориальным аппаратом, примечаниями, ссылками на источники и использованную литературу) может быть одновременно объективным (в описании контекста эпохи, литературных явлений и исторических фактов) и субъективным (в выборе авторов, произведений, подходов в трактовке).

Ключевые слова: антология, «Кроме “Кобзаря”», украинская литература, канон

В 2023 г. Национальную премию имени Тараса Шевченко (или Шевченковскую премию) — главную государственную награду Украины в гуманитарной сфере — получила книга М. И. Назаренко

«Кроме “Кобзаря”. Антология украинской литературы 1792–1883: В двух частях» (Киев, 2021).

Михаил Иосифович Назаренко (р. 1977, Киев) — украинский литературовед, писатель-фантаст, переводчик, доцент кафедры восточнославянской филологии и информационно-прикладных исследований Учебно-научного института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. В украиноведении Назаренко, чьи первоначальные научные интересы находились в области русистики (его кандидатская диссертация была посвящена мифопоэтике М. Е. Салтыкова-Щедрина), стал заметен с 2006 г., когда выпустил монографию «Захоронение на могиле (Шевченко, которого знали)»⁷, которая в исправленном и дополненном виде вышла с подзаголовком «Биография Шевченко в фольклоре и фэйклоре» в 2017 г.⁸ и получила премию «ЛитАкцент года», учрежденную интернет-изданием «ЛитАкцент». Эта книга — комментированное и наиболее полное систематизированное собрание преданий о главном украинском национальном поэте, включающее в себя более 400 позиций в списке использованной литературы и 240 репродукций и фотографий; история того, как Шевченко стал мифологической фигурой украинской культуры.

Антология «Кроме “Кобзаря”» — попытка автора усовершенствовать подход к исследованию, казалось бы, канонических авторов и текстов украинской литературы, доказать, насколько национальная классика интересна и разнообразна. Существующий канон украинской литературы унаследовал традицию советского времени, она же, в свою очередь, следовала за народническим канонем, сложившимся в последней трети XIX — начале XX в. Таким образом, значимыми для национальной культуры оказались произведения, написанные «для народа и про народ», в то время как составитель антологии отобрал в нее произведения, многие из которых так и остались мало известны широкой публике. Хронологические рамки материала М. И. Назаренко поясняет следующим образом: от первого произведения, созданного на живом украинском языке, до стихотворения «Не пора, не пора» И. Я. Франко, названного при переиздании

⁷ Назаренко М. И. Поховання на могилі (Шевченко, якого знали). Київ, 2006.

⁸ Назаренко М. И. Поховання на могилі (Шевченкова біографія у фольклорі та фейклорі). Київ, 2017.

в 1911 г. «Национальным гимном»: «Не пора, не пора, не пора / Москалеві й ляхові служити! / Довершилась України кривда стара / Нам пора для України жити»⁹ («Не пора, не пора, не пора / Москалю и ляху служить! / Завершилась Украины неправда старая / Нам пора для Украины жити»). В 1882–1884 гг. появились первая библиография украинской литературы¹⁰, первая история украинской литературы¹¹, переводы У. Шекспира М. П. Старицкого и П. А. Кулиша, первые сборники новой послешевченковской поэзии (Кулиша, Старицкого, Я. И. Щёголева). 1882 г. — год основания журнала «Киевская старина», оказавшего значительное влияние на становление национального самосознания, в 1883 г. была написана и поставлена пьеса Старицкого «За двумя зайцами», высмеивающая малороссию как образ мышления и др. Составитель антологии видит путь, пройденный украинской культурой от 1792 до 1883 г., как переход от Малороссии к Украине. Это позволяет в том числе поместить в издание произведения и на русском языке, поскольку многие писатели того периода были двуязычными.

М. И. Назаренко опубликовал и сопроводил развернутым историко-культурологическим комментарием произведения, редко или очень давно не печатавшиеся в литературных антологиях, авторов, выпавших из устоявшегося украинского литературного «иконостаса». Для сравнения исследователь взял четыре дореволюционные (А. Г. Барвинский «Русская читанка для высшей гимназии» (ч. 2–3, 1871), В. Н. Доманицкий, С. А. Ефремов «Возраст» (т. 1–2, 1900–1902), И. Я. Франко «Аккорды» (1903), А. К. Коваленко «Украинская муза» (1908)), четыре советские (Н. М. Шумило «Антология украинского рассказа» (т. 1, 1960), А. И. Костенко «Поэты постшевченковского периода» (1961), М. С. Грицай и др. «Антология украинской поэзии» (т. 2–3, 1984), Н. Л. Гончарук «Украинские поэты-романтики» (1987)) и две постсоветские (Н. М. Гаевская «Украинская литература XIX столетия» (2006), Л. М. Задорожная «Новое слово» (кн. 1–2, 2012–2013)) антологии — больше половины текстов «Кроме

⁹ Франко И. Я. Не пора, не пора. URL: http://ukrlit.org/franko_ivan_yakovych/ne_pora_ne_poga_ne_poga (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁰ Комаров М. Библиографічний покажчик нової української літератури (1798–1883). Киев, 1883.

¹¹ Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884.

“Кобзаря”» в них не входило. Так, например, в антологию Назаренко вошли поэмы К. Н. Устияновича, которые не печатались 145 лет, историко-мифологические поэмы Ю. А. Федьковича, не издававшиеся 119 лет, сонет Н. Мартовичского, опубликованный последний раз 91 год назад.

Назаренко, по словам В. Н. Жежера, играет в любимую украинскими интеллектуалами «мазохистскую игру»: «...берешь нашу родную литературу первых трех четвертей XIX столетия и выносишь за скобки Шевченко с его “Кобзарем”. И перед тобой предстает полупустыня, где плотность писательской среды равна плотности населения Гренландии: несколько перепевков чужих песен и имитаторов народного языка, которые как будто и сами признавали свою провинциальность и вторичность»¹². В этой «игре без козырей»¹³ Назаренко сумел выиграть: вынес за скобки «Кобзарь» Шевченко — и увидел не пустыню, а тех писателей и те произведения, которые не вошли в литературный канон потому, что украинская литература стала развиваться по другому пути (именно поэтому в канон не попала большая часть произведений романтизма и протомодернизма). Так, например, настоящим открытием для тех, кто знает украинскую литературу исключительно по школьным или даже вузовским учебникам, стал тот факт, что хрестоматийная «Энеида» И. П. Котляревского — не первое произведение на живом народном украинском языке и даже не первое опубликованное. Первым была «Песнь Черноморского войска, по получении на землю Высочайших грамот сочиненная» А. А. Головатого, появившаяся в 1792 г., за шесть лет до украинской «Энеиды». Однако то, что было неактуально в прошлые столетия, если посмотреть на это под другим углом зрения, может стать неожиданно свежим в настоящее время, поскольку дает понять, каким реальным багажом обладает национальная литература. Как справедливо заметил автор, «есть большое искушение половину разделов начинать со слов: “А этому или этой повезло еще меньше”»¹⁴. Это, очевидно,

¹² Жежера В. Крім «Кобзаря». Антологія української літератури 1792–1883. У двох частинах // Критика. 2001. № 11–12. URL: <https://krytyka.com/ua/reviews/krim-kobzaria-antolohiia-ukrainskoi-literatury-1792-1883-u-dvoch-chastynach> (дата обращения: 27.08.2023).

¹³ Там же.

¹⁴ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Корнило Устиянович (1839–1903). URL: <https://kyivdaily.com.ua/kornilo-ustiyanovich/> (дата обращения: 31.08.2023).

касается в первую очередь тех авторов, чьи произведения были напечатаны не в годы их создания, а через десятки лет, когда уже практически утратили актуальность (П.П. Белецкого-Носенко, создавшего словарь «малороссийского или юго-восточнорусского языка», напечатанный через 110 лет после смерти составителя, роман на русском языке «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1829), так до сих пор и не опубликованный, балладу «Ивга» (1828), появившуюся в печати только в 1872 г.; или А.П. Свидницкого, автора первого украинского социально-психологического романа, изданного уже в XX в. И. Франко, и многих других).

В антологию входят 139 текстов 48 украинских писателей XVIII–XIX вв. и 49 историко-литературно-критических эссе об этих авторах и их творчестве, написанных таким образным, афористичным языком, что эти тексты заведомо обречены разойтись на цитаты в последующих работах литературоведов. Так, например, о Федьковиче Назаренко пишет, что с ним «случилось худшее, что могло случиться в XIX столетии с украинским поэтом: он прочитал Шевченко»¹⁵, или что чтение «произведений Падуры из-за их специфического языка иногда превращается в какое-то решение кроссворда»¹⁶, или замечает, что в конце 1820-х гг. «котляревщина царила, как силы зла на баскервильских торфяниках»¹⁷, а эссе о Котляревском начинается с вопроса, зачем тот написал «Энеиду». (По мнению литературоведа, наиболее вероятный ответ — для развлечения. При этом автор отмечает, что перестройка на Украине началась одновременно с постановкой «Энеиды» в Национальном академическом драматическом театре имени Ивана Франко (Киев), а закончилась в 1991 г., когда был снят получивший широкую известность мультфильм про похождения «парубка моторного».)

В антологии переосмысливается вклад в национальную литературу многих писателей. Так, значение творчества Тымко Падуры, представителя «украинской школы» польской поэзии, «неправильного»,

¹⁵ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Осип-Юрій Федкович (1834–1888). URL: <https://kyivdaily.com.ua/osip-yuriy-fedkovich/> (дата обращения: 08.10.2023).

¹⁶ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Тимко Падура (1801–1871). URL: <https://kyivdaily.com.ua/krim-kobzarya-timko-padura/> (дата обращения: 08.10.2023).

¹⁷ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Левко Боровиковський (1808–1889). URL: <https://kyivdaily.com.ua/levko-borovikovskiy/> (дата обращения: 08.10.2023).

но «такого живого»¹⁸, оказывается не в написании бездоказательно приписываемой ему песни «Гей, соколы!» («На зеленой Украине»), а в том, что он был единственным поэтом своего времени, вышедшим за пределы «котляревщины». Как пишет Назаренко, язык его произведений был «целиком искусственным, конечно, но жизнеспособным и очень энергичным»¹⁹. В эссе о Григории Квитке-Основьяненко исследователь отмечает: тот недаром гордился тем, что на его могиле достаточно было просто начертать «Он написал “Марусю”», — потому что создать ее, действительно, надо было в тот период развития литературы («иногда слабый писатель в нужное время в нужном месте осознает, что именно нужно сейчас литературе»²⁰). Но по мысли составителя антологии, не стоило вводить эту повесть в школьную программу и тем более заставлять писать по ней сочинения на тему «Маруся и Василь — украинские Ромео и Джульетта» или «Взволновала ли меня повесть “Маруся”», поскольку «Говорят, до сих пор есть люди, которые с увлечением читают “Марусю” Квитки-Основьяненко. Говорят, где-то до сих пор живут единороги»²¹. Автор не боится быть полемичным по отношению к принятым в украинском литературоведении точкам зрения и потому утверждает, что самые недооцененные писатели обозначенного периода — Пантелеймон Кулиш, Юрий Федькович и Ганна Барвинок, которая должна была бы стать классиком вместо Марко Вовчок («Эстетически победила Барвинок. Исторически — Вовчок»²²), в то время как в массовом сознании Ганна Барвинок — это в лучшем случае жена Кулиша, урожденная Александра Белозерская, старшим боярином на свадьбе которой был Шевченко: эта информация для культурно-исторического контекста оказалась первичнее и важнее, чем ее достижения в области художественной литературы.

Именно с такой, не общепринятой точки зрения смотрит составитель антологии на Гоголя и Шевченко, без которых, конечно,

¹⁸ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Тимко Падура (1801–1871). URL: <https://kyivdaily.com.ua/krim-kobzarya-timko-padura/> (дата обращения: 08.10.2023).

¹⁹ Там же.

²⁰ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Грицько Основ'яненко (1778–1843). URL: <https://kyivdaily.com.ua/gricko-osnovyanyenko/> (дата обращения: 09.10.2023).

²¹ Там же.

²² Назаренко М. «Крім Кобзаря». Ганна Барвінок (1828–1911). URL: <https://kyivdaily.com.ua/ganna-barvinok/> (дата обращения: 12.10.2023).

невозможно представить обозначенный выше период литературы. В эссе, посвященном автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки», исследователь приводит слова Григория Грабовича: «Гоголь будет до такой степени нашим (украинским. — *Е.Б.*), до какой мы будем про него писать». И добавляет: «А это означает — насколько мы будем его понимать»²³.

«Вы ж не думали, что я действительно смогу обойтись без Кобзаря?»²⁴ — так начинается эссе о Шевченко. Его наиболее значительным вкладом в украинскую литературу Назаренко считает то, что поэт «показал, как говорить про современность, не абстрактную точку во времени, где можно тосковать по казатчине, а социально и психологически конкретную»²⁵. Автор дает ему очень емкую характеристику: «Шевченко — и творец, и носитель, и герой мифа (см. работы Г. Грабовича²⁶); и кобзарь, и пророк, и конкретно вот этот самоироничный, а под конец жизни — нестерпимо одинокий и лишенный надежд человек»²⁷. Исследователь предлагает свое объяснение тому, почему Шевченко ведет дневник по-русски: этот язык в то время давал гораздо большее разнообразие стилевых клише, на использовании которых очень многое строится как в русскоязычных повестях поэта, так и в «Журнале». В свою антологию украинский литературовед помещает два стихотворения Шевченко, не вошедшие в «Кобзарь»: первое («Нищий», написанное на русском и опубликованное в 1839 г. в альманахе «Утренняя заря» с подписью Ш.²⁸) и последнее («Чи не покинуть нам, небого...»).

Назаренко уделяет большое внимание вопросам текстологии. Необходимо отметить, что такие проблемы — одни из самых насущных в украинском литературоведении: наследие многих писателей ждет своих академических изданий, в которых будут не только

²³ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Микола Гоголь (1809–1852). URL: <https://kyivdaily.com.ua/mikola-gogol/> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁴ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Тарас Шевченко (1814–1861). URL: <https://kyivdaily.com.ua/kobzar-shevchenko/> (дата обращения: 11.10.2023).

²⁵ Там же.

²⁶ Имеются в виду монографии Г. Грабовича «Поэт как мифотворец. Семантика символов в творчестве Тараса Шевченко» (1991), «Шевченко, которого не знаем» (2000) и другие работы автора.

²⁷ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Тарас Шевченко (1814–1861). URL: <https://kyivdaily.com.ua/kobzar-shevchenko/> (дата обращения: 11.10.2023).

²⁸ Очень вероятно, что это именно Шевченко, хотя авторство не доказано.

достойные научные комментарии, но и наиболее полные тексты классических произведений, напечатанные с использованием разных редакций и учитывающие авторскую правку, сделанную не под давлением цензуры. В рассматриваемой антологии исследователь помещает отрывок из хрестоматийной «Семьи Кайдаша» И. С. Нечуя-Левицкого и на примере этого произведения демонстрирует, как трансформировался текст в связи с цензурными требованиями. Известно, что повесть была впервые опубликована в журнале «Правда» в 1879 г. В 1887 г. она вышла отдельной книгой со значительными изменениями, которые внес автор. И далее каждое переиздание было хоть немного, но исправлено Нечуем-Левицким. Последнее прижизненное издание вышло в 1906 г. По нему чаще всего и публикуют теперь это произведение, вернув в него лишь некоторые ранее удаленные фрагменты. Однако, настаивает Назаренко, очевидно, что текст исправлялся согласно требованиям цензуры и самоцензуры, поэтому печатать его необходимо, проанализировав должным образом все ранее удаленные фрагменты. В антологии варианты из первой, журнальной публикации представлены в угловых скобках — это позволяет проследить, каким изменениям был подвергнут первоначальный текст.

Собрав воедино все произведения, вошедшие в антологию, исследователь заметил, что они выстраиваются в привычную последовательность: от позднего барокко через недопроявленный классицизм и сентиментализм — к романтизму, реализму и даже началам модернизма. Таким образом, он делает вывод о том, что история украинского общества могла бы иметь разные векторы развития, в то время как история украинской культуры шла в общеевропейском русле.

«Кроме «Кобзаря»» — научное издание с выверенным категориальным аппаратом, примечаниями, ссылками на источники и использованную литературу. Назаренко предпринимает попытку «сделать кое-что на границе критики и филологии. Критика по определению оценочна, филология же не имеет на это права: она описывает и, если можно, объясняет. Моя антология — крайне субъективна и в выборе произведений, и в конкретных оценках, но, когда речь идет про место этих произведений и их авторов в истории литературы, я старался давать только факты. Как ни относиться к Котляревскому и «котляревщине», к Квитке-Основьяненко и Марко Вовчок, относи Гоголя

к украинской литературе или отдавай его русской, — но то, чем они были для нашей литературы, не обойти»²⁹.

На вручении Шевченковской премии Назаренко в своей благодарственной речи процитировал слова, которыми заканчивается антология «Кроме “Кобзаря”». Они принадлежат украинскому поэту-неоклассику, литературоведу Николаю Константиновичу Зерову (1890–1937): «Настоящая культура у нас воцарится тогда, когда мы осознаем, что у нас уже есть. Мы должны внимательно пересмотреть достижения украинской литературы. Нам нужно вспомнить забытых, вернуть украинской литературе целый ряд писателей. Чем глубже мы будем исследовать, чем глубже закладывать фундамент, тем выше будет наша постройка». И составитель антологии добавил от себя: «...культура — это всегда сложно. Культура — это ежедневный выбор. И нам нужно эту сложность сберечь и этот выбор делать. Перед нами еще очень много работы. И никто за нас ее не сделает»³⁰.

Антология «Кроме “Кобзаря”» будет полезна не только филологам, историкам литературы, но и широкому кругу читателей, интересующихся украинской культурой.

Литература

Жежера В. Крім «Кобзаря». Антологія української літератури 1792–1883. У двох частинах // Критика. 2001. № 11–12. URL: <https://krytyka.com.ua/reviews/krim-kobzaria-antolohiia-ukrainskoi-literatury-1792-1883-u-dvoch-chastynach> (дата обращения: 27.08.2023).

Комаров М. Бібліографічний покажчик нової української літератури (1798–1883). Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. 74 с.

Назаренко М. Поховання на могилі (Шевченко, якого знали). Київ: Сварог, 2006. 688 с.

Назаренко М. Крім «Кобзаря». Антологія української літератури 1792–1883: У двох частинах. Київ: Laugus, 2021. 496+488 с.

Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1884. IV, 458, XV с.

²⁹ Назаренко М. «Крім Кобзаря». Котляревський. URL: <https://kyivdaily.com.ua/krim-kobzarya-kotlyarevskiy/> (дата обращения: 07.10.2023).

³⁰ Назаренко М. Пост подяки. URL: <https://petro-gulak.livejournal.com/2174144.html> (дата обращения: 27.08.2023).

References

Komarov M. *Bibliohrafichnyi pokazhchyk novoï ukraïns'koï literatury (1798–1883)*. Kyiv, typ. H. T. Korchak-Novytskoho, 1883, 74 p. (In Ukr.)

Nazarenko M. *Krim “Kobzaria”. Antolohiia ukraïns'koï literatury 1792–1883: U dvokh chastynakh*. Kyiv, Laurus, 2021, 496+488 p. (In Ukr.)

Nazarenko M. *Pokhovannia na mohyli (Shevchenko, iakoho znaly)*. Kyiv, Svaroh, 2006, 688 p. (In Ukr.)

Petrov N. I. *Ocherki istorii ukrainskoi literatury XIX stoletia*. Kyiv, tip. I. i A. Davidenko, 1884, IV, 458, XV p. (In Russ.)

Zhezhera V. Krim “Kobzaria”. Antolohiia ukraïns'koï literatury 1792–1883. U dvokh chastynakh. *Krytyka*, 2001, no. 11–12. URL: <https://krytyka.com/ua/reviews/krim-kobzaria-antolohiia-ukrainskoi-literatury-1792-1883-u-dvokh-chastynakh> (accessed: 27.08.2023). (In Ukr.)

Ekaterina V. Baydalova

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: kbaydalova@yandex.ru
ORCID: 000-0001-6263-8358

**An Anthology that Received
the National Taras Shevchenko Prize
(Назаренко М. Крім “Кобзаря”. Антологія
української літератури 1792–1883: у двох
частинах. Київ: Laurus, 2021. 496+488 с.)**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.10

Abstract: This review examines the book by M.I. Nazarenko “Except for the ‘Kobzar’. Anthology of Ukrainian literature 1792–1883: in two parts” (Kyiv, 2021), which received the Shevchenko Prize in 2023, the main Ukrainian state award in the field of humanities. It presents 139 texts by 48 Ukrainian writers of the 18th and 19th centuries and 49 historical-literary-critical essays about these authors and their legacy. The compiler of the anthology has published a number of works on Ukrainian literature that were rarely or not published in literary anthologies for a very long time and fell out of the national canon. He provided a detailed historical and cultural commentary and also took a fresh look at the classic authors of Ukrainian literature of the 19th century and their works, as well as their contribution to the national culture. From a polemical, not generally accepted, point of view, Nazarenko proposes to consider the works of, among others, Nikolai Gogol and Taras Shevchenko, without who it is impossible to imagine the period of literature indicated above. The researcher pays great attention to issues of textual criticism. “Except for the ‘Kobzar’” demonstrates how a scientific publication (including a verified categorical apparatus, notes, links to sources and used literature) can be simultaneously objective (in describing the context of the era, literary phenomena and historical facts) and subjective (in the choice of authors, their works, approaches in interpretation).

Keywords: anthology, “Except for the ‘Kobzar’”, Ukrainian literature, canon

Михаил Юрьевич Дронов

кандидат исторических наук

научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Сергей Михайлович Слоистов

младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

**Международная научная конференция
«XV чтения памяти митрополита Литовского
и Виленского Иосифа (Семашко)»**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.11

В 2022 г. в Республике Беларусь был проведен целый ряд научных мероприятий, приуроченных к 1030-летию православия на белорусских землях. Одной из наиболее представительных по уровню организации и составу участников конференций стали «XV чтения памяти митрополита Иосифа (Семашко; 1798–1868)», состоявшиеся 6 декабря. Научная встреча прошла в помещениях Минской духовной семинарии (далее — МинДС), располагающейся в одном из главнейших духовных центров белорусского православия — агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области. В качестве соорганизаторов выступили Синодальная историческая комиссия Белорусской православной церкви (далее — СИК БПЦ), Минская духовная академия, Посольство РФ в РБ и Центр евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета (далее — РГСУ) в г. Минске.

Перед официальным открытием конференции в Трехсвятительском храме семинарии была отслужена лития об упокоении приснопамятного митрополита Иосифа и его сподвижников.

Пленарное заседание возглавил Преосвященнейший Порфирий, епископ Лидский и Сморгонский. Вначале ректором МинДС протоиереем Виктором Василевичем было зачитано приветственное слово Высокопреосвященнейшего Вениамина, митрополита Минского и Заславского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси. Уже, собственно, в своей речи ректор особо подчеркнул работу заведующего кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин МинДС, председателя СИК БПЦ протоиерея Александра Романчука и торжественно вручил ему памятный знак, посвященный 75-летию первого возрождения МинДС.

Приветствие посла РФ в РБ Б. В. Грызлова огласил и. о. советника-посланника В. И. Ваньке. В нем особо подчеркивалась роль митрополита Иосифа в освобождении белорусов «от польско-литовского католического гнета», выражавшегося в распространении на исторически православных землях униатства. Жизнь архипастыря, по мнению посла, «была образцом святости, истинного служения Богу, государству и нашему единому народу».

С обращением к участникам конференции Высокопреосвященнейшего Исидора, митрополита Смоленского и Дорогобужского, собравшихся ознакомил первый проректор Смоленской духовной семинарии иерей Димитрий Гамиловский. В нем констатировалось, что имя митрополита Иосифа «известно, к сожалению, лишь узкому кругу церковных историков». При этом его можно отнести к одной «из самых масштабных фигур в поликонфессиональной истории Беларуси». Данный тезис был подкреплён также и тем, что воссоединение униатов с православными «предоставило пространство для духовного и этнокультурного развития белорусов, позволив в исторической перспективе построить суверенное государство».

Затем усилиями иерея Олега Кунцевича, председателя Издательского совета БПЦ, была проведена презентация факсимильного издания Жировичского Евангелия XVI в. и церковнославянско-белорусского словаря православной лексики. «Кароткі царкоўнаславянска-беларускі слоўнік праваслаўнай лексікі»¹ был подготовлен Библейской комиссией БПЦ. Основой для его

¹ Кароткі царкоўнаславянска-беларускі слоўнік праваслаўнай лексікі // [уклад.: протаіерэй Сяргій Гардун, протаіерэй Аляксандр Пачопка, І. А. Чарота, Т. А. Матрунчык; пад рэд. протаіерэя Сяргія Гардуна; прадмова І. А. Чароты; рэкамендавана да выдання Выдавецкім саветам Беларускай Праваслаўнай Царквы. ІС Б22-208-0055].

составителей стал опыт проводимых с 1989 г. работ по переводу на белорусский язык Священного Писания и православного богослужения. Ведущая роль в этих переводческих трудах принадлежала почившему протоиерею Сергию Гордуну (1959–2022). Он же стал редактором презентуемого словаря. В качестве одного из составителей и автора предисловия выступил известный белорусский филолог-славист И. А. Чарота.

С первым научным докладом к присутствующим по видеосвязи обратился проф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва) В.И. Петрушко, осветивший значение Московского Собора 1441 г. для преодоления последствий Флорентийской унии. Заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета М. В. Каиль, также дистанционно, раскрыл тему «Послевоенное церковное возрождение: иерархия и священство западных губерний РСФСР — БССР в 1944–1949 гг.» Заведующий кафедрой управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова А. Ю. Полунов постарался проанализировать религиозную и культурно-образовательную политику российских властей относительно запада и востока империи и зарубежных стран во второй половине XIX — начале XX в. Сотрудница Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва) А. А. Комзолова изложила напрямую связанный с главной тематикой чтений вопрос: «Митрополит Иосиф (Семашко) и формирование русской православной школы в Северо-Западном крае (1860-е годы)». Также в рамках пленарного заседания было зачитано сообщение отсутствовавшего сербского коллеги, научного советника Института политических исследований (г. Белград) проф. Зорана Милошевича «Современные вызовы православию: Британский совет и нравственный релятивизм».

После обеденного перерыва работа конференции продолжилась в двух параллельных секциях. Первая секция объединила специалистов по истории православия на белорусских землях. В частности, прозвучали доклады: протоиерея А. Романчука «Император Павел I и Брестская церковная уния: логика правительственной политики и ее последствия», О.Б. Неменского (ИСЛ РАН) «Андрей

Мужиловский и идентичность деятелей православного сопротивления униатству в Речи Посполитой в первой половине XVII в.», Н.В. Самосюка (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина) «Воспоминания православных священников в контексте истории Православной церкви на белорусских землях в первой половине XX в.» и архимандрита Никодима (Генералова) (МинДС) «Празднование 1000-летия Православной Церкви в Беларуси как важный этап становления Белорусского Экзархата в контексте современной белорусской государственности». По отзывам присутствовавших, особую ценность составили живые профессиональные дискуссии, в которых приняли участие также преподаватели и семинаристы.

Вторая секция, озаглавленная «Православие в истории России и славянских народов», была посвящена более широкому тематическому диапазону. Именно в рамках этой секции довелось работать авторам настоящих строк.

Заседание открыл доклад М. Ю. Дронова (ИСл РАН) «Подвижник православия на Пряшевской Руси протоиерей Ириной Ханат (1857–1934)». С.М. Слоистов (ИСл РАН) представил портрет архиепископа Виленского и Литовского Алексия (Дехтерева) как продолжателя дела митрополита Иосифа (Семашко). Сербский историк Зоран Чворович (г. Крагуевац) с помощью переводчика дистанционно поделился размышлениями о значении православия в истории России и Сербии. В.В. Мищенко (Филиал Брянского государственного университета в г. Новозыбкове) предпринял попытку анализа конфессионального многообразия Могилевской, Орловской и Черниговской губерний во второй половине XIX в. Т.А. Мищенко (Филиал БГУ в г. Новозыбкове) поведала о женщинах-мемуаристках, православной дворянке М. Волковой и католичке графине А. Потоцкой, оставивших воспоминания о событиях 1812 г. К.В. Шевченко (Филиал РГСУ в г. Минске) выступил с примечательным докладом «От Полонии к Русскому миру: духовная эволюция архимандрита Владимира Терлецкого». В заключение прозвучало пространное сообщение А.И. Филимоновой (Московский гуманитарный университет) «Новая католическая акция и усташское движение: пролог к созданию Независимого Государства Хорватия».

На следующий день состоялась встреча участников конференции с ректором МинДС протоиереем Виктором Василевичем. Все гости

получили памятные подарки. Также организаторы из числа бывших семинаристов подготовили познавательную экскурсию по территории Жировичского монастыря.

Избранный формат прошедшей конференции в очередной раз продемонстрировал значительный потенциал взаимодействия светских и церковных исследователей и институций. Также отрадно, что, несмотря на тяжелую общественно-политическую обстановку, Семашкинские чтения в Жировичах привлекли участников не только из разных городов Белоруссии, но также из России и Сербии.

Mihail Yu. Dronov

PhD (History)
Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

**International Scientific Conference
“XV Readings in memory of Metropolitan
Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.11

Дарья Александровна Короткова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32-А
E-mail: d_korotkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

**Международная научная конференция «Центры
и периферии: особенности взаимоотношений»
из цикла «Белоруссия и Украина: люди и идеи»**

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.12

17 октября 2023 г. в Институте славяноведения РАН в Москве состоялась очередная, третья по счету научная конференция из цикла «Белоруссия и Украина: люди и идеи». В мероприятии приняли участие 18 ученых из России и Беларуси. Темой встречи стало взаимодействие центров и периферий империй, а именно: миграционные потоки из/на белорусские и украинские земли; эмиграция и беженство как экзистенциальное явление и основа для самоидентификации; самосознание и взаимное узнавание центров и периферий; взаимный обмен идеями в различные исторические периоды через призму просопографического подхода.

Первая секция началась с доклада *С.С. Лукашовой* (Институт славяноведения РАН), посвященного эмиграции и реэмиграции из Малороссии в первой половине XVIII в. К началу века миграция малороссийского населения в Великороссию приобрела массовый и упорядоченный характер. Первоначально переезд происходил в соответствии с царскими указами и не всегда был добровольным, однако со временем, убедившись в благоприятных условиях существования, выехавшие стали организовывать дополнительные приглашения для своих знакомых, образуя таким образом компактные малороссийские группы на всей территории империи. В большинстве случаев выехавшие не возвращались на малую родину, хотя и стремились

к этому. С середины столетия поток реэмиграции практически сошел на нет, что может служить доказательством успешной интеграции Малороссии в состав империи.

А.Ю. Перетяцько (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) в докладе «Донские “малороссы” XIX в. и их (само)идентификация» проанализировал идентификационные процессы у потомков переселенцев на Дон с Украины и из Центральной России. Основную массу населения украинского происхождения в Донском Войске XIX в. составляли потомки переселенцев на его территорию в период правления Екатерины II. Изучение данной категории населения значительно затруднено произошедшей позднее терминологической путаницей: в XIX в. этнические обозначения украинцев (чаще всего «малоросс») стали употребляться для потомков переселенцев до 1861 г., в то время как этнические обозначения «русский» или «русь» переносились на переселенцев после 1861 г., независимо от их происхождения. При этом казачье население четко отделялось от «малороссов» и «русских». К 1861 г. донские крестьяне-«малороссы» составляли уже около трети населения региона. Эту категорию населения почти не затронули процессы украинского национального возрождения: первоначальные переселенцы были малограмотны, а для их потомков образование сопровождалось естественной русификацией. В результате миграционный поток с украинских земель на территорию Войска Донского оказался размыт и ассимилирован, однако потомки переселенцев до 1917 г. позиционировали себя как «малороссы», а не «русские».

Доклад *М.В. Лескинен* (Институт славяноведения РАН) был посвящен проектам переноса столицы Российской империи в Киев. Такие планы возникали на протяжении двух веков имперской истории России, актуализируясь, как было показано исследователями данной тематики, в периоды русско-турецких войн и в связи с идеями панславизма и славянофильства. В докладе рассматривается аргументация такого переноса в контексте формирования национальной мифологии русскости во второй половине XIX — начале XX в.

Выступление *В.И. Короневского* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Религиозность православного населения Полоцкой епархии рубежа 1860–1870-х гг. в восприятии епископа Саввы (Тихомирова)» было посвящено восприятию представителями высшего православного духовенства центральной России

религиозного состояния белорусско-литовских губерний Российской империи. Особое внимание было уделено личным письмам, проповедям и «Автобиографическим запискам» Саввы (Тихомирова), епископа Полоцкого в 1866–1874 гг., прежде епископа Можайского и викария Московского митрополита Филарета (Дроздова). Докладчик проанализировал эволюцию взглядов приехавшего в Полоцк столичного епископа: от уверенности в «фальшивости» местных православных, будто бы все еще остававшихся униатами, до активного вовлечения в жизнь епархии и интеграции в местную среду.

Совместный доклад *Ю.А. Лабынцева* и *Л.Л. Щавинской* (Институт славяноведения РАН) «Белорусская судьба Супрасльского архимандрита Николая (Далматова)» был посвящен малоизученной теме возрождения православной жизни на землях бывшего Велико-го княжества Литовского в XIX в. Одна из самых сложных составляющих в этом многолетнем процессе связана с участием большого числа священнослужителей, посланных сюда в том числе из великорусских губерний Российской империи, о которых нам мало или совсем ничего не известно. Одним из таких посланцев был выдающийся религиозный, культурный и научный деятель архимандрит Николай (Далматов) (1835–1906), благочинный монастырей Гродненской епархии.

М.Ю. Дронов (Институт славяноведения РАН) в своем докладе «Протоиерей К.Л. Кустодиев как исследователь и популяризатор Угорской Руси» обратился к одному из аспектов жизни родного дяди знаменитого художника, протоиерея Константина Лукича Кустодиева (1838–1875). В 1870–1875 гг. он являлся настоятелем русской церкви в Урёме неподалеку от Пешта. С первых же дней пребывания в Австро-Венгрии деятельный священник, еще ранее получивший известность как церковный историк и публицист, живо интересовался судьбами славянских народов Венгерского королевства и, в первую очередь, «угорских русских» (южнокарпатских русинов). Кустодиев установил дружеские отношения с рядом видных национальных деятелей Угорской Руси, косвенно повлияв на их литературное творчество. На страницах российских изданий он знакомил отечественную публику с русинской историей и современностью. Перевел и опубликовал ряд ценных источников. Преждевременная кончина Кустодиева перечеркнула его амбициозные исследовательские и публикационные планы.

А.М. Пшеничный (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) проанализировал послание греко-католического митрополита Андрея Шептицкого «Канадийским Русинам». Мас-совую трудовую эмиграцию восточных славян из Австро-Венгрии в страны Северной и Южной Америки, начавшуюся в конце XIX в., можно назвать одним из проявлений модернизации. Ключевым тут была даже не физическая отдаленность нового места жительства эмигрантов, а совершенно иной общественно-политический уклад, отличный от их традиционного. Такой фундаментальный переворот в жизни не мог не повлиять на развитие самосознания и мировоззрение. Новая реальность потребовала особой рефлексии. «Американский» материал по самосознанию восточных славян — выходцев из Австро-Венгрии уникален тем, что в нем присутствуют аспекты самосознания и проблемы, которые практически не представлены или представлены менее ясно в собственно «австро-венгерском» материале, поскольку реалии Австро-Венгрии не способствовали их осмыслению и, соответственно, отражению в источниках.

М.Э. Клопова (Институт славяноведения РАН) осветила такую неожиданно мало изученную тему, как положение беженцев-галичан в годы Первой мировой войны, используя материалы Галицко-русского благотворительного общества. Эта организация с первых дней войны приняла активное участие в решении гуманитарных проблем занятой русскими войсками Галиции. Одной из таких инициатив стало создание приюта при Иоанновском монастыре в Петрограде для оставшихся без попечения родителей детей-галичан. С конца 1914 до конца июля 1916 г. в приюте проживало около 50 детей, которые затем были переведены в Тулу. Также Общество основало несколько приютов в Галиции, эвакуированные летом 1915 г. в Киев и Бердянск. Члены Общества неоднократно оказывали помощь беженцам-галичанам в получении документов, денежных пособий, устройстве на работу. Деятельность Общества продолжалась до конца 1917 г., когда оно прекратило свое существование.

М.Г. Кучинский (Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая) продолжил тему предыдущего доклада, рассказав о беженстве из Подляшья в Москву, но уже на материале собственной семейной истории. Для Подляшья — Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии — беженство 1914–1915 гг. стало гуманитарной катастрофой. Множество белорусов покинули

свои дома и подались на восток. Подавляющее большинство беженцев в 1920-е гг. вернулись на родину. Редкий пример: зажиточная крестьянская семья обосновалась в Москве, образовав рабочую династию на заводе «Москабель». Младшее поколение породнилось с представителями русских семей из других губерний, поселившихся в начале XX в. на тех же рабочих окраинах. Младший сын — последний, кто из этой семьи писался белорусом, — оборонял Москву, воевал в том же Подляшье. Его дети и племянники считали себя русскими, а внуки — не только русскими, но и поляками, евреями и белорусами.

А.Н. Шульгина (Европейский университет в Санкт-Петербурге) начала вторую секцию рассказом об активистах украинского движения в Воронежской губернии в 1917–1920-х гг. В 1917 г. на фоне всеобщей демократизации и подъема национальных движений в этой губернии активизировалось украинское национальное движение, в котором принимали участие как местные уроженцы, так и попавшие в Воронеж во время Первой мировой войны галичане. Докладчице удалось проследить судьбы деятелей украинского движения в губернии. В 1918 г. украинство на территории губернии не поощрялось ни большевиками, ни Белым движением: кто-то из них был расстрелян, многие уехали, но были и те, кто остался. В 1920-е гг. некоторые из деятелей украинского движения принимали участие в проведении советской украинизации, другие оказались в эмиграции и внимательно следили за происходившими в губернии событиями. Кроме того, в 1920-е гг. появились новые имена среди активистов, которые выступали за проведение украинизации и переход части уездов губернии к УССР.

Л.В. Слуцкая (Белорусский государственный университет, г. Минск) познакомила слушателей с судьбами двух деятелей белорусского движения. В 1918 г. в правительстве Литовской республики было создано Министерство белорусских дел, которое возглавляли Иосиф Воронко (декабрь 1918 — июнь 1920 г.) и Доминик Семашко (июнь 1920 — февраль 1922 г.). Оба были первоначально сторонниками литовско-белорусского союза и белорусской автономии, но потом их мнения разошлись. Воронко перешел на позиции полной независимости белорусских земель, а Семашко отказался от идеи белорусской автономии в пользу единой Литвы.

Е.В. Байдалова (Институт славяноведения РАН) в докладе с интригующим названием «Реорганизация борща» проанализировала

историю жизни В.К. Винниченко (1880–1951). Почти половину жизни украинский писатель провел в эмиграции. Там им были созданы многие художественные произведения, в том числе первый украинский фантастический роман-антиутопия «Солнечная машина». В эмиграции он разработал собственную этико-философскую концепцию переустройства мира — конкордизм. В докладе рассмотрены имплицитно и эксплицитно выраженные стратегии Винниченко-писателя и мыслителя, связанные с пребыванием на чужбине.

Е.Ю. Борисёнок (Институт славяноведения РАН) посвятила свое выступление украинскому ученому, писателю и публицисту Ивану Васильевичу Майстренко (1899–1894) — украинскому революционеру, национал-коммунисту, причастному к проведению советской политики украинизации в Украинской ССР, репрессированному в 1930-е гг. Дальнейшая его судьба была связана с Германией и эмиграцией, где он занимался преподавательской, научной и общественной деятельностью, журналистикой и публицистикой, оставив после себя ряд работ на исторические, экономические, социальные темы. Основное внимание в докладе уделено его биографии и воспоминаниям, над которыми И.В. Майстренко работал до самой смерти.

Белорусский историк *А.С. Горный* (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно) проанализировал особенности реэмиграции белорусского политического деятеля Иосифа Мамонько из Чехословакии через Западную Беларусь в БССР, используя новые архивные документы. В докладе была отображена роль советских агентов в создании в среде белорусской эмиграции иллюзии «подготовки восстания в советской Белоруссии», что способствовало переезду Мамонько и его последующему аресту.

И.И. Баринов (Институт славяноведения РАН) рассказал о жизни белорусского деятеля, политика и дипломата, фактического главы белорусской диаспоры в Берлине Андрея Александровича Боровского (1873–1945). Его биография мало исследована в научной литературе. Боровский участвовал в основных событиях белорусского национального движения первой половины XX в. — от революции 1917 г. до образования Белорусской центральной рады в 1943 г. Кроме того, он был активным участником белорусских внешнеполитических инициатив, в частности долгое время возглавляя миссию Белорусской народной республики в Берлине. Личностная и политическая

биография Боровского представлены на основе ранее неизученных документов.

О.И. Дзярнович (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск) на примере двух вполне «номенклатурных» личностей — А. Кавко и М. Дубинецкого — показал взаимопроникновение в 1960–1980-е гг. официальной культуры и контркультуры, составной частью которой была и национальная белорусская идея. В 1977 г. появилось анонимное «Письмо русскому другу», автором которого, как стало известно позднее, был А. Кавко — сотрудник ЦК ВЛКСМ и будущий дипломат. Письмо являлось обращением белорусов к русской интеллигенции в поисках взаимопонимания в сфере национальных интересов. Член ЦК КПБ М. Дубинецкий сделал очень многое для издания произведений белорусской литературы, отходивших от жестких канонов социалистического реализма.

Завершая вторую часть конференции, *А.А. Суворова* (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) обратилась к творчеству белорусского художника, фольклориста и этнографа Я. Дроздовича (1888–1954). В рамках художественного, литературного, научного творчества на протяжении 1930-х — первой половины 1950-х гг. художник был погружен в разработку темы космоса, развивая ее в фантазмагоричных рисунках и картинах, описывающих жизнь на других планетах, и в квазинаучных астрономических трактатах, которые не нашли поддержки или интереса со стороны академического сообщества. В личных практиках Дроздович обнаруживает характерные для контекста аутсайдерского творчества: идею личного служения, визионерские откровения, социальное аутсайдерство.

Darya A. Korotkova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A,
E-mail: d_korotkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

International Scientific Conference
“Centres & Peripheries: Specifics of Relationship”
from the cycle “Belarus & Ukraine: people and ideas”

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.12

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т., д. 32-А
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

III Всероссийское совещание славистов Секция «Проблемы восточнославянской этнонимии в XVII–XX веках»

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.13

24–26 октября 2023 г. Институт славяноведения РАН провел III Всероссийское совещание славистов, в рамках которого Отделом восточного славянства была организована секция, посвященная проблемам этнической и географической терминологии, а также различных номинаций, относящихся к восточнославянскому региону. В ходе работы секции были заслушаны 11 докладов.

Работу секции открыл доклад *Т.А. Опариной* (Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова / Институт российской истории РАН) «Вариативность наименования в России выходцев из Дунайских княжеств и Балкан первой половины XVII в». Докладчик отметила, что в это время усилилась миграция из Османской империи и ее вассальных государств в Россию. В большинстве своем чиновники Посольского и Разрядного приказа объединяли выходцев в единую категорию «гречан», которым обозначали православных или же мусульман первого поколения этого региона. Однако наряду с этим термином в русской делопроизводительной документации по отношению к данной группе иммигрантов использовались также термины «сербы» и «волошане». Т.А. Опариная провела анализ смыслового наполнения этих терминов.

В докладе *С.С. Лукашовой* (Институт славяноведения РАН) «Термин “Украина” и его дериваты в российских источниках первой половины XVIII в.» были рассмотрены особенности употребления термина Украина / украина и его производных в источниках разных видов — от официального делопроизводства до дневниковых записей. Докладчик обратила внимание, что в великорусских и малороссийских документах под этим понятием понимались различные регионы. Кроме того, дериваты этого понятия исключительно редко использовались в качестве этнонима, и их использование могло иметь политическую окраску.

О.А. Остапчук (Институт славяноведения РАН / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) в докладе «Еще раз о “русских” и “русском языке” в исторической литературе: заметки на полях научного перевода с польского языка» подчеркнула, что сложившаяся в польской научной литературе оппозиция терминов «*ruski*» — «*rosyjski*» по-прежнему вызывает при их переводе на русский язык ряд технических проблем, связанных с методологией анализа межнациональных отношений в донациональный период.

Ю.А. Лабынцев и *Л.Л. Щавинская* (Институт славяноведения РАН) представили доклад «“Черная Русь” и “черноруссы” сенатора П.О. Бобровского (1832–1905)», в котором рассказали о позиции уроженца польско-восточнославянско-литовского пограничья П.О. Бобровского, который на протяжении всей своей жизни был достаточно последовательным сторонником особого этнонимического размежевания территорий ряда западных губерний Российской империи.

М.В. Лескинен (Институт славяноведения РАН), выступившая с докладом «Этно- и топонимика Украины в учебных книгах по истории (1870–1910-е годы). Сюжет “присоединение Малороссии в 1654 г.”», провела анализ топонимов «Малороссия», «Украина», «Южная и Юго-Западная Русь / Россия» в образовательной практике второй половины XIX — начала XX в. На примере сюжета «присоединения Малороссии в 1654 г.» к России она рассмотрела также этнонимы «малороссы», «украинцы», «малороссийский народ» и их значения в исторических нарративах эпохи.

Е.Ю. Борисёнок (Институт славяноведения РАН) в докладе «Некоторые особенности употребления номинации “малоросс” в УССР периода украинизации» отметила, что понятие «малоросс», ранее

в официальной сфере обозначавшее представителей одной из ветви триединого русского народа, утратило свою легитимность и употреблялось с отрицательной оценкой, обозначая человека, страдающего комплексом неполноценности, желающего усваивать ценности не своей, украинской культуры, а культуры другой, русской.

Доклад *Д. А. Коротковой* (Институт славяноведения РАН) «Поляки как общность на западнобелорусских землях в межвоенный период: от религиозного и социального значения к национальному» был посвящен изменению статуса польского языка на восточных кресах. Она отметила, что после создания польского национального государства польский язык стал государственным и обязательным к изучению, прочие же языки сознательно смещались на обочину общественной жизни. Граждане-неполяки оказались перед выбором: национальная ассимиляция как способ социального лифта либо сохранение в положении национального меньшинства, что, однако, грозило понижением статуса и изоляцией.

Ряд докладов на секции был посвящен проблемам этнонимии так называемой «Зарубежной Руси» — землям, входившим в состав Габсбургской монархии, Чехословакии, современной Словацкой республики. *К. В. Шевченко* (Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске) в докладе «Ужгородская церковная уния 1646 г. как инструмент этнокультурной инженерии в Карпатской Руси» подчеркнул, что церковь традиционно выступала в роли мощного инструмента этнокультурной инженерии правящих элит Венгрии и Польши в отношении местного карпаторусского населения, являвшегося изначально православным. Если до середины XIX в. часть униатского духовенства стремилась способствовать культурно-национальному развитию угорских русинов, то со второй половины XIX в. греко-католическая церковь окончательно превратилась в эффективный инструмент национальной политики Будапешта, способствуя мадьяризации русинов в области образования и в церковной сфере.

М. Э. Клопова (Институт славяноведения РАН) в докладе «Беженцы из Галиции в оценке российского общественного мнения в годы Первой мировой войны» обратила внимание на то, что восточнославянское население Австро-Венгрии было практически неизвестно русскому обществу до начала Первой мировой войны и не воспринималось как родственное. Хлынувшие в 1915 г. беженцы из этих

земель в российской публицистике именовались «галичанами». Этот же термин использовали и официальные лица. По мнению докладчика, восточнославянское население Галиции и Буковины в самой России воспринималось скорее как чужеродное, не являющееся ни русским, ни малороссийским.

М.Ю. Дронов (Институт славяноведения РАН) прочел доклад «Этнонимы для обозначения разных сегментов восточного славянства в официальных документах и изданиях Общества (обществ) имени А. Духновича (1923–2013 гг.)». Он проанализировал терминологию лидеров Общества имени А. Духновича, основанного русинами в межвоенной Чехословакии, и одноименных организаций, возникших в конце XX в. на Украине и в Словакии в качестве продолжателей довоенной организации. В частности, им были рассмотрены этнонимы и их дериваты, относящиеся как к автохтонному восточнославянскому населению Карпатского региона, так и к представителям более удаленных сегментов восточного славянства.

Завершил работу секции доклад *С.М. Слоистова* (Институт славяноведения РАН) «Названия местного восточнославянского населения в материалах общественных и церковных деятелей Пряшевщины второй половины 1940-х гг.». Выявленные им в опубликованных документах Украинской народной рады Пряшевщины и в отложившейся в Государственном архиве Российской Федерации корреспонденции православного духовенства из Восточной Словакии наименования систематизированы, показана существовавшая динамика их употребления, кратко охарактеризованы обусловившие ее причины.

Участники секции констатировали, что в историографии последних двух десятилетий немного работ, ставящих исследовательской задачей такой аспект, как эволюция конкретных номинаций, включая эндонимы, экзонимы, этнофолизмы и др. В современной науке нет однозначного отношения к использованию номинаций восточнославянского населения. Можно встретить как употребление понятий, принятых в ту или иную эпоху, так и современных наименований. Докладчики и слушатели секции обратили внимание на вариативность этнической и географической терминологии, необходимость разграничения этнонимов, конфессионимов и регионимов. Важным аспектом обсуждения стала неоднородность этнических номинаций, влияние этнополитических и идеологических факторов на семантическое наполнение понятий. Зависимость многих определений

от политического дискурса той или иной эпохи существенно осложняет изучение восточнославянской этнонимии. Участники секции подчеркнули необходимость осторожного отношения к интерпретации многих понятий как имперского, так и более поздних периодов. Важно учитывать, что отношение к той или иной проблеме правящей элиты и оппозиции, особенно национальной, было зачастую весьма существенным фактором даже на уровне использования терминов.

Maria E. Klopova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, build. 32-A
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

III All-Russian Meeting of Slavists
Section “Problems of East Slavic ethnonymy
in the XVII–XX centuries”

DOI: 10.31168/2782-473X.2024.3.13

Научное издание

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 3

Главный редактор *Б. Н. Флоря*

Корректор *А. М. Никитина*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 20.05.2024. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14

Тираж 500 экз. Заказ № 3136

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86